

Н.Б. Мечковская

СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Издание второе, исправленное

*Пособие для студентов гуманитарных вузов
и учащихся лицеев*

АСПЕНТ ПРЕСС

**Москва
1996**

ББК 81.923
М 55

Мечковская Н.Б.

М55 Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. — 2-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 207 с. — ISBN 5—7567—0047—1

В книге показано место языка в жизни человека и истории человечества — в смене общественных формаций, развитии культуры, религии, школы. Рассмотрены закономерности социальной эволюции языков, разнообразие языковых ситуаций на Земле, современные проблемы общения в многообразном мире.

М 0302030000—004
06И(03) — 96 Без объявл.

ББК 81.923

ISBN 5—7567—0047—1

© Мечковская Н.Б., 1994
© Мечковская Н.Б., 1996,
издание второе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет социальной лингвистики понимают в трех основных смыслах.

Во-первых, это "Язык и общество", т.е. все виды взаимоотношений между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, и церковь, и школа, и политика, и массовая коммуникация и т.д.).

Во-вторых, предмет социолингвистики иногда видят в ситуациях в ы б о р а говорящими того или иного варианта языка (или элемента, единицы языка). В языковом общении постоянно возможны варианты: в условиях двуязычия в зависимости от ситуации говорящие выбирают тот или иной язык; выбрав язык (или при коммуникации только на одном языке), люди стоят перед выбором того или иного варианта речи: говорить ли на литературном языке или на диалекте, предпочесть книжную форму речи или разговорную, употребить официальный термин или его просторечный синоним... Варианты любого ранга — начиная от конкурирующих языков (как коммуникативных вариантов при многоязычии) до вариантов нормативного произношения — называют *социолингвистической переменной*; это своего рода единица анализа в тех социолингвистических исследованиях, где социальные аспекты языка понимаются именно как социально обусловленное в а р ь и р о в а н и е языка.

В-третьих, социальная лингвистика иногда понимается как изучение особенностей языка разных социальных и возрастных групп говорящих. По сути это лингвистическая социология, т.е. изучение социальной структуры общества, но с добавлением к известным социологическим параметрам (социальное положение, образование, доходы, характер досуга, политические предпочтения и т.д.) различий по языку: люди со средним образованием чаще говорят так-то, с высшим — так-то, а те, кто окончил гуманитарные вузы, — вот так-то и т.д.

В настоящем издании предмет социальной лингвистики понимается широко (в первом из указанных значений). Данная книга адресуется широкому кругу читателей: во-первых, это студенты вузов (I или II семестров), обучающиеся по специальностям

"Филология", "История", "Философия", во-вторых, учащиеся, заканчивающие средние учебные заведения гуманитарного типа.

"Социальная лингвистика" опирается на общепонятный смысл таких слов-терминов, как *язык, диалект, стиль, лексика, синтаксис, двуязычие, причастный оборот* и т.п., и идет вместе с читателем дальше, осторожно вводя необходимые новые термины.

В композиции пособия есть, надеюсь, определенная логика, однако книгу можно читать и не подряд, а начиная с любого раздела. При этом полезно обращать внимание на отсылки к другим разделам книги: в них содержится введение обсуждаемого понятия или полезная дополнительная информация. Этому же служит и указатель терминов: он отсылает к тем страницам, на которых даны необходимые определения. Кроме того, в конце книги есть именной указатель.

В книге довольно много библиографических ссылок. Одни из них связаны с новизной обсуждаемых вопросов. Другие отсылают к иному, углубленному чтению.

Библиографические ссылки в тексте книги даны в сокращенном виде: в скобках указывается фамилия автора работы (или первые слова названия коллективного труда, сборника) и год издания, а после запятой — страница или страницы, на которые дается ссылка. Полное библиографическое описание цитируемых или упоминаемых работ приводится в разделе "Литература". В нем звездочкой (*) отмечена учебная и справочная литература по языкознанию, двумя звездочками (**) — классические труды. Работы одного автора приводятся не по алфавиту, а в хронологической последовательности. При ссылках на некоторые классические работы указан год их первой публикации (в квадратных скобках, перед годом современного переиздания). Библиографический список ограничен лингвистической литературой, поэтому ссылки на нелингвистические работы даны в полном виде в основном тексте книги, по ходу изложения.

В цитатах сохраняются авторские графические выделения; многоточие указывает на купюры в цитируемых текстах; в цитатах из художественных текстов многоточия принадлежат цитируемым авторам.

Греческие написания переданы средствами латинской графики, старославянские, церковнославянские и древнерусские — средствами современной русской графики.

Ссылки и библиография позволяют видеть, насколько широка и разнообразна тема книги, как давно ведется этот разговор. Конечно, не всем читателям ссылки нужны, кто-то их просто не заметит (и, значит, они не слишком осложнят его чтение). Но читатель постарше или полюбозпытней не только заметит, но, возможно, и откроет для себя "независимый источник информации".

Как знать, что мы открываем, впервые раскрывая новую книгу. Особенно в молодости...

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА. ФУНКЦИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Языковое общение в эволюции человека. Чарлз Дарвин назвал человека чудом и славой мира. Действительно, в эволюции жизни на Земле возникновение и последующее развитие человека — это удивительное и в известной мере парадоксальное явление, перекрывающее закономерности биологической истории. Результаты деятельности человека во много раз превосходят разрешающие возможности его биологической организации. Парадоксален также филогенез вида *Номо*. Если эволюционный прогресс видеть в углублении адаптации организма к окружающей среде, то успехи человечества несомненны. Вместе с тем налицо черты биологического регресса: происходит деградация некоторых экологически важных функций (слух, обоняние, зрение, зубной аппарат); прямохождение нарушило сложившиеся системы корреляции органов, свойственные млекопитающим. В целом прямохождение как эволюционная тенденция не привело к биологическому успеху — не случайно те виды прямоходящих обезьян, которые развивались не в направлении *Номо sapiens*, вымерли.

Однако развитие человека пошло по особому эволюционному пути. Его взаимодействие с внешним видом не было приспособлением организма к среде. Скорее это было создание человеком разнообразных посредников во взаимодействии со средой: усилителей рук, ног, зрения, слуха, кожи, памяти, сознания; создание "усилителей усилителей" (например, гусеничный ход по отношению к колесу; лазер по отношению к скребку, ножу, сверлу; скафандр по отношению к одежде и т.д.); создание преобразователей как окружающей среды (например, огонь, сельское хозяйство, оросительный канал, кондиционер), так и собственной биологической данности (фармакология, хирургия, протезирование).

Труд как основная форма взаимодействия человека с внешней средой коренным образом отличается от приспособительного поведения животных. Как ни поразительны сложность и целесообразность поведения животных — будь то добыча или поиски корма, рытье нор или строительство сотов, брачные игры, сезонные миграции, "обучение" молодняка, — программы этих

действий определены генетически. Наследственный, биологический характер информации, диктующей поведение животных, обуславливает высокую стандартность поведения всех особей данного вида в синхронии* и исключительную консервативность поведения вида в диахронии**. Как и морфологическое изменение вида, изменение поведения вида — процесс крайне медленный и "безличный": в естественном отборе "вклад" в эволюционный прогресс отдельных особей, стада или популяции оказывается ничтожно малым.

Труд человека, в отличие от приспособительного поведения животных, не носит наследственного характера. Программы трудовой деятельности отдельного индивида складываются в онтогенезе, в процессе обучения, хотя и на основе врожденной, т.е. заложенной генетически, психофизиологической способности к формированию таких программ. Ненаследственный характер трудовой деятельности человека обуславливает разнообразие форм труда в синхронии и их интенсивную, с нарастающей скоростью, смену в диахронии. Это означает, что по мере развертывания истории от прошлого к будущему возрастает доля нового, т.е. не повторенного, но самостоятельно найденного, открытого, созданного в деятельности индивида, конкретного общества и человечества в целом. Иными словами, возрастает т в о р ч е с к и й характер трудовой деятельности человека.

Возможность поступательного развития форм труда обусловлена некоторыми принципиальными особенностями деятельности человека.

Во-первых, трудовая деятельность человека носит социальный характер. Общество опосредует взаимодействие индивида и внешнего мира, что обеспечивает выигрыш не только от сложения усилий, но и от разделения труда. В силу общественного характера бытия человека в его деятельности преобладает социальная мотивация. Биологический аспект бытия не исчезает, но оказывается включенным в системы более сложных социальных закономерностей.

Во-вторых, собственно труд человека (как физическая работа) тесно связан с деятельностью познавательной. Возрастает адекватность отражения мира сознанием человека, совершенствуется сама возможность познания, что служит залогом дальнейшего поступательного развития трудовой деятельности человечества.

* Синхрония (от греч. *synchronos* — одновременный) — состояние какой-либо развивающейся системы (языка, науки, отрасли экономики и т.п.) в один период времени (в идеале — "в точку времени"), а также изучение соответствующей системы в таком состоянии, т.е. в отвлечении от фактора времени.

** Диахрония (от греч. *dia* — через, сквозь и *chronos* — время) — смена состояний языка (или другой способной к изменению системы) во времени, а также изучение соответствующей системы как изменяющейся, т.е. ее эволюции или исторического развития.

Социальный характер бытия, трудовой и познавательной деятельности человека предполагает постоянное общение индивидов между собой. Основной формой человеческого общения является общение посредством знаков языка, т.е. речевое общение. Речевое общение, способное наладить сложную, богатую и разнообразную социальную деятельность людей, должно быть адекватно этой деятельности — обслуживать все сферы общественного бытия, быть содержательным и мобильным. Поступательному движению общества соответствует расширение и интенсификация коммуникативной деятельности индивидов.

Таким образом, история человечества совершается в общении. В возрастании роли речевого общения заключается одно из условий и составляемых социального прогресса. В этой связи становятся понятными исключительная коммуникативная мощь и совершенство языка как важнейшего средства общения.

Являясь основным средством общения, язык в филогенезе человечества становился также и важнейшим инструментом познания. По-видимому, успех человеческого пути эволюции обеспечило именно это обстоятельство: то, что и в коммуникативной, и в познавательной деятельности используется один и тот же инструмент — язык. Это привело к взаимодействию и совместному поступательному развитию производственной и познавательной деятельности человека.

Таким образом, труд, сознание, язык и общественный характер бытия — это основа человеческого в человеке, определившая своеобразие эволюционного пути вида *Homo sapiens*.

Общение людей и общение животных: основные различия. С точки зрения семиотики*, язык — это естественная (т.е. "не придуманная") и вместе с тем не врожденная (т.е. небиологическая) знаковая система, сопоставимая с другими системами связи, существующими в природе и культуре. К природным (биологическим) семиотическим системам относятся врожденные "языки" животных. Искусственные ("придуманные") семиотики создаются человеком для экономной и точной передачи специальной информации (например, арабские цифры, географические карты, чертежи, знаки дорожного движения, языки программирования и т.п.). "Не придуманные" и в то же время небиологические семиотики связаны с культурной историей человечества. Среди них есть семиотики более простые, чем язык (например, этикет, ритуалы), и семиотики более сложные, чем

* *Семиотика* (от греч. *σημείον* — знак, значение) — наука о знаках и знаковых системах; семиотикой можно назвать также конкретную систему средств сообщения определенных значений (в этом смысле выражений *семиотика формальности*, *семиотика фольклора*, *семиотика книги*, *семиотика архитектуры*).

язык, — таковы семиотика искусства слова, "язык" кино, "язык" театра.

Благодаря широте сопоставлений семиотика позволяет увидеть самые важные черты отдельных знаковых систем и видов коммуникации. Для понимания природы человека особенно существенны отличия языка и общения людей от языков и коммуникативной деятельности животных. Основные из этих различий таковы:

1. Языковое общение людей биологически нерелевантно*, т. е. незначимо в биологическом отношении. Характерно, что эволюция не создала специального органа речи и в этой функции используются органы, первоначальное назначение которых было иным. Естественно, речевое общение требует определенного физиологического обеспечения, однако эта материальная (артикуляционно-акустическая) сторона процесса общения не является физиологически необходимой, в отличие от многих явлений в коммуникативной деятельности животных. Например, в коммуникации пчелиного роя одним из средств связи, регулирующих поведение пчел, служит выделение пчелиной маткой особого маточного вещества и распределение его между отдельными особями. Будучи коммуникативно значимым (т. е. являясь сообщением), выделение маточного вещества обладает и биологической значимостью, это необходимое звено в биологическом цикле пчелиного роя. Биологической и вместе с тем знаковой релевантностью обладают запахи в коммуникации всех животных и насекомых; вздувшееся от икры брюшко самки рыбы-колюшки; форма порхания самки бабочки-перламутровки и другие подобные явления (подробно см.: Степанов 1971, 27 — 32).

С биологической нерелевантностью процесса языкового общения у людей связана такая черта большинства языковых знаков, как немотивированность формы знака по отношению к его содержанию. Наличие немотивированных знаков — ценное качество семиотической системы. Чем больше в некоторой семиотике немотивированных знаков, тем выше коммуникативные возможности такой системы. В самом деле, мотивированность означает взаимную обусловленность формы и содержания знака, их ограниченность друг другом. Немотивированность же оставляет границы содержания знака открытыми, позволяет ему меняться независимо от формы знака. Если бы звуки речи вызывались физиологической необходимостью, т. е. были бы мотивированы биологически, то содержание речи не могло бы выйти за пределы информации о биологическом состоянии особи. Характерна в этой связи бедность и расплывчатость семантики** междометий,

* Релевантный (от англ. *relevant* — существенный, относящийся к делу) — системно значимый; способный характеризовать, различать.

** "Семантика (от греч. *sēmantikós* — обозначающий) — 1) все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением); 2) раздел языкознания, изучающий это содержание, информацию" (ЛЭС 1990, 438).

генетически связанных с произвольными звуковыми реакциями человека. Ср. также содержательную ограниченность любой семиотики, основанной на подобии формы и содержания: необходимость подобия делает невозможной знаковую передачу многих сущностей, не обладающих чувственно-наглядной выраженностью.

Биологическая нерелевантность звучащей речи позволила людям выработать вторичные средства кодирования языковой информации — такие, как письмо, азбука Морзе, морская флажковая азбука, рельефно-точечный алфавит для письма и чтения слепых Брайля и т. п., что повышает возможности и надежность языковой коммуникации.

2. Языковое общение людей, в отличие от коммуникации животных, тесно связано с познавательными процессами. У животных ориентировочные (познавательные) процессы отделены от тех механизмов и органов, с помощью которых порождаются знаки-сообщения в коммуникации животных (пение птиц, ультразвуки рыб, крики обезьян, рычание, лай, вой, мычание, клекот, шипение, брачные игры, позы покорности, угрожающие позы и т. п.). Ориентирование происходит в результате работы органов чувств, без участия коммуникативных систем. Отдельный знак-сообщение животного возникает как реакция особи на случившееся событие, уже воспринятое ("познанное") органами чувств, и одновременно как стимул к аналогичной реакции (или к аналогичному эмоциональному состоянию) у других особей (к которым обращено сообщение). В таком сообщении нет информации о том, что вызвало данный сигнал. Л. С. Выготский говорил, что испуганный гусак, видящий опасность и криком поднимающий всю стаю, не столько сообщает о том, что он видит, сколько заражает ее своим испугом (Выготский [1934] 1982, 18). При этом, например, в стаде обезьян "звук опасности будет одним и тем же на змею, черепаху, шорох в кустах; точно так же звук благополучия остается одним и тем же, относится ли он к появлению солнца, корма или к возвращению в стадо одного из его членов" (Тих 1970, 230 — 231). Следовательно, коммуникативные процессы у животных не участвуют в отражении окружающего и не влияют на верность отражения. Элементы обобщения и синтеза в познавательных процессах у животных также не связаны с механизмами коммуникации.

Иная картина наблюдается в познавательной деятельности человека. Уже восприятие, т. е. одна из первых ступеней чувственного познания, у человека опосредовано языком: "...язык является как бы своеобразной призмой, через которую человек "видит" действительность... проецируя на нее при помощи языка опыт общественной практики" (Леонтьев 1972, 153). Преимущественно на основе языка функционируют память, воображение, внимание. Исключительно велика роль языка в процессах мышления. Формирование мысли представляет собой слитный

речемыслительный процесс, в котором участвуют мозговые механизмы и мышления и речи. "Мысль не выражается, но совершается в слове" (Выготский [1934] 1982, 307).

3. Языковое общение людей, в отличие от коммуникативного поведения животных, характеризуется исключительным богатством содержания. Здесь принципиально не существует ограничений в семантике возможных сообщений. Вневременное, вечное и сиюминутное, общее и индивидуальное, абстрактное и конкретное, рациональное и эмоциональное, чисто информативное и побуждающее адресата к действию — все мыслимые виды содержания доступны языку. "Язык — это способность сказать все" (А. Мартине).

В отличие от качественной и количественной неограниченности содержания языкового общения, коммуникации животных доступна только экспрессивная информация (т. е. информация о внутреннем — физическом, физиологическом — состоянии отправителя сообщения) и информация, непосредственно воздействующая на получателя сообщения (призыв, побуждение, угроза и т. п.). В любом случае это всегда "сиюминутная" информация: то, о чем сообщается, происходит в момент сообщения. Подобно тому как в коммуникации животных невозможна информация "не о себе", так невозможен и "рассказ" животного о чем-то постоянном, вневременном, а также о прошедшем или будущем. Таким образом, содержание общения животных ограничено оперативной и исключительно экспрессивной информацией — о происходящем только с участниками коммуникации и только во время коммуникации.

Что касается разнообразной и жизненно важной информации вневременного или долговременного характера (например, информации, позволяющей отличить опасное, находить съедобное и т. п.), то у животных такая информация передается генетически. Так достигается, с одной стороны, информационное обеспечение нормального состояния популяции, а с другой — информационная связь между поколениями животных. Следовательно, и в онтогенезе, и в филогенезе животных основная масса информации передается не в процессе коммуникативного поведения, но по генетическим каналам. Наследственное усвоение опыта предшествующих поколений отличается исключительной надежностью, однако с этим же связаны бедность и рутинность генетически передаваемой информации.

Для человеческого общества характерно иное соотношение биологической и социальной информации. Генетически воспринимаемая информация существенна и в поведении человека, однако определяющую роль — как в деятельности отдельной личности, так и в жизни общества — играет информация, передаваемая в процессе языкового общения. В онтогенезе человека язык и языковое общение выступают как основное средство овладения общественно-историческим опытом человечества. В историческом

масштабе это означает, что язык, храня и передавая социальный опыт людей, объединяет поколения во времени и тем обеспечивает непрерывность и единство истории человечества.

4. С содержательным богатством человеческого языка (в сопоставлении с системами связи животных) связан ряд особенностей в его строении. Главное структурное отличие языка людей от языков животных состоит в его у р о в н е в о м строении: из звуков складываются части слова (морфемы), из морфем — слова, из слов — предложения. Это делает речь людей ч л е н о р а з д е л ь н о й, а язык — содержательно емкой и вместе с тем компактной семиотикой. Благодаря возможности по-разному сочетать слова язык предоставляет людям неисчерпаемые ресурсы для выражения новых смыслов.

В отличие от языка людей, в биологических семиотиках нет знаков разного уровня, т. е. простых и сложных, составленных из простых. Так, по данным зоопсихологии, в языках обезьяньих стад используется около 30 звуковых сигналов, соответствующих 30 стандартным ситуациям (значениям), при этом все знаки являются не разложимыми на значимые компоненты. В терминах лингвистики можно сказать, что в коммуникации животных отдельное сообщение — это одновременно и "слово" и "предложение", т. е. сообщение не делится на значимые составляющие, оно н е ч л е н о р а з д е л ь н о. Одноуровневое строение биологических семиотик ограничивает их содержание набором исходных значений, поскольку сложные знаки (т. е. составленные из простых) невозможны.

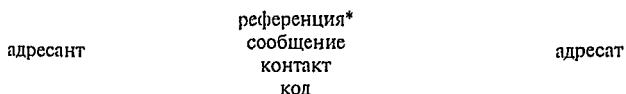
Суммировать указанные различия можно в следующей таблице:

Черты коммуникативной деятельности	Люди	Животные
1. Биологическая релевантность	—	(+)
2. Социальный (воспитуемый) или биологический (врожденный) характер коммуникативной компетентности индивида (или особи)	преимущественно социальный	преимущественно биологический
3. Качественная и количественная неограниченность содержания общения	+	—
4. Связь с познавательными процессами	+	—
5. Уровневое строение семиотики	+	—

Примечание: знак (+) указывает на ограниченную возможность осуществления данной функции.

Структура коммуникативного акта и иерархия функций языка. Современные представления о функциях языка (т. е. о его роли или назначении в жизни общества) могут быть систематизированы в соответствии со структурой коммуникативного акта как базового понятия теории коммуникации. Принципиальная схема коммуникативного акта была предложена одним из создателей кибернетики Клодом Шенноном (США) в работе "Математическая теория связи" (1948). Широким кругам филологов она известна в изложении Р. О. Якобсона в статье "Лингвистика и поэтика" (1960; русский перевод см. в работе Якобсон 1975).

Основные компоненты коммуникативного акта, согласно Якобсону, таковы:

Р е ф е р е н ц и я (лат. *refere* — сообщать, докладывать; называть; соотносить) — это содержание сообщения. В осуществлении референции, т. е. в сообщении определенной информации, состоит коммуникативная функция языка/речи. Это главная функция языка и основная функция большинства коммуникативных актов. С референцией связана и вторая важнейшая функция языка — познавательная.

С а д р е с а н т о м (отправителем сообщения) и *а д р е с а т о м* (получателем сообщения) связаны такие функции, как регулятивная, или призывно-побудительная, т. е. функция регуляции поведения адресата со стороны отправителя сообщения (см. с. 17 — 18); экспрессивная, или эмотивная, функция, состоящая в выражении субъективно-психологического состояния говорящего (см. с. 18 — 19). Если цель конкретного коммуникативного акта состоит в том, чтобы наладить — или упрочить *к о н т а к т* между его участниками, то язык выступает в фатической функции (см. с. 19 — 20). *К о д* в речевой коммуникации — это тот язык или его вариант (диалект, сленг, стиль), который используют участники данного коммуникативного акта. Если высказывание направлено на то, чтобы пояснить характер использования кода (языка), то имеет место метаязыковая функция (см. с. 20 — 21). *С о о б щ е н и е* понимается как процесс и результат порождения речи, т. е. текст. "Направленность (*Einstellung*) на *сообщение*, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого — это *поэтическая*, или эстетическая функция языка" (Якобсон 1975, 202); (см. с. 21 — 23).

Коммуникативная и познавательная функции являются основными. Они почти всегда присутствуют в речевой деятельности, поэтому их иногда называют функциями языка, в отличие от

* В схеме Якобсона соответствующий термин — *контекст*.

остальных, не таких обязательных, функций речи. По-видимому, не бывает сообщений, выполняющих только одну функцию, но можно говорить о преобладании той или иной функции в конкретном речевом акте.

Аспекты коммуникативной функции: адресаты сообщений, типы информации. Универсальность языка как средства общения проявляется в том, что при помощи языка человек может обратиться к человеку, животному, машине; к одному человеку, к неопределенному множеству лиц, к себе самому (саморегуляция поведения, некоторые случаи припоминания и т. п.). Адресант и адресат могут быть разделены временем и пространством. В намерения адресанта может входить то, что его сообщение будет воспринято после его смерти (например, в некоторых случаях завещания, дневники, письма); сообщение может быть адресовано еще не родившимся людям (ср. закладку капсул с текстом в фундамент монументов, значительных сооружений и т. п.; ср. также тексты на фронтонах зданий, рассчитанные на восприятие в течение десятилетий).

Что касается содержания языкового общения, то его составляет вся та разнообразная информация, которая передается во всех и любых коммуникативных актах, реализующих те или иные функции речевого общения: объективно-логическая информация, субъективно-психологическая, информация о коммуникативных намерениях говорящего по отношению к адресату, информация фатическая, метаязыковая, эстетическая. Таким образом, отдельные функции речи можно рассматривать как особые частные проявления основной функции языка — коммуникативной.

Познавательная функция: язык как орган мышления и как "библиотека значений". Говоря о роли языка в познании, следует различать два аспекта: 1) участие языка, точнее системы языковых значений (как компонента сознания человека), и речемыслительных механизмов сознания в процессах предметного восприятия и формирования представлений, понятий, суждений, умозаключений; участие языка в различных мыслительных операциях (сравнение, анализ, синтез, индукция, дедукция и т. п.), а также в механизмах памяти; 2) участие языка в хранении и передаче от поколения к поколению общественно-исторического опыта людей.

Участие языка в сохранении знаний о мире осуществляется на двух уровнях: во-первых, в с а м о м я з ы к е, т. е. в семантических системах словаря и грамматики (это "библиотека значений"); во-вторых, п р и п о м о щ и я з ы к а, — в

речи, т. е. в устных и письменных сообщениях, созданных на языке ("библиотека текстов").

Если сравнить, с одной стороны, те сведения о внеязыковой реальности, которые можно извлечь из самого полного толкового словаря и подробной семантической грамматики некоторого языка, а с другой, — те сведения о мире, которые содержатся во всем сказанном и написанном на этом языке, то легко видеть, что информация, аккумулированная в семантической системе языка, по объему в тысячи раз меньше информации, содержащейся в текстах на языке. Достаточно сравнить, например, те представления о грозе, грома, молнии, тумане, росе, радуге, электричестве, которые складываются у человека до обучения, т. е. только на основе усвоения значений слов *гроза*, *гром*, *молния*, *туман* и т. д., и то понимание соответствующих явлений природы, которое формируется у человека из рассказов родителей, учителей, книг.

Однако, несмотря на ограниченный объем информации, составляющей семантику языка, она играет исключительно важную роль в овладении всем информационным богатством человечества. Дело в том, что значения слов и содержание грамматических категорий, — все эти неточные и неглубокие "обывательские", как о них писал Л.В.Щерба, представления о "клеточках" действительности, — запечатлели первый и поэтому во многом жизненно важный опыт освоения человеком окружающей действительности. Эти исходные представления в целом не противоречат позже добытому знанию*; напротив, они образуют тот фундамент, на котором постепенно воздвигаются стены более полного, глубокого и точного знания о мире.

В своем основном объеме информация, составляющая семантику языка, известна всем говорящим на этом языке, без различия возраста, образования, социального положения. До школы, "только" в процессе овладения языком, в сознании ребенка формируются (не названные и до обучения не осознанные!) представления о времени и пространстве, о действии, субъекте и объекте действия, о количестве, признаке, причине, цели, следствии, реальности и нереальности и многих других закономерностях окружающего мира. В отличие от языковой семантики, в основном известной каждому говорящему (терминологическая периферия общего словаря здесь, конечно, не в счет), поздняя информация, содержащаяся в текстах, известна отдельным говорящим в разной мере — в соответствии с их возрастом, образованием, социальным положением, профессией.

* Отдельные противоречия, конечно, есть. Например, слово *звезда* в обычном, неспециальном употреблении означает небесное тело, представляющееся взору человека светящейся точкой на ночном небе; поэтому люди могут называть *звездой* и Венеру, и Меркурий, т. е. те небесные тела, которые астрономы называют *планетами*. В неспециальной речи люди продолжают говорить *солнце встало*, *солнце зашло*, *село* и т. д., хотя всем давно известно, что это Земля изменила свое положение относительно Солнца. Однако эти человеческие неточности языка не мешают ни астрономам, ни школьникам на уроках естествознания.

В отличие от интенсивно меняющейся информации текстов, информация, сконцентрированная в языковой семантике, характеризуется исключительной стабильностью. Ср. эволюцию представлений о теплоте в истории естествознания и почти неизменность семантики слова *тепло* в истории языка. Физикам легко договориться и принять очередную концепцию теплоты, а обиходное сознание меняется медленно, его устраивают те нестрогие, бытовые представления, которые люди связывают со словом *тепло*. Стабильность информации, заключенной в языке, связана с ее внутренним, опорным характером по отношению к знанию, содержащемуся в текстах.

Регулятивная функция языка и теория речевых актов.

В сообщениях, сосредоточенных на а д р е с а т е, на первый план выходит функция регуляции его поведения (путем побуждения к действию, к ответу на вопрос, путем запрета действия, путем сообщения информации с целью изменить намерения адресата совершить определенное действие и т. п.). У Якобсона эта функция называется по-разному: *конативная* (англ. *conation* — способность к волевому движению) или *апеллятивная* (лат. *appellare* — обращаться, призывать, склонять к действию); иногда ее же называют *призывно-побудительная* или *волюнта-тивная* (лат. *voluntas* — воля, желание, хотение) функция.

С регулятивной функцией связаны намерения, цели говорящего, т. е. то, ради чего он обращается к слушающему. Исследования того, каким образом говорящий стремится воздействовать на слушающего и как слушающий воспринимает коммуникативно-побудительные намерения говорящего, в 60-х гг. XX в. сформировали особое лингвистическое направление — теорию речевых актов, тесно связанное с психологией общения, теорией коммуникации и лингвистической прагматикой (см. статьи Н. Д. Арутюновой "Речевой акт", "Прагматика", "Речь" в ЛЭС 1990).

В каждом речевом акте в процессе взаимодействия говорящего и слушающего есть три уровня, или фазы: 1) речевой акт в аспекте используемых в нем языковых средств; 2) речевой акт в аспекте намерений и целей говорящего; 3) речевой акт в аспекте результатов, т. е. воздействия на сознание и поведение адресата*. В зависимости от цели различают такие классы речевых актов, как вопрос, запрещение, просьба, побуждение, приказ, предостережение, совет, уговоры, убеждение, сообщение (информирование). Для самых общих классов речевых актов языки выработали специальные синтаксические структуры —

* В теории речевых актов соответствующие три аспекта называют *локуция*, *иллокуция* и *перлокуция* (лат. *loqui* — говорить, разговаривать); см.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. — 424 с.

повествовательные, вопросительные, побудительные предложения. В так называемых косвенных речевых актах грамматическая структура не соответствует намерению говорящего: например, вопросительная фраза *Нет ли у вас спичек?* может выражать просьбу, а не вопрос. В отличие от логики, которая стремится видеть в высказывании суждение и различать суждения истинные и ложные, теория речевых актов рассматривает высказывание в качестве акта общения и исследует его с точки зрения искренности говорящего и успешности его речевых действий (Дейк ван 1989; Язык 1987).

Языковые средства эмоционально-экспрессивной функции речи. Если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная, или экспрессивная, функция речи. Якобсон предпочитал называть эту функцию не *эмоциональной*, а *эмотивной*, поскольку она связана "со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных" (Якобсон 1975, 198).

Основным средством выражения эмоций в речи является интонация. По-видимому, содержательный репертуар интонаций достигает нескольких десятков модально-эмоциональных смыслов*. В студийных опытах К. С. Станиславского, позже повторенных Р. О. Якобсоном, словосочетание *сегодня вечером* удавалось произносить с таким интонационным разнообразием, что слушающие различали в вариантах исполнения 40 — 50 эмоциональных ситуаций.

Эмоции в речи выражаются также с помощью междометий и (значительно в меньшей мере) словами с эмоционально-экспрессивной коннотацией**. Чем сильнее в слове экспрессивно-оценочный компонент значения, тем неопределеннее его денотат*** (ср. *эх-ма!*, *чертяка*, *лапушка*, *жлобский*, *опунеть* и т. п.).

* *Модальные значения* (от лат. *modus* — мера, способ, правило) — значения возможности, желательности, допустимости, необходимости, приказа, запрета, уверенности и др. В грамматике модальные значения выражаются в первую очередь с помощью глагольных наклонений, в лексике — с помощью таких слов, как *можно*, *нельзя*, *надо*, *обязан*, *необходимо*, *хочу*, *должен*, *по-видимому*, *конечно* и др.

** *Коннотация* (от лат. *con* — вместе и *noto* — обозначаю) — дополнительные эмоционально-оценочные оттенки в значениях слов или грамматических форм, сопутствующие их основному (денотативному) значению. Словари указывают на ту или иную коннотацию слов с помощью таких помет: *неодобрительное*, *пренебрежительное*, *бранное*, *шутливое*, *ироническое*, *почтительное* и т. п.

*** *Денотативный компонент* лексического значения, или *денотат* (от лат. *denoto* — обозначаю) — предметное значение слова, указание на то, что называется данным словом. Многие синонимы совпадают по денотату, различаясь коннотациями или стилистической окраской (*сборище* — *форум*, *лицо* — *лик* — *физиономия*, *лгать* — *брехать* и т. п.).

Эмоциональная сторона речи связана с работой правого полушария головного мозга. При правополушарных расстройствах речь больного становится интонационно однообразной. Специфическим образом нарушается и восприятие речи: "Пациент с расстройством правого полушария обычно понимает значение того, что говорится, но он зачастую не может установить, говорится ли это сердито или шутливо" (цит. по работе: Якобсон 1985, 276). Напротив, при поражении левого полушария (доминантного в речевой деятельности, ответственного за логико-грамматическую организацию речи) и сохранности правого больной может не понимать высказывание, однако нередко он в состоянии распознать эмоциональный тон, с которым оно было произнесено.

Фатическая (контактоустанавливающая) функция*.

Иногда общение как бы бесцельно: говорящим не важна та информация, которую они сообщают друг другу, они не стремятся выразить свои эмоции или воздействовать друг на друга. Пока им важен только контакт, который подготовит дальнейшее более содержательное общение. В таких случаях язык выступает в своей фатической функции (ассоциативная функция, функция контакта). Фатическая функция является основной в приветствиях, поздравлениях, в дежурных разговорах о погоде, городском транспорте и других общеизвестных вещах. При этом собеседники как бы чувствуют своего рода нормы допустимой глубины или остроты таких разговоров: например, упоминание о вчерашней телевизионной передаче не перерастает в разговор по существу содержания или художественного решения программы. Иными словами, общение идет ради общения, оно сознательно или обычно неосознанно направлено на установление или поддержание контакта.

Содержание и форма контактоустанавливающего общения варьируются в зависимости от пола, возраста, социального положения, взаимоотношений говорящих, однако в целом такие речи стандартны и минимально информативны. Ср. клишированность поздравлений, начальных и конечных фраз в письмах, избыточность обращений по имени при разговоре двоих и вообще высокую предсказуемость текстов, выполняющих фатическую функцию.

Однако информативная недостаточность таких разговоров отнюдь не означает, что эти разговоры не нужны или не важны людям и обществу в целом. Сама стандартность, поверхностность и легкость фатических разговоров помогает устанавливать контакты между людьми, преодолевать разобщенность и некоммуникабельность. Характерно, что детская речь в общении и с родителями и с ровесниками выполняет вначале именно фати-

* От лат. *fateri* — высказывать, показывать, обнаруживать.

ческую функцию. Трехлетние дети еще не знают, что бы такое им сказать или услышать друг от друга, да и понять они друг друга еще не в состоянии, но тем не менее энергично лопочут каждый о своем, потому что стремятся к контакту. Зоопсихологи отмечают элементы фатического общения у животных.

Речевой комментарий речи (метаязыковая функция)*.

Использование языка в метаязыковой функции обычно связано с какими-то трудностями речевого общения — например, при разговоре с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, не вполне владеющим данным языком, стилем, профессиональной разновидностью языка или арго.

Слыша незнакомое слово, например *сканер*, человек может спросить: *Что значит сканер?* или: *Что такое сканер?* Допустим, его собеседник отвечает: *Это такая приставка к компьютеру, которая может пнуть тебе текст или изображение передать с листа бумаги в компьютер.* В данном случае вопрос о слове *сканер* и объяснение в ответ — это конкретные проявления метаязыковой функции языка. Часто, однако, говорящий, не дожидаясь вопроса, стремится предупредить возможное непонимание и включает в свою речь попутные пояснения, например: *К сожалению, у них в редакции нет сканера, такой штуковины, которая считывает с листа рисунок или текст и показывает его на экране. Так что твой текст придется вначале ввести, и потом уже переводить.*

В условиях, когда один из собеседников не полностью владеет используемым языком, время от времени оказывается нужным проверять надежность "канала связи" — например, убедиться, что первокласснику известно слово *процент*, иностранцу — выражение *на всякий пожарный*, бабушке, — допустим, слово *фартит* или *аттестация*. В таких случаях говорящие могут включить в свою речь попутные замечания о самой речи: пояснить слова и выражения, которые, по их мнению, не вполне понятны собеседнику.

В метаязыковых комментариях говорящие также могут оценивать слово или его уместность в речи, мотивировать свой выбор решения, подчеркнуть индивидуальные оттенки смысла. Ср. метаязыковое назначение вводных клише вроде *так сказать*, *как говорится*, *фигурально выражаясь*, *выражаясь высоким стилем*, *широко говоря*, *что называется*, *как говорят военные*, было бы грубостью называть это [так-то], извините за выражение, если говорить прямо, собственно говоря, по правде сказать, по счастливому выражению [такого-то], если угодно, скорее, дескать, мол, де и т. п. Например, говоря *Это, если угодно, настоящая капитуляция*, говорящий подчеркивает раскованность, переносный характер и вместе с тем точность употребления слова *капитуляция*; слушающий же может переспросить, не согласиться, предложить свой выбор слова и тоже его прокомментировать: *Ну уж, капитуляция. Скорее, равнодушие.*

* Термин *метаязык* (греч. *meta* — после, через) построен по модели таких логико-математических терминов, как *металогика*, *метатеория*, *метаматематика*, обозначающих некоторое концептуальное построение "второго порядка". Например, *метатеория* — это теория ("второго порядка"), объектом которой является некоторая другая теория ("первого порядка"), называемая в этом случае предметной или объектной. *Метаязык* — это язык, на котором описывается некоторый другой язык, называемый в этом случае *предметным языком* или *языком-объектом*. Так, если грамматика немецкого языка написана по-русски, то языком-объектом в таком описании будет немецкий, а метаязыком — русский. Разумеется, язык-объект и метаязык могут совпадать (например, немецкая грамматика на немецком языке).

Помимо "текущих" вставных характеристик речи самим говорящим (в сущности говоря, как это модно сейчас называть, по словам моей бабушки, так называемый и т. п.), к метаязыковым средствам относятся все те лексико-грамматические средства, с помощью которых люди говорят и пишут о языке, — средства различения "своей" и "чужой" речи, обозначения процессов и участников речевого общения, названия проявлений речи (слово, поговорка, диктант...), языковедческой терминологии.

По-видимому, языки могут различаться характером и разнообразием своих метаязыковых средств. У. Вейнрейх считал типологически значимой характеристикой лексического запаса языка то, насколько эффективен данный язык для своего собственного описания (степень "циркулярности", определяемости слов друг через друга; см.: Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии, 1970, 221).

Рефлексивность языка (т.е. возможность мысли и речи о языке с помощью его же лексико-грамматических средств) — это одна из тех семиотических универсалий*, которая отличает язык людей от языка животных. Метаязыковые операции осуществляются на базе левого ("рационального") полушария. В онтогенезе современного человека факты метаязыковой рефлексии возможны на третьем-четвертом году жизни и обычны начиная с пятого-шестого. Это внимание к языку проявляется в сопоставлении слов, исправлении чужой и своей речи, в языковых играх, в комментировании речи.

Метаязыковая функция реализуется во всех устных и письменных высказываниях о языке — в том числе на уроках и лекциях по языку и языкознанию, в грамматиках, словарях, в учебной и научной литературе о языке. В сущности, возникновение языкознания как профессионального занятия части говорящих можно рассматривать как результат возрастания социальной значимости метаязыковой функции языка.

"Праздничная" разновидность языковой способности человека (эстетическая функция речи). По Якобсону, поэтическая (или эстетическая) функция речи связана с вниманием к "сообщению ради самого сообщения" (ср. *самовитое слово* Велимира Хлебникова). Ее механизмы во многом правополушарной природы. Эстетическое отношение к языку проявляется в том, что говорящие начинают замечать сам текст, его звуковую

* *Лингвистические универсалии* (от лат. *universalis* — общий) — явления и свойства, характерные для всех языков мира (например: в каждом языке есть местоимения; в системе личных местоимений любого языка различаются не менее трех лиц). К семиотическим универсалиям относятся те общие черты языков, которые объясняются знаковой природой языка (например: в каждом языке есть знаки, для которых характерны отношения подобия между формой знака и его содержанием — звукоподражания и др.; в устной речи на любом языке используются паралингвистические средства — мимика, жесты).

и словесную фактуру. Отдельное слово, оборот, фраза начинает нравиться или не нравиться, восхищать своей ладностью, точностью, глубокой осмысленностью, красотой. Эстетическое отношение к языку, таким образом, означает, что речь (именно сама речь, а не то, о чем сообщается) может восприниматься как прекрасное или безобразное, т.е. как эстетический объект.

Эстетическая функция языка заметнее всего в художественных текстах, однако область ее проявлений шире. Эстетическое отношение к языку возможно в разговорной речи, дружеских письмах, в публицистической, ораторской, научно-популярной речи — в той мере, в какой для говорящих речь перестает быть только формой, только оболочкой содержания, но получает самостоятельную эстетическую ценность.

Реалистическая художественная литература, опережая психологию и лингвистику, не раз подмечала, как само звучание или строй слова способны нравиться или не нравиться, возмущать, волновать, радовать. Л.Толстой в "Войне и мире" замечает, как гусарский полковник, докладывая об исходе боя, дважды с видимым удовольствием произносит звучное и очень военное слово *наповал*. Николенька Иртеньев в "Юности", говоря о своей "комильфотной ненависти" к новым товарищам, признается, что эти чувства возбуждали "в особенности их манера говорить, употреблять и интонировать некоторые слова. Например, они употребляли слова: *глупец* вместо дурак, *словно* вместо точно, *великолепно* вместо прекрасно, *движучи* и т.п., что мне казалось книжно и отвратительно непорядочно" (гл.43). В рассказе Чехова "Мужики" женщина каждый день читает Евангелие и многого не понимает, "но святые слова трогали ее до слез, и такие слова, как "аще" и "дондеже", она произносила со сладким замиранием сердца".

Эстетическая функция языка обычно связана с такой организацией текста, которая в чем-то обновляет, преобразует привычное словоупотребление и тем самым нарушает автоматизм повседневной речи (разговорной, деловой, газетной). Преобразование может затрагивать лексическую и грамматическую семантику (метафора, метонимия и другие виды переносного употребления слов и форм); далее, обновленной может быть синтаксическая структура высказываний и сверхфразовых единств (фигуры экспрессивного синтаксиса); наконец, преобразуется звуковая организация речи (явления ритма, рифмы, аллитерации, звукописи). Речевой автоматизм разрушается также неожиданным и вместе с тем художественно оправданным выбором слов: таких слов, которые не "лежат на поверхности" речевого сознания и поэтому минимально предсказуемы (ср. художественную ценность старинного, или диалектного, или просторечного слова; ср. также экспрессию точно употребленного редкого слова). В силу разнообразных связей между всеми сегментами и уровнями текста преобразование его отдельного компонента отзывается на характере целого. Новизна, неожиданность художественной организации текста, обостряя восприятие, повышает осязаемость текста, в результате сама языковая оболочка текста становится частью его содержания. Однако, по-видимому, секрет воздействующей

("внушающей" и "заражающей") силы эстетически значимого текста связан не только с обновленностью его языковой ткани, но и с особой значимостью для восприятия самой структуры художественного текста. Благодаря ритму, рифме, особой точности и весомости каждого слова, "складности" произведения в целом художественные тексты представляют речевые структуры, обладающие особой устойчивостью к преобразованиям. Такая устойчивость вызывает у слушателя или читателя ощущение того, что воспринимаемый текст — это единственно возможное языковое воплощение "вот этого" содержания (ведь именно о художественном тексте сказано: "Из песни слова не выкинешь"), и одновременно — ощущение достоверности и значительности содержания, заключенного в тексте. Интересны в этой связи те страницы романа Ю. Тынянова "Пушкин", где моделируется ощущение слова поэтом. Для семилетнего Пушкина рифма в стихах "была как бы доказательством истинности происшествия". И позже, в Лицее: "Кто писал без рифмы — писал, боясь проверки...", "... рифмы, подтверждающие верность всего".

Эта внушающая сила искусного слова* связана с древнейшими механизмами воздействия на человеческую психику, общими для искусства, магии, ритуала. С. М. Эйзенштейн в неопубликованной работе по теории искусства писал, что сущность этого воздействия состоит в вовлечении сознания в круг чувственного, дологического мышления, где человек "утратит различие субъективного и объективного, где обострится его способность воспринимать целое через единичную частность, где краски станут петь ему и где звуки покажутся имеющими форму (синэстетика), где в н у ш а ю щ е е с л о в о заставит его реагировать так, как будто свершился самый факт, обозначенный словом (гипнотическое поведение)" (цит. по: Иванов 1976, 70). Наиболее сильным внушающим фактором структуры художественного текста С. М. Эйзенштейн считал ритм.

Эстетическая функция языка расширяет мир эстетических отношений человека. Вместе с тем преобразования речи, способные сделать текст эстетически значимым, нарушают автоматизм и стертость речи, обновляют ее и тем самым открывают новые выразительные возможности в языке. Вот почему А. К. Гаврилов называл художественную речь "праздничной разновидностью языковой способности человека" (История 1985, 146), а Ян Мукаржовский заметил: "Основное значение поэзии для языка состоит в том, что она является искусством" (Пражский лингвистический кружок 1967, 427).

* Один остроумец так определил афоризм (жанр, где искусность речевой организации самоочевидна): "Афоризм — это полуправда, сформулированная так, что сторонников ее второй половины хватает кондрашка" (т.е. искусное слово способно усыплять "сторонников полной правды", маскировать неправду, в н у ш а т ь доверие).

Этническая функция: язык как фактор объединения и единства народа. Рассмотренные выше языковые и речевые функции являются универсальными, т. е. их проявления наблюдаются во всех языках мира. По-другому обстоит дело с этнической функцией языка: это феномен заметный, но не обязательный. Этноконсолидирующая функция является во многом символической, она создается не употреблением языка, а отношением людей к языку, национально-культурной идеологией. В реальности процессы формирования этносов могут не совпадать с процессами дифференциации и интеграции языков*. Этническая и языковая карты мира также далеко не совпадают (см. с. 89 — 94, 101 — 103, 117 — 120), поэтому симметрия "один народ — один свой и отдельный язык" не является правилом или самым частым случаем. Во множестве ситуаций народ говорит на двух или нескольких языках, причем некоторые из языков используются и другими народами; во многих других случаях народ говорит на том же языке, на котором говорят другие соседние и/или несоседние народы.

Исследователь языков американских индейцев Делл Хаймс в этой связи писал: "Вероятно, наше мышление чересчур окрашено европейским языковым национализмом XIX в., чтобы мы могли заметить, что далеко не все языки имеют статус символа, необходимого для единства группы. Племя фульнио в Бразилии в течение трех столетий поддерживало свое единство, потеряв свои земли, но сохранив свой язык и главные обычаи, а гуайкери в Венесуэле достигли того же самого сохранением своей системы отношений собственности. На протяжении нескольких поколений у них не было и следа особого языка и религии" (Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика 1975, 65).

Африканисты, изучая регионы, в которых языков меньше, чем этносов, т. е. ситуации, в которых имеет место ассимиляция по языку, указывают, что это "совсем не всегда тождественно этнической ассимиляции" (Виноградов, Коваль, Порхомовский 1984, 47).

Вместе с тем в современном мире, особенно в постиндустриальных обществах, ширится стремление народов сохранить, иногда возродить свой язык — как живое свидетельство и естественную почву культурно-духовной самобытности (см. с. 98 — 100; см. также статью Г. В. Степанова "Национальный язык" в ЛЭС 1990).

Магическая ("заклинательная") функция речи. Якобсон считал магическую функцию частным случаем призывно-побудительной, с той разницей, что в случае словесной магии адресат речи — это не человек, а высшие силы. К проявлениям магической функции относятся табу, табуистические замены (см. с. 133 — 134, 144 — 148), а также обеты молчания в некоторых религиозных традициях; заговоры, молитвы, клятвы, в том числе божба и присяга; в религиях Писания — священные тексты, т. е. тексты, которым приписывается божественное

* О понятиях дифференциация и интеграция языков см. с. 173 — 174.

происхождение: может считаться, например, что они были внушены, продиктованы или написаны высшей силой. Общей чертой отношения к слову как к магической силе является неконвенциональная трактовка языкового знака, т. е. представление о том, что слово — это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть, поэтому, например, произнесение ритуального имени может вызывать присутствие того, кто им назван, а ошибиться в словесном ритуале — это обидеть, прогневать или навредить высшим силам.

Нередко имя выступало как *оберег*, т. е. как амулет или заклинание, оберегающее от несчастья.

Апокриф "Семьдесят имен Богу" (рукопись XVI — XVII вв. Иосифо-Волоколамского монастыря) советовал для самообороны записать, выучить и носить с собою 70 "имен" (символических и метафорических наименований) Христа и 70 "имен" Богородицы: "Сиа знамения егда видиши и сиа имена егда прочитаеши непобежден будеши в рати и от всех враг избавлен будеши и от напрасния смерти и от страха ночного и от действия сотонины ... А се имена господня числом 70. Да еже их имат и носить с собою честно от всякаго зла избавлен будет: *власть, сила, слово, живот, милость...*" (цит. с графическими упрощениями по изданию: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной литературы. — СПб., 1863. Т. 2, С. 339).

В древности, выбирая имя родившемуся ребенку, человек нередко как бы играл с духами в прятки: то он хранил в тайне "настоящее" имя (и ребенок вырастал под другим, не "секретным" именем); то нарекали детей названиями животных, рыб, растений; то давали "худое имя" — чтобы злые духи не видели в его носителе ценной добычи. Такое имя-оберег получил при рождении будущий пророк, основатель зороастризма Заратуштра (Заратустра): на авестийском языке слово *Заратуштра* означало "староверблюдный".²

Сознание, верящее в магию слова, не только мирится с непонятным и темным в магических текстах, но даже нуждается в смысловой непрозрачности ключевых формул (см. с. 72 — 75, 83 — 85).

Неконвенциональное восприятие знака, как и вера в возможность словесной магии, относится к явлениям правополушарной природы. Неконвенциональная трактовка знака близка к эстетическому восприятию слова (см. с. 21 — 23, 72 — 75). Неконвенциональное понимание слова известно в детской психологии: "слово отождествляется с вещью" (К. И. Чуковский) — например, дошкольник может считать, что в предложении *Там стояло два стула и один стол* всего три слова или что слово *конфета* — сладкое.

Неконвенциональная трактовка знака в целом близка также некоторым философским и культурологическим концепциям, верящим в содержательную неисчерпаемость слова и в определяющее воздействие языка на мировосприятие или этническую психологию, например таким, как античная теория "фюсей" (от греч. *phýsis* — природа), согласно которой имя вещи соответствует ее "природе"; как идеи В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни и их развитие в теории "лингвистической относительности" Э. Сепира и Б. Уорфа (см. с. 63 — 66); идеи лингвистической философии Л. Витгенштейна и Дж. Мура о "вине" и "недугах"

языка как источнике человеческих заблуждений и псевдопроблем; как философская герменевтика, которая истинным познанием считает "вслушивание в язык" и видит в языке "самое интимное лоно культуры", "дом бытия" (М. Хайдеггер).

Все известные в истории культурные ареалы сохраняют в той или иной мере традиции религиозно-магического сознания. Поэтому магическая функция речи универсальна, хотя конкретные ее проявления в языках мира бесконечно разнообразны и удивительны. Нередко момент собственно магии уже выветрился (ср. русск. *спасибо* из *спаси Бог*), в других случаях — вполне ощутим, например: *не к ночи будь помянут, не говори под руку, не тем будь помянут, не каркай — беду накличешь, белорусск. каб не прагаварыць* и т. п.

Неожиданность (для современного сознания) следов словесной магии связана с тем, что в глубине человеческой психики полярные сущности могут отождествляться или взаимозаменяться (жизнь и смерть, добро и зло, начало и конец, смех и плач и т. д.). Амбивалентность символики бессознательного приводила к тому, что осуждение оборачивалось восхвалением, пожелание неудачи считалось условием успеха (ср. *ни пуха ни пера*) и т. д. Поэтому магические формулы, имевшие конечной целью положительный результат (плодородие, здоровье), часто строились как проклятие и брань. В ряде традиций известно ритуальное сквернословие в свадебных и сельскохозяйственных обрядах. К обрядовым заклинаниям восходят некоторые бранные выражения (Успенский 1983). С другой стороны, сама живучесть ругательств объяснялась Бахтиным древней амбивалентностью сквернословия: в глубинах народного подсознания это не только хула и уничижение, но и хвала и возвышение (Бахтин 1990, 177 — 216). Д. С. Лихачев, наблюдая проявления магической функции в воровском арготизме, связывал ее с эмоционально-экспрессивной насыщенностью и общей атавистичностью воровской речи (Лихачев 1935, 64 — 75).

Язык и биологические семиотики: различия в функциональных возможностях. Различия в составе функций языка людей и языков животных представлены в таблице.

Функции	Классы семиотических систем	
	Язык человека	Языки животных
1. Коммуникативная	+	(+)
2. Познавательная	+	—
3. Регулятивная	+	+
4. Эмоционально-экспрессивная	+	+
5. Фатическая	+	+
6. Метаязыковая	+	—
7. Эстетическая	+	—
8. Этническая	+	—
9. Магическая	+	—
10. Биологическая	—	(+)

Примечания:

1. Знак (+) указывает на ограниченную возможность осуществления данной функции. В частности, коммуникативные возможности языков животных ограничены содержанием кода (набора знаков, составляющих ту или иную биологическую систему связи): здесь нет "синтаксиса" и поэтому невозможны "тексты", составленные путем комбинирования знаков. Иная картина в коммуникации человека: язык позволяет говорящим хранить информацию не только в коде (словах и грамматических формах), но и в текстах, т. е. в устных и письменных высказываниях на языке (см. с. 15 — 17).

2. Под "биологической функцией" понимается биологическая (физиологическая) релевантность некоторых явлений в коммуникации животных (см. с. 9 — 13 и подробно Степанов 1971).

Своеобразие языка как общественного явления. С точки зрения семиотики язык — уникальная, но не единственная знаковая система: он сопоставим с языком пчел, дорожной сигнализацией, алгоритмическим языком программирования. С точки зрения науки об обществе язык не имеет аналогов. Он не просто своеобразен — по ряду существенных признаков он отличается от всех общественных явлений.

1. Язык, сознание и социальный характер трудовой деятельности изначально взаимосвязаны и составляют фундамент человеческого своеобразия в биологическом виде *Homo sapiens*.

2. Наличие языка есть необходимое условие существования общества на всем протяжении истории человечества. Любое социальное явление в своем существовании ограничено в хронологическом отношении: оно не изначально в человеческом обществе и не вечно. Так, не всегда существовала, по мнению большинства специалистов, семья; не всегда были частная собственность, государство, деньги; не изначально также различные формы общественного сознания — наука, право, искусство, мораль, религия. В отличие от неизначальных и/или преходящих явлений общественной жизни, язык изначален и будет существовать до тех пор, пока существует общество.

3. Наличие языка есть необходимое условие материального и духовного бытия во всех сферах социального пространства. Любое общественное явление в своем распространении ограничено определенным "местом", своим пространством. Разумеется, в обществе все взаимосвязано, однако, допустим, наука или производство не включают в себя (в качестве компонента, условия, предпосылки, средства и т. д.) искусство, а искусство не включает в себя науку или производство. Иное дело язык. Он — глобален, вездесущ. Сферы использования языка покрывают все мыслимое социальное пространство. Будучи важнейшим и основным средством общения, язык не отделим от всех и любых проявлений социального бытия человека.

4. Язык зависим и не зависим от общества. Глобальность языка, его включенность во все формы общественного бытия и общественного сознания порождают его надгрупповой и надклас-

совый характер. Однако надклассовость языка не означает его внесоциальности. Общество может быть разделенным на классы, но оно остается обществом, т. е. известным единством, с о о б щ - н о с т ь ю людей. В то время как развитие производства приводит к социальной дифференциации общества, язык выступает как его важнейший интегратор. Вместе с тем социальная структура общества и социолингвистическая дифференциация речевой практики говорящих находят известное отражение в языке. Общенародный язык социально неоднороден. Его социальная структура, т. е. состав и значимость социальных вариантов языка (профессиональная речь, жаргоны, просторечие, кастовые языки и т. п.), а также типы коммуникативных ситуаций в данном обществе обусловлены социальной структурой общества. Однако, при всей возможной остроте классовых противоречий, социальные диалекты языка не становятся особыми языками.

5. Язык — это явление духовной культуры человечества, одна из форм общественного сознания (наряду с обыденным сознанием, моралью и правом, религиозным сознанием и искусством, идеологией, политикой, наукой). Своеобразие языка как формы общественного сознания состоит в том, что, во-первых, язык, наряду с психофизиологической способностью отражать мир, является предпосылкой общественного сознания; во-вторых, язык представляет собой семантический фундамент и универсальную оболочку разных форм общественного сознания. По своему содержанию семантическая система языка ближе всего к обыденному сознанию. Посредством языка осуществляется специфически человеческая форма передачи социального опыта (культурных норм и традиций, естественнонаучного и технологического знания).

6. Язык не относится к идеологическим или мировоззренческим формам общественного сознания (в отличие от права, морали, политики, философского, религиозного, художественного, обыденного сознания). Как сказал Иосиф Бродский в Нобелевской лекции, "язык ... к этическому выбору не способен".

7. Язык сохраняет единство народа в его истории вопреки классовым барьерам и социальным катаклизмам.

8. Развитие языка в большей мере, чем развитие права, идеологии или искусства, н е з а в и с и м о от социальной истории общества, хотя в конечном счете оно обусловлено и направлено именно социальной историей. Важно, однако, охарактеризовать меру этой независимости. Связь истории языка и истории общества очевидна: существуют особенности языка и языковых ситуаций, соответствующие определенным ступеням этнической и социальной истории. Так, можно говорить о своеобразии языков или языковых ситуаций в первобытных обществах, в средние века, в новое время (см. с. 144 — 151). Вполне очевидны также языковые последствия таких социальных потрясений, как революции, гражданские войны: смещаются

границы диалектных явлений, нарушается прежний нормативно-стилистический уклад языка, обновляется политическая лексика и фразеология (см. с. 151 — 152). Однако в своей основе язык остается прежним, единым, что обеспечивает этническую и культурную непрерывность общества на всем протяжении его истории.

Своеобразие языка как общественного явления, по сути дела, коренится в его двух особенностях: во-первых, в универсальности языка как средства общения и, во-вторых, в том, что язык — это с р е д с т в о, а не содержание и не цель общения; семантическая оболочка общественного сознания, но не само содержание сознания. Язык по отношению к духовной культуре общества сопоставим со словарем по отношению ко всему разнообразию текстов, построенных на основе этого словаря. Один и тот же язык может быть средством выражения полярных идеологий, разноречивых философских концепций, бесчисленных вариантов житейской мудрости.

Итак, язык выступает как универсальное средство общения народа. Он сохраняет единство народа в исторической смене поколений и общественных формаций, вопреки социальным барьерам, — тем самым объединяя народ во времени, в географическом и социальном пространстве.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

Территориальная и социальная дифференциация и формы существования общенародного языка. Возможности говорить и писать, заключенные в каждом языке, по-разному реализуются в речи. Так, говорящие по-русски могут произносить слово *холодно* с разным ударением: [хóладна], [халаднó] и [халóдна], или с ассимиляцией (уподоблением) звука [д] звуку [н]: [хóланна], или — в севернорусских говорах — окая, т. е. различая безударные [о] и [а]: [хóлодно], или — в средне- и южнорусских говорах, а также в литературном русском языке — акая, т. е. произнося безударные [а] и [о] одинаково: [хóладна]. В русской речи, далее, одни говорят — *играя*, другие — *играючи*, а кто-то — *игравши*, или *игравши*, или *гряя*. Одну и ту же вещь говорящие на русском языке называют по-разному: *кувшин*, *крынка*, *махотка*, *гличик*, *горлач*, *жбан*, *кубан*, *балакирь*. Налицо, таким образом, широкая вариантность в реализации языковых возможностей одного языка. Системы регулярных и взаимосвязанных вариантов реализации языковых возможностей образуют формы существования языка, т. е. достаточные для коммуникации варианты языка, используемые в том или ином социуме (народе, этнографической общности, социальной или профессиональной группе говорящих).

Формами существования языка являются территориальные диалекты (говоры), наддиалектные языковые образования (койне*), различные социальные диалекты (профессиональная речь, профессиональные аргы, тайные корпоративные языки, кастовые языки), просторечие, молодежное аргы, обиходно-разговорная речь, литературный язык. В принципе все формы существования языка (исключая тайные языки) доступны пониманию в пределах данного народа. Формы существования языка различаются между

* *Койне* (от греч. *koinē díalektos* — общий язык) может развиваться на базе одного или нескольких диалектов как средство наддиалектного, преимущественно устного общения (обычно до сложения литературных языков); применительно к многоязычным ситуациям *койне* иногда понимают как устный язык, используемый в качестве основного средства общения в условиях регулярных контактов носителей разных языков (см. с. 110 — 111, а также статью В.А.Виноградова "Койне" в ЛЭС 1990).

собой составом языковых средств, социальным статусом (кругом функций, сферами употребления), степенью и характером нормирования. Высшей формой существования языка является *литературный язык**, т. е. образцовый, нормализованный язык, противопоставленный диалектам, просторечию и аргю. В совокупности все формы существования определенного языка образуют *общенародный язык*.

Взаимоотношения отдельных форм существования языка могут быть различными в разных языках, а также в разные периоды истории одного языка. Пока не сложилась письменная традиция, на первый план выступают взаимоотношения между отдельными территориальными диалектами. После формирования литературного языка наиболее существенными становятся противопоставления литературного языка и нелитературной речи (диалектов и просторечия), а также степень диалектной дробности и глубина диалектных различий.

В разных национальных коллективах по-разному распределены сферы использования и общественные функции литературного языка и нелитературной речи. Так, в одних культурах, например в арабских странах, Индии, в истории русского языка до конца XVII в., истории чешского языка до конца XIX — начала XX в., "правильным" признается только письменно-литературный язык и, следовательно, обиходно-разговорная речь оказывается нелитературной, ненормативной. В других культурах непринужденное устное общение может происходить на литературном языке, т. е. не противопоставляться образцовой, правильной речи, и, следовательно, составлять обиходно-разговорный вариант литературного языка.

В языковом развитии многих народов наблюдается тенденция к расширению общественных функций и сфер использования литературных языков. Если на заре письменности литературный язык — это язык немногих высокоавторитетных текстов (прежде всего священных), то в современном мире литературные языки используются повсеместно, в том числе в непринужденном повседневном общении.

Взаимоотношения литературного языка диалектов также меняются во времени. Обычно литературный язык народа создается на базе определенного диалекта группы близких диалектов. Так, в основе современного китайского литературного языка *пунтухуа* лежат северо-китайские пекинские диалекты; литературный французский язык сформировался на основе франсийского диалекта; испанский — на основе диалекта

* Под влиянием англоязычной лингвистической традиции в этом значении используются также термины *стандартный язык*, языковой *стандарт*. В немецком языкознании с тем же значением употребляются термины *Schriftsprache* 'письменный язык', *Gemeinsprache* 'общий язык' и *Einheitssprache* 'единый язык'; в Польше — *język kulturowy* 'язык культуры, культурный язык' (подробно см.: Общее языкознание 1970, 502 и след.).

Кастилии; в основе русского литературного языка — среднерусские московские говоры; в основе белорусского — центральные минско-молодечненские говоры Беларуси. Глубина различий ("языковое расстояние") между литературным языком и диалектами во многом зависит от глубины диалектных различий в эпоху формирования литературного языка. Так, затянувшаяся раздробленность итальянских земель, позднее (1861 г.) формирование единого итальянского государства породили "итальянский лес диалектов", как образно характеризовал сильную диалектную дробность итальянского языка Г. В. Степанов (Степанов 1976, 88). В итоге литературный итальянский язык, сложившийся в XIV в. на основе тоскано-флорентийских диалектов, до сих пор весьма значительно отличается от диалектной речи остальных регионов страны. Аналогичная картина наблюдается во взаимоотношениях литературного немецкого языка и немецких диалектов.

С течением времени языковое расстояние между литературным языком и диалектами постепенно сокращается. С одной стороны, для послефеодальных формаций характерно постепенное стирание диалектных различий; при этом в первую очередь обычно нивелируются сугубо местные особенности. С другой стороны, возрастает коммуникативная значимость основного наддиалектного конкурента местных наречий — литературного языка (см. с.37 — 39).

Функциональная структура общенародного (национального) языка может быть представлена как иерархия всех форм его существования (см. схему на с. 33). Ключевой оппозицией в этой иерархии является противопоставление литературного языка и ненормативных разновидностей речи, при этом для характеристики нормативно-стилистического уклада конкретных языков очень важно, входит ли в их "нормативное пространство" такая форма существования языка, как *разговорная речь* (т. е. непринужденная устная речь людей, владеющих литературным языком, в неофициальной обстановке). Предложенная схема в целом соответствует нормативно-стилистическому укладу современного русского языка — одного из тех языков, где в пространстве "правильных" разновидностей языка есть место и для разговорной речи. Она составляет широкое "демократическое" основание литературного языка. Разумеется, граница нормы между разговорной речью и нелитературной речью (в первую очередь просторечием) — это отнюдь не "железный занавес": они активно взаимодействуют и влияют друг на друга. Через разговорную речь влияние просторечия, молодежного аргота, диалектов испытывают и другие функциональные разновидности литературного языка, в первую очередь — язык средств массовой коммуникации и публицистический стиль. Научный и в особенности официально-деловой стили более консервативны и дальше отстоят от разговорной речи и ненормативных разновидностей языка (см. схему).

Понятие "язык художественной литературы" (на схеме соответствующее "пространство" располагается параллельно всему общенародному языку) следует отличать от категории "литературный язык". "Литературность" литературного языка (т.е. правильность) создается оппозицией "нормативная — ненормативная речь". "Художественность" языка художественной литературы создается его эстетической функцией (см. с. 21 — 23), его изобразительно-выразительной направленностью. Вопрос о "правильности" языка в художественном тексте (например, о допустимости просторечия, диалектизмов, арготизмов, как и профессионализмов, канцеляризмов и т. п.) просто не важен: для писателя все, что есть в общенародном языке, — это все средства изображения и выражения, при этом выбор конкретной "краски" диктуется не оглядкой на языковую нормативность, а художественной целесообразностью, эстетической мотивированностью (вспомним топографический план Бородинского сражения не в учебнике истории, а в художественном тексте — в "Войне и мире"). Как в литературе нет запретных тем, так в языке художественной литературы нет запретных слов. Язык художественной литературы — это и зеркало всего богатства общенародного языка, и возможность для художника слова отразить мир и выразить новые смыслы. (О представленной на схеме категории "кодифицированный литературный язык" см. с. 37 — 39).

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК	Литературный (нормированный) язык	Кодифицированный литературный язык	Официально- деловые стили	Научно- технические стили	ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
			Язык радио, телевидения, газет		
			Устная публичная речь		
		Некодифициро- ванная речь	РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ		
	Нелитературные формы существования языка		Просторечие	Молодежное арго, сленг	
			Территориальные диалекты	Профессиональное просторечие, социальные арг.	

Природа языковых норм. В дописменных языковых коллективах, до того, как начинали складываться функциональные разновидности языка, у говорящих еще не могли появиться оценочные представления о чужой или своей речи как о "правильной" или "неправильной". А. М. Пешковский в класси-

ческой работе "Объективная и нормативная точки зрения на язык" (из сборника "Русский язык в школе" 1923. Вып. I) так характеризовал это "естественное" (первоначальное) отношение человека к языку:

"В естественном состоянии языка говорящий не может задуматься над тем, как он говорит, потому что самой мысли о возможности различного говорения у него нет. Не поймут его — он перескажет, и даже обычно другими словами, но все это совершенно "биологически", без всякой задержки мысли на языковых фактах. Крестьянину, не бывшему в школе и избежавшему влияний школы, даже и в голову не может прийти, что речь его может быть "правильна" или "неправильна". Он говорит, как птица поет. Совсем другое дело человек, прикоснувшийся хоть на миг к изучению литературы и наречия. Он моментально узнает, что есть речь "правильная" и "неправильная", "образцовая" и отступающая от "образца". И это связано с самим существованием и с самим зарождением у народа литературного, т.е. образцового наречия" (цит. по публикации в издании: Звегинцев 1965, 292).

С углублением функциональной дифференциации языковых средств представления говорящих о "правильном" и "ненормативном" в речи усложняются: складываются "частные" ("малые") нормы отдельных стилей, т. е. представления говорящих о "должном" и "недолжном" (ненормативном) в официально-деловом общении, в научном изложении, в разговорной речи, в том числе в профессиональной разговорной речи. Например, то содержание, которое в официальном медицинском отчете будет передано фразой *Внутримышечные инъекции пенициллина не дали значимого улучшения состояния больного*, в профессиональном, но не официальном разговоре двух медиков может быть выражено так: *Пробовали пенициллин — не помогает*. При этом оба варианта соответствуют не только общим нормам литературного языка, но и своим более узким дифференцированным нормам отдельных функциональных разновидностей языка (стилям). Естественная "свернутость" разговорных конструкций приемлема и обычна именно в разговорной речи. Если же разговорные слова и обороты попадают в официальный текст (по недосмотру ли, по случайности или потому, что пишущий недостаточно владеет нормами деловой речи), то они воспринимаются как неоправданная фамильярность и способны дискредитировать все сообщение. И напротив, слова и конструкции официальных и книжных стилей, по инерции перенесенные в неофициальное устное общение, нарушают узус* разговорной речи. Ср. реплики в неофициальном разговоре двух знакомых в вестибюле поликлиники: *Я по вопросу*

* Узус (от лат. *usus* — обычай, привычка, употребление) — общепринятое употребление слова или фразеологического оборота; узусальное употребление противопоставляется *окказиональному* (от лат. *occasio* — случай, повод), т.е. созданному "по случаю", для данного контекста, и обусловленному индивидуальным вкусом говорящего. Под узусом понимают также более частные нормы (в отличие от общезначимой нормы литературного языка) — в этом смысле говорят об узусе научного изложения, языковом узусе заводской молодежи, речезом (или языковом) узусе эмигрантов и т.п.

зубов...; По дороге полкило творогу приобрел...; Он в нашем микрорайоне проживает. Иногда в таких стилистических диссонансах проявляется некоторая напряженность или неуверенность говорящего; иногда канцелярские обороты настолько проникают в узус обиходного общения, что естественное "стилистическое чутье" у части говорящих притупляется.

Свой узус, свои представления о "должном" есть и в диалектах, и в просторечии, и в аргю. Так, русская крестьянка рассказывала диалектологу Е. В. Ухмылиной: *В Куйбышеви я гыварю "тибё", а дамбй приёду — "табё"*, и пояснила, что, если в деревне говорить "по-городскому" — "тибё", *смиятца будут* или скажут: *Выбражат анё*. В повести Л. Жуховицкого молодой журналист спрашивает знакомую женщину: *Ира, вы где работаете?*, но, видя ее удивление (оба еще прежде поняли, что психологически они "свои люди"), спешит поправиться: *Старуха, ты где ишачишь?* Таким образом, природа языковых норм в своих основных чертах сходна и в литературном языке, и в диалекте, и в молодежном аргю. Главный признак нормы — это существование у говорящих "языкового идеала" (А. М. Пешковский), своего рода эталона или образца речи, т.е. представлений о том, что "не все равно, как сказать", что должно говорить "как следует". Только для одних "как следует" — это "правильно", "как в школе", "как по радио", для других — "как все", для третьих — "как Марья Алексевна", для четвертых — "как наши", "как Генка-таксист", и плохо говорить "не как следует" — "неправильно", "некрасиво", "не как люди", "не как свои", "как пижоны", "как деревня" и т. д.

Между отдельными нормами (литературным языком и диалектом, литературным языком и городским просторечием, профессиональной нормативной речью и профессиональным просторечием, разговорной речью и молодежным аргю) существуют "пограничные зоны", где происходит взаимодействие и взаимопроникновение разных норм. Поэтому в любой норме, в том числе и в литературном языке, существуют колебания, дублетные, вариантные явления. Всегда возможна известная неопределенность в признании конкретных языковых фактов нормативными или ненормативными.

О том, насколько распространены колебания в норме литературного языка, можно судить по данным двух замечательных словарей.

Частотно-стилистический словарь вариантов "Грамматическая правильность русской речи" (авторы Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, М., 1976) был составлен с использованием ЭВМ на основе статистического обследования газет 60 — 70-х гг. В Словаре охарактеризовано около 100 типов морфологических вариантов (*зажжёт — зажгёт, ветрен — ветренен, инспекторы — инспектора* и т. п.), около 30 типов словообразовательных вариантов (*типичный — типический, геройски — по-геройски*) и более 30 типов синтаксических вариантов (*из-за ошибки — по ошибке — по причине ошибки*). Каждый из типов вариантов объединяет сотни или десятки лексически разных случаев колебаний в литературной русской речи. Например, словарная статья о

вариантах типа *инспекторы — инспектора* основана на 2 тыс. случаев такого колебания в газетных текстах, в том числе разных пар слов отмечено свыше 300; формы на *-ы* встретились почти в 89% случаев. Такие данные позволяют оценить употребительность конкурирующих вариантов в современном языке, а если учесть происхождение и историю конкретного колебания, то можно прогнозировать, что будет с каждым из конкурентов через 5 и через 50 лет.

"Обратный словарь русского языка", составленный под руководством А. А. Зализняка (М., 1974; это было, кстати, первое в СССР крупное лексикографическое издание, выполненное с помощью ЭВМ), представляет собой свод лексики, которая содержится в четырех толковых словарях русского языка (в том числе в 17-томном). В одном из приложений к Словарию перечислены все варианты акцентологические (т.е. различающиеся местом ударения: *и́на́че — и́наче, мы́шле́ние — мы́шление*) и орфографические (*корёжиться — карёжиться, коралловый — кораловый*), которые словарями-источниками приводились как допустимые. Таких вариантов оказалось свыше 2,5 тыс. пар.

В любом социуме в динамике нормы противостоят два фактора: степень распространенности определенного конкурирующего варианта и авторитетность тех носителей языка, которые в своей речи употребляют данный вариант, а не другой. Победа может быть за вариантом первоначально малоупотребительным, если он отвечает определенным внутренним тенденциям развития языка.

Например, в первой трети XIX в. в литературном русском языке в глаголах на *-ить* в формах настоящего времени (или простого будущего) ударение падало на окончание (как это искони было присуще севернорусским говорам). Ср. в поэзии (при современном ударении стихотворный размер здесь нарушился бы):

Печной горшок тебе дороже,
Ты пищу в нем себе варишь.
(Пушкин. Чернь)

Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак.
(Лермонтов. Измаил-Бей)

Постепенно под влиянием южнорусских говоров, где в глаголах ударной была основа, а не окончание, норма литературного языка изменилась: сейчас правильно говорить *ва́ришь, ку́рят, дру́жат, гру́зят, кру́жат, ми́шит* и т.д. Именно с этой широкой тенденцией — переносить ударение на основу — связаны такие распространенные акцентологические варианты, как *позво́нит, зво́нят* и т. п., которые, впрочем, пока еще не признаны нормативными (см. подробно: Горбачевич 1971, 45 — 52).

В целом в синхронии языковые факты, составляющие норму, обычно характеризуются и достаточно массовым распространением, и достаточно авторитетными источниками такого употребления.

Разные формы существования языка, представляя собой варианты реализации структурных возможностей этого языка, с объективно-лингвистической точки зрения не могут быть "правильными" или "неправильными", "образцовыми" или "смешными". Любые подобные оценки — субъективны. Севернорусское оканье ничем не хуже и не лучше средне- и южнорусского аканья, как и южнорусское фрикативное *Г* не хуже и не лучше средне- и севернорусского взрывного *Г*. Не языковые и не эстетические достоинства делают один вариант "правильным", а другой — "неправильным". Дело в социально-культурной роли земель, городов, государств, групп населения. Престижность и

влиятельность их языковых привычек и норм пропорциональны этой роли.

Психологически языковые нормы обязательны для говорящих. Их грубое нарушение чревато психологическими трудностями, оно означает обособление от своего коллектива. Вместе с тем "негрубые", мелкие речевые колебания, отступления от принятых речевых образцов, самоперебивы, прерванные, "недостроенные" фразы обычны в нашей речи. Л. В. Щерба говорил, что если бы нашу речь записать "во всей ее неприкосновенности", то "мы были бы поражены той массой ошибок в фонетике, в морфологии, синтаксисе и словаре, которые мы делаем" (Щерба 1974, 36). Однако люди настроены на понимание друг друга и поэтому привыкли улавливать смысл обращенной к ним речи, почти не замечая мелких помех и "шумов".

Литературный язык как высшая форма существования языка. Все формы существования общенародного языка (литературный язык, территориальные и социальные диалекты, просторечие, профессиональная речь, молодежное аргю и т. п.) в своем социуме (народе, этнографической общности, социальной или социально-возрастной группе) составляют языковую норму данного социума. Природа языковых норм одинакова и в литературном языке и в диалектах или аргю, поскольку главное, чем создается само явление языковой нормы, — это наличие у говорящих "языкового идеала" (см. с. 33 — 36). Таким образом, литературный язык — это только одна из сосуществующих норм общенародного языка, причем в реальности не всегда самая распространенная (например, большинство населения может говорить на диалектах). Однако литературный язык — это объединяющая, наддиалектная и надсловная форма общенародного языка, поэтому за ней будущее.

Между нормой литературного языка и нормами нелитературных вариантов языка есть ряд существенных различий:

1. Несмотря на свою генетическую связь с локальной диалектной базой, литературный язык возникает как принципиально наддиалектная форма существования языка. В последующей истории, особенно в новое время, функции и сферы использования литературных языков расширяются, а нормы — демократизируются (в первую очередь благодаря тому, что формируются средства неофициального устного общения на литературном языке — разговорная речь; см. с. 30 — 33). Нормами современных литературных языков в основном владеют люди, имеющие среднее и высшее образование, т. е. в наше время — это большая часть населения. Благодаря школе и средствам массовой коммуникации нормы литературного языка распространяются все шире. Таким образом, в современном мире литера-

турные языки становятся основной формой существования общенародных языков — как по разнообразию своих социальных функций, так и по месту в языковом общении всех говорящих.

2. В силу наибольшей социальной значимости литературного языка — (в сравнении с другими формами существования общенародного языка) нормы литературного языка обладают наивысшим престижем в обществе.

3. В литературном языке "языковой идеал" говорящих (представления о правильной речи) в наибольшей мере осознан обществом. Общество заботится об упрочении и распространении литературной нормы во всем коллективе говорящих. Поэтому нормы литературного языка к о д и ф и ц и р у ю т с я*, т. е. сводятся в специальные книги — словари, грамматики, различного рода справочники по культуре речи. На основе полных ("академических") нормативных грамматик и словарей пишутся школьные учебники родного языка; с нормативными описаниями языка постоянно сверяются редакторы книг и текстов массовой коммуникации. Поэтому кодификация способствует упрочению литературной речи в языковой практике говорящих.

Кодификация нормы возможна только применительно к литературному языку, и это отличает литературный язык от других форм существования языка. Однако и литературный язык не всегда кодифицирован: на ранних этапах истории конкретного литературного языка его нормы (т. е. "правильные", "принимаемые" социумом варианты реализации языковых возможностей) заданы только текстами (потому что словаря и грамматики еще нет, они не написаны). В результате кодификации норма литературного языка получает двойное представление: во-первых, она воплощена, практически реализована в определенном корпусе классических (образцовых) текстов; во-вторых, норма записана в виде перечней правильных слов, форм и конструкций, а также в виде правил и характеристик в нормативных грамматиках и словарях**.

* Кодификация — по происхождению юридический термин (позднелат. *codificatio* от *codex* — книга, собрание законов и *facio* — делаю); это систематизация законов в едином законодательном своде путем устранения несогласованности, восполнения пробелов, отмены устаревших норм. Кодификация литературного языка — это систематизированное представление языковых норм в грамматиках, словарях, в сводах правил орфографии, пунктуации, орфоэпии и т. п.

** Дialeктные словари, как и словари аргo, тайных языков oфеней или уголовников, составлялись и составляются отнюдь не в целях упорядочения и закрепления сложившегося здесь узуса словоупотребления. Задачи таких описаний не нормативные, а исследовательские и справочно-практические. Особенно важны собрания народной диалектной лексики, сопоставимые по научной ценности с историческими словарями языка. Словари тайных языков интересуют не только языковедов и этнографов, но и практиков сыска. Один из первых (на русском языке) печатных справочников такого рода составил пристав Вc. Попов, посвятив его "всем товарищам-сослуживцам, чинам наружной и сыскной полиции Российской империи" (Киев, 1912).

В синхронии в границах литературного языка различаются две его разновидности: 1) более строгая, "записанная" в нормативных грамматиках и словарях, — это *кодифицированный литературный язык*; 2) некодифицированный литературный язык — *разговорная речь* (в повседневном обиходно-бытовом общении).

4. Норма литературного языка, в отличие от норм нелитературных разновидностей языка, наиболее устойчива перед воздействием конкурирующих норм (диалектов, просторечия, аргот). Диалекты чаще смиряются с "заимствованиями" из литературного языка, в то время как литературный язык противится диалектному влиянию значительно сильнее. При этом непроницаемость литературной нормы для диалектизмов с течением времени возрастает.

5. Норма литературного языка более определена, дифференцирована, чем нормы территориальных и социальных диалектов. Для литературного языка характерна тенденция к преодолению нефункционального варьирования: устраняются дублиеты (например, из двух равновозможных в XIX в. английских заимствований *клуб* — *клуб* сохранился первый вариант); часто идет размежевание в дублетных парах, так что прежние дублиеты становятся синонимами (как, например, *похолодать* 'стать холоднее (о воздухе, погоде)' и *похолодеть* 'стать холодным'; безличное употребление нормативно только в значении 'цепенеть, леденеть (от страха, ужаса и т. п.)'; см.: Горбачевич 1973, 343 — 344); между синонимами и параллельными конструкциями углубляются семантические и/или стилистические различия (ср. *вследствие закрытия мастерской* — *потому что мастерская закрылась*).

Таким образом, литературный язык — это не только наиболее престижный, но и максимально удобный вариант общенародного языка; он предоставляет говорящим самые надежные — потому что устойчивые и широко принятые — и самые разнообразные возможности выражения смыслов.

Типологические различия литературных языков.

Лингвистическая типология изучает сходства и различия языков, независимые от происхождения языков и их влияния друг на друга. Исследования сходств и различий в строении отдельных уровней разных языков позволили построить разноплановые типологические классификации: существует морфологическая типология языков, синтаксическая, типология фонологических систем и звуковых цепей, лексическая типология (о типологии языков см. подробно: Реформатский 1967, 450 — 464; см. также с. 179 — 183). Типология литературных языков является частью функциональной (социолингвистической) типологии языков.

Различия между отдельными литературными языками могут заключаться в ряде особенностей их функционирования.

Различия в социальных функциях. Для каждого литературного языка существен состав его функций и сфер использования — этим определяется их разное место в жизни общества. Есть литературные языки с максимально разнообразным составом функций и сфер применения: от обиходно-бытового устного общения до межнационального и межгосударственного общения, например русский, английский, испанский, французский, немецкий. Известны литературные языки, которые используются преимущественно в письменной форме и в официальном устном общении (например, литературный арабский); устный обиходно-бытовой разговор на таком языке невозможен, а та речь, которой пользуются все говорящие в повседневном неофициальном общении, не считается правильной. Это так называемые *диглосные языковые ситуации* (см. с. 75—76, 108—110). Есть литературные языки, которые исключаются именно из наиболее официальных сфер общения. Например, в Люксембурге литературный люксембургский язык используется в повседневном общении, в средней школе, массовой коммуникации, в художественной литературе, однако официальным языком органов власти признан французский язык, а в церкви (и в богослужении, и в проповеди) первое место отведено немецкому языку (Проблемы ареальных контактов 1978, 53—62).

Барьеры норм, открытые границы и переходные зоны (о разных дистанциях между литературной и нелитературной речью). Рационально-историческое своеобразие литературного языка существенно зависит от характера взаимоотношений между литературным языком и нелитературными формами существования языка (территориальные и социальные диалекты, просторечие, сленг). Есть литературные языки, отделенные от нелитературной речи малопроницаемым барьером, и, напротив, языки, где граница между литературной и нелитературной речью подвижна и постоянно нарушается.

Так, в русском языке литературная речь в целом довольно терпима к просторечным, вообще стилистически сниженным вкраплениям. Поэтому в речи комментатора, международного обозревателя, спортивного журналиста, публичной речи юриста вполне обычны просторечные краски. Вот, например, типичные фрагменты из речи судебного обвинителя: Желая получить еще более прочные гарантии, *набивая себе цену*, Пеньковский настойчиво требовал от разведчиков организовать ему встречу с высокопоставленным английским представителем; как мог ... *докатиться* до тяжчайших преступлений; не гнушался всякими безделушками и *барахлами*, полученным от своих "дорогих друзей"; расплачивались за *рошазейство* и болтливость (Судебные речи советских обвинителей. М., 1965. С. 238, 245, 246, 247).

С другой стороны, и в разговорной русской речи могут использоваться, причем без особых экспрессивных целей, языковые средства книжных стилей — канцеляризмы, специальная терминология. В порядке иллюстрации можно привести фрагменты обиходных разговоров, записанных на магнитофон в ходе

исследования русской разговорной речи: 1. [Воскресное утро в семье. Разговор мужа и жены]. Б. *Алк! Ты с носом что-нибудь сделай!* [У А. насморг]. А. *Сейчас!..* Б. *Помажь | тепло оденься | накапать надо | | Принимай какие-то меры | | Носки надень теплые.* 2. [16-летняя школьница. Речь идет о занятиях в театральной студии]. *Ну когда я была в пионерском возрасте я занималась во Дворце пионеров в студии | | ... Через год ... М... Ну я не знаю | | Вообще я немножко боюсь даже иметь только профессию актрисы ... | | Потому что | ну это такое проходящее дело мало ли что такое случилось с голосом еще и ни ... ты собственно говоря остался без куска хлеба | | [Со смехом]. Поэтому они тоже стараются даже сейчас стараются приобрести какую-нибудь профессию...* (Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978. С. 244, 215 – 216).

Иная картина наблюдается в таких языках, как французский или чешский. Здесь литературная речь и просторечие значительно удалены друг от друга, и это расстояние преодолевается с трудом.

В "молодых", или "новых", литературных языках (белорусском, украинском, словенском), напротив, языковая дистанция между обиходной разговорной речью на литературном языке и диалектной речью, географически близкой к литературному языку, почти не заметна. Легкая диалектная окраска такой речи не воспринимается как "неправильность"; скорее, это подчеркнутый "местный колорит" и языковая "органичность", вполне приемлемые в литературно-обиходной (некодифицированной) речи.

Различия между разными языками в степени стилистического контраста между литературной кодифицированной и разговорной речью приходится учитывать при переводах. Так, вполне терпимый в русской публичной речи фразеологизм *набивать себе цену* (пример см. выше) при переводе на чешский требует стилистически более нейтрального соответствия — чтобы не нарушить степень стилистического контраста, допустимого в чешской литературной речи.

О разном внимании к нюансам и оттенкам. Различия между отдельными литературными языками могут заключаться в глубине и определенности смысловой дифференциации вариантных и синонимических средств языка. Для таких языков, как французский, английский, русский, безразличное употребление вариантов в целом не характерно. В других языках, например в белорусском, словенском, сербском, распространено функционально незначимое варьирование, т. е. во многих случаях выбор варианта из ряда параллельных или синонимических средств не связан с ощутимыми семантическими и/или стилистическими различиями.

Например, в русском языке выбор краткой или полной формы прилагательного в позиции сказуемого обычно функционально значим. Краткие формы чаще обозначают признак, ограниченный во времени или в каком-либо ином отношении, полные же формы — признак абсолютный, постоянный (ср.: *девочка больна* — *девочка больная*, *пальто коротко* — *пальто короткое*). Иногда краткие формы в сравнении с полными ощущаются как более книжные, с этим связана их

отвлеченность, строгость, иногда категоричность. А. М. Пешковский, сопоставляя полные и краткие формы прилагательных (речь идет о синтаксически сходных репликах в "Трех сестрах" Чехова: "Ты, Машка, злая", "Ты, Маша, глупая", "О, глупая ты, Оля"), замечает: "Все три реплики отнюдь не враждебны. Это — по-родственному, по-дружески. Но сказать *ты зла*, *ты глупа* есть уже оскорбление... *Ты зла* — это голое констатирование факта, к которому не идет дружеский тон и небрежно-разговорный стиль" (Пешковский 1956, 226). В отличие от русского языка, в белорусском языке полные и краткие прилагательные употребляются без каких-либо заметных смысловых и стилистических различий (при том что полные формы употребляются чаще).

В белорусском языке обычно меньше также степень дифференцированности слов в синонимическом ряду. Например, по данным "Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы" в 6-ти книгах (Минск, 1977 — 1984) и "Слоўніка сінонімаў і блізказначных слоў" М. К. Клышко (Минск, 1976), между синонимами *дрэжны*, *кепскі*, *благі* нет ощутимых различий ни в семантике, ни в стилистической окрашенности. В аналогичном синонимическом ряду в русском языке — *плохой*, *дурной*, *скверный*, *худой* — слова дифференцированы в большей степени: *дурной* употребляется преимущественно в литературно-книжной речи; *худой* в современном литературном языке употребляется лишь в отдельных выражениях (*не говоря худож слова, быть на худом счету*), в пословицах и поговорках, а в других случаях слово имеет просторечный характер; *скверный* имеет усилительное значение и т. д. (по данным "Словаря синонимов русского языка" в 2-х томах, под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970 — 1971).

Следует подчеркнуть, что различия языков в степени дифференцированности параллельных и синонимических средств нельзя объяснить субъективными факторами, т. е. различиями в степени и характере кодифицированности языковой нормы. Дело здесь не в разной подробности или зоркости словарей и грамматик, а именно в объективной картине — в том, что в "молодом" литературном языке функциональное размежевание параллельных средств могло еще не сложиться.

Факторы национально-исторического своеобразия литературных языков. Встает вопрос о тех причинах, которые обуславливают различия в характерах конкретных литературных языков. Очевидно, что эти различия не зависят от степени генеалогической близости языков. Так, ближайшие родственные языки могут быть весьма различны по типологическим особенностям своих стилистических систем (например, русский и белорусский, чешский и словацкий). С другой стороны, языки, далекие в генеалогическом отношении, могут быть сходны с точки зрения типологии литературных языков (например, русский и французский литературные языки).

Норма литературного языка — явление национальное и историческое. Именно в своеобразии культуры и истории народов лежат факторы, определяющие своеобразие их литературных языков. При этом особенно существенны те исторические условия, в которых происходило **формирование** национального литературного языка.

О языках — "гениальных юношах" и языках — "маститых гениях". В типологии литературных языков очень важны хронологические границы понятия "современный литературный язык". В различных национальных языках продолжительность того последнего этапа в истории языка, который в настоящее время осознается носителями языка как "современный", может быть существенно разной. Отношение говорящих к определенному диахроническому этапу в истории языка как к языку "современному" или, напротив, как к языку "вчерашнем дня" проявляется в хронологических границах читаемой в современном национальном коллективе отечественной литературы. Эти границы в основном совпадают с творчеством классиков национальной литературы, в художественной практике которых формировался национальный литературный язык. Так, основные черты современного итальянского литературного языка складываются в XIII—XIV вв., в творчестве "великих флорентийцев" — Данте, Петрарки, Боккаччо; начало современного французского литературного языка относится к XVII в. (драматургия Корнеля, Мольера, Расина); начало современного литературного русского языка — это 20—30-е гг. XIX в. (творчество Пушкина); становление современного белорусского литературного языка связано с именами Винцента Дунина-Марцинкевича и Франтишка Богушевича (середина — вторая половина XIX в.).

Дальнейшая история сложившегося литературного языка состоит в том, что нефункциональное варьирование постепенно преодолевается; углубляется стилистическая и семантическая дифференциация языковых средств; в итоге формируется внутренняя функционально-стилистическая структура литературного языка, что усиливает его обособленность от нелитературных форм существования языка. Вот почему для типологии норм так важно, сколько столетий (или десятилетий) насчитывает "современный" литературный язык.

В. Набоков в *Постскрипуме к русскому изданию* (1965) "Лолиты" так характеризовал различия в выразительных возможностях между "зеленым русским литературным языком" (начало современной истории — Пушкин) и "зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским" (начало современной истории — Шекспир): "Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, рвение односложных эпитетов, все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта невязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей, и маститым гением, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой духа" (Набоков В. Лолита. М., 1989. С. 358—359).

Культурно-психологический смысл стилистики. Итак, глубина и определенность стилистической и смысловой дифференциации языковых средств прямо зависит от "возраста" литературного языка; можно сказать, степень дифференцированности языковых средств есть "функция времени", в течение которого совершалась история литературного языка.

Стилистическая дифференциация увеличивает информационную емкость языковых знаков, поскольку формируется новый компонент содержания знака — стилистическая маркированность*. Внутреннее социально-психологическое содержание стилистической маркированности сводится к оценке (или характеристике) знака с точки зрения его уместности в тех или иных условиях общения (то ли при обращении к Богу или в речи о Боге; то ли в общении частном — семейном, бытовом, дружеском, интимном, непринужденном, фамиллярном и т. д.; то ли в общении социальном — публичном, служебном, официальном, профессиональном).

Стилистическая дифференциация языка представляет собой исторически первое осознание, осмысление языка обществом. В этом состоит культурно-психологический смысл формирования стилистической структуры языка. Таким образом, начальное познание языка (до первых сочинений о языке, первых словарей и грамматик) носило коллективный, сутобо практический и в основном имплицитный** характер, поскольку стилистические оценки языковых средств не формулировались явно, а проявлялись в выборе одного варианта из ряда возможных.

О "традиционных" литературных языках и прерванных традициях. Типологические особенности литературного языка во многом зависят от степени его традиционности по отношению к предшествующему этапу своей истории. Эта связь между сегодняшним днем литературного языка и днем вчерашним может быть существенно различной в разных языках.

Для русского языка характерна тесная преемственность между отдельными периодами его истории. Говоря о первой трети XIX в. как о начале новой (современной) стилистической системы русского языка, следует вместе с тем видеть относительный характер новизны: язык Пушкина отнюдь не был оторван

* *Маркированность* (от франц. *marquer* — отмечать) — отмеченность, оформленность, выраженность. На стилистическую маркированность (т.е. наличие у слова определенной стилистической окраски) в толковых словарях указывают такие словарные пометы, как *разговорное, просторечное, книжное, официальное, официально-деловое, высокое, традиционно-поэтическое, народно-поэтическое*. Стилистическую маркированность следует отличать от коннотации (см. с. 18 — 19).

** *Имплицитный* (от лат. *implicite* — свернуто, запутанно, неявно) — неявно содержащийся в чем-то; антонимичный термин *эксплицитный* (от лат. *explicite* — развернуто, ясно) — 'представленный или выраженный явно, открыто, понятно'. Например, в предложении *Больше всего мне понравились кенгуру* значение числа 5 в слове *кенгуру* присутствует имплицитно, а в слове *понравились* — эксплицитно.

от литературного языка XVIII в., он преобразовал, но вместе с тем и продолжил стилистические традиции XVIII в. Больше того, как показал Б. А. Успенский (Успенский 1985), в XVIII в., в литературной и филологической практике В. К. Тредиаковского, уже сложился прообраз литературно-языковой ситуации первых десятилетий XIX в. — ситуации сосуществования и конкуренции разных моделей нормализации литературного языка (борьба карамзинистов и шишковистов). Предшествующие этапы истории русского литературного языка — XVIII в., язык Московской Руси, язык Киевской Руси — также были тесно связаны между собой. Преемственность в истории русского литературного языка обусловила то, что его современная стилистика многое наследует от предшествующих, иногда весьма удаленных, состояний литературного языка. Так, из всех современных славянских литературных языков русский язык в наибольшей мере связан с традициями церковнославянской книжности. В его стилистике по-прежнему актуальна оппозиция церковнославянизмов и исконно русских языковых средств (см. с. 76 — 77). Влияние церковнославянского языка сказалось также в том, что кодифицированный литературный русский язык в целом дальше отстоит от живой разговорной и диалектной речи, чем большинство славянских литературных языков.

В отличие от сравнительно плавной истории русского литературного языка, в истории литературных языков ряда славянских народов была своего рода пауза в развитии. Отсутствие государственной самостоятельности, чужеземное национальное угнетение подавили, оборвали традиции ранней письменной культуры в истории белорусского, украинского, чешского, болгарского, сербского, хорватского, словенского народов. Новая книжно-письменная культура этих народов возникает несколько веков спустя, в результате национально-освободительной борьбы и национального возрождения.

Однако возрождение славянских литературных языков не было возобновлением *п р е ж н и х* нормативно-стилистических систем (за исключением чешского языка). Возрождавшиеся литературные языки опирались на живую народную речь, на язык новой литературы и публицистики. С этим связана их большая близость к народной речи, большая терпимость к диалектизмам, но вместе с тем и некоторая ограниченность, суженность стилистического диапазона. По-видимому, в таких языках трудно появиться текстам, которые звучали бы так же величественно и торжественно, как, например, ода "Вольность" или "Пророк" Пушкина в русском языке. Но это означает, что и стилистически сниженная речь в молодых литературных языках менее экспрессивна, чем в русском. В переводах она перестает звучать так подчеркнуто раскованно, просто, порой — простецки, как на русском языке. Для ощущения стилистического контраста нужна традиция.

Различия в идеологиях национального возрождения. Типологические черты литературного языка, в особенности языковое "наполнение" функциональных стилей, во многом зависели от идеалов и языковых программ национального возрождения. Например, ориентация создателей чешского лите-

ратурного языка конца XVIII — начала XIX в. на чешскую книжность XVI в. становится понятной в контексте идей чешского возрождения и антигабсбургского национализма. Идеалом чешского возрождения была Чехия прошлого — до поражения на Белой Горе (1620) — свободное и сильное государство, с богатейшей книжно-письменной культурой*. Языковой идеал чешские "будители" также видели в прошлом — в чешском литературном языке XV — XVI вв. Камертоном кодификации для них стала знаменитая 6-томная Кралицкая Библия, выдающийся памятник XVI в. На текстах Кралицкой Библии была основана первая чешская грамматика нового времени — "Подробная грамматика чешского языка" Йозефа Добровского (1809). При этом Добровский даже частично архаизировал язык XVI в. (Национальное возрождение 1978, 9 — 85).

Добелогорский чешский язык оставался образцом и для Йозефа Юнгмана, кодификатора и создателя чешской книжной лексики и терминологии. Его 5-томный чешско-немецкий словарь (30-е гг. XIX в.) был задуман как тезаурус** чешской лексики на всем историческом пути Чехии и прежде всего языка добелогорского периода. И хотя фактически словарь Юнгмана перерастает рамки XVI в., однако ориентация на лексику Кралицкой Библии, на словари Велеславина, сочинения Коменского сказалась в возрождении забытой лексики, в активизации архаических словообразовательных моделей, в последовательном отказе от заимствований из немецкого языка.

Я. Белич писал о "бумажной архаичности и тепличной исключительности" чешского литературного языка первых десятилетий XIX в. Действительно, архаизирующая нормализация чешского языка была во многом искусственна, она могла прижиться только потому, что чешский литературный язык первой половины XIX в. был языком исключительно книжной, письменной культуры (устная форма литературного языка складывается во второй половине XIX в.). Однако устремленное в прошлое начало современного чешского литературного языка сказывается до сих пор: для него характерна самая большая в славянском языковом мире оторванность литературного языка от народно-разговорной речи.

* Достаточно сказать, что чешский король Карл I (1316 — 1378) становится императором Священной Римской империи (под именем Карла IV). Карл I основал 9 университетов, в том числе Пражский (Карлов) — первый университет в Центральной Европе. В XIV в. на чешский язык переводится полная Библия. Уже в 1488 г. в Чехии был напечатан первый в Европе перевод басен Эзопа на народный язык.

** Тезаурус (от греч. *thesaurós* — сокровище, клад, запас; обилие) — словарь, стремящийся к максимально полному охвату и подробному описанию лексики данного языка.

В обстановке иной лингвистической идеологии складывался сербскохорватский литературный язык (ныне ставший двумя языками — сербским и хорватским).

Литературный язык Сербии XVIII в. стоял на распутье: в литературе и письменности сосуществовали и соперничали несколько стилистических систем. Одни из них были связаны с церковнославянским языком, в том числе с его русской редакцией, другие — с народным сербским языком. Создатели сербского литературного языка — Досифей Обрадович, Вук Караджич, Джуро Даничич — отказались от архаизирующих церковнославянских стилей и обратились к современному народному языку. В такой ориентации сказалась сильная в сербском возрождении идеология романтизма, с его интересом к этнической самобытности, дописменной народной культуре, к "душе" народа. Обрадович, крупнейший сербский писатель XVIII в., на практике — в своих художественных и публицистических сочинениях — доказал приемлемость народного сербского языка в качестве языка литературного. Более радикально-народный Караджич составил грамматику и словарь на основе фольклора сербов, хорватов, черногорцев (1814, 1818 гг.) и издал — в качестве образца нового литературного языка — несколько сборников народной поэзии. Отмечая радикализм Караджича, Н. И. Толстой писал, что отказ от книжных языковых элементов, от церковнославянизмов "не мог не привести к значительному сокращению стилистических возможностей литературного языка" (Национальное возрождение 1978, 300).

Кодификация Караджича была принята обществом. Реформа Караджича, лингвистическая идеология, на которой она выросла, определили типологические черты литературного сербскохорватского языка: близость к народно-разговорной речи, значительную терпимость к диалектизмам, вместе с тем — известную суженность стилистических возможностей, что связано с отходом от традиций церковнославянской книжно-письменной культуры,

Художественные стили эпохи и литературные языки. Говоря о типологических особенностях литературных языков, важно учитывать также их зависимость от эстетики и поэтики литературного направления, главенствующего в эпоху формирования литературного языка. Показательны в этом отношении различия французского и русского литературных языков.

Формирование французского литературного языка связано с художественной теорией и практикой классицизма. В рационалистическом, абстрагирующем искусстве классицизма отбор языковых средств строго регламентировался литературными жанрами. В наиболее авторитетных высоких жанрах (трагедия, эпическая поэма, но не лирика, которая по самой природе тяготеет к конкретному, непосредственному, индивидуальному) язык был рационалистически ясен, точен и далек от живых красок народно-разговорной речи. Обособленность книжной и разговорной речи, некоторая рационалистичность, "сухость" книжных и нейтральных стилей остаются характерными чертами нормативно-стилистической системы французского литературного языка.

В отличие от классицистического начала современного французского литературного языка, становление современного русского литературного языка связано с утверждением реализма. Познавательные установки реалистической литературы и ее изобрази-

тельные средства делают художественный текст принципиально открытым всем языковым стихиям. В реализме между художником и миром не стоит фильтрующая эстетика разума, как в классицизме, или эстетика избранных эмоциональных состояний, как в сентиментализме. Для реалиста язык — это часть того мира, который искусство стремится изобразить во всей полноте и правде. Вместе с тем в реализме язык — это не только объект, но и средство воспроизведения действительности. Со времен гоголевской "натуральной школы" в русской литературе по-разному говорят крестьянин и чиновник, мастеровой и купец; издавна употребительны диалектные и просторечные краски. Реалистической эстетике чужды запреты, языковая ограниченность или односторонность. Она принципиально не нормативна. Но это значит, что та стилистическая система, которая формируется в реалистической литературе, отличается большой широтой, свободой, гибкостью своих норм. Именно таковы особенности русского литературного языка.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Культурное и природное в языке. Проблема "язык и культура" многоаспектна. К ней по-разному подойдут историк культуры и лингвист, философ и психолог, этнограф и литературовед. Однако и языковедческий аспект проблемы по меньшей мере двупланов, поскольку язык и культура в з а и м о д е й - с т в у ю т. Поэтому сразу встают два вопроса: 1) как разнообразные культурные процессы влияют на язык? 2) как язык влияет на культуру? Однако прежде всего законен вопрос о соотношении понятий "язык" и "культура": в какой мере язык — это культура?

Культура противостоит природе. Лат. cultura (от colo — обрабатываю, возделываю, развожу) означало нечто возвращенное трудом человека, в отличие от дикорастущего. Культура — это продукт социальной, а не биологической активности людей. Язык же выступает как явление и культуры и природы. Бесспорно, что язык — это одно из важнейших достижений социальной истории человечества, слагаемое культуры и ее орудие. Однако, с другой стороны, в самой материи языка, в ряде существенных характеристик языковой структуры сказалась биологическая природа человека. Здесь многое определено возможностями физиологии и психофизиологии речевой деятельности. Так, наличие во всех языках мира гласных и согласных и преобладание звуковых цепей с чередованием гласных и согласных обусловлено не культурой, а природой: человек не в состоянии ни произносить, ни воспринимать речь из одних гласных или одних согласных. Психофизиологические возможности знаковой деятельности человека обусловили уровневую организацию языка, определили количественные параметры отдельных уровней — например, объем фонологической системы, колеблющийся по разным языкам в интервале от 10 до 100 единиц; объем словаря в интервале от 10 тыс. до полумиллиона слов; меру избыточности в языке. Объемом оперативной памяти человека ограничена средняя длина предложения, средняя глубина и ширина подчинительных связей

при развертывании высказывания*, средняя длина синонимического ряда, размеры лексико-семантических групп. Природа определяет в языке наиболее глубокие черты его структуры и закономерности порождения и восприятия текста. Культура определяет план содержания языка.

Современному знанию открывается поразительно глубокое взаимопроникновение природы и культуры, и язык — одно из ярких его проявлений. В молекулярной биологии и семиотике был увиден изоморфизм (структурное сходство) генетического кода и языка. Они рассматриваются как информационные системы, служащие для порождения текстов путем комбинаторики некоторых исходных элементов: в механизмах генетики — четырех химических радикалов при развертывании "химического текста" наследственности; в механизмах языка — набора фонем при порождении речи. Р. О. Якобсон высказал предположение, что сходство языка с генетическим кодом возникло в результате того, что в процессе филогенеза человек бессознательно конструировал язык по образцу генетического кода. Это копирование генетического кода в языке возможно благодаря тому, что организм неосознанно владеет информацией о своем строении, в том числе — о строении своего генетического кода (Гамкрелидзе 1988).

Дискуссионным остается вопрос о соотношении врожденного и приобретенного в речевой деятельности человека. Общепризнано, что человек обладает врожденной языковой способностью, т. е. психофизиологическим механизмом, который обеспечивает возможность речи. По мнению большинства исследователей, это означает способность человеческого мозга в первые годы онтогенеза усвоить, во-первых, систему знаков конкретного языка и, во-вторых, правила, позволяющие строить тексты, выбирая и комбинируя нужные знаки. Реализация языковой способности происходит в процессе общения человека с окружающими людьми — носителями конкретного языка (или языков). Согласно более радикальной концепции Ноэма Хомского (США), врожденный компонент языковой способности является более содержательным, поэтому усвоение языка в онтогенезе начинается не "с нуля". Языковая способность включает некоторые врожденные и универсальные знания, с помощью которых человек порождает и понимает предложения (Хомский 1972;

* Ср. два высказывания с различной глубиной подчинительных связей: *Вчера встретил жену доктора и Вчера встретил жену однокурсника сына доктора мэра города.* При цепочке в 6—7 родительных падежей слушающий уже не способен понять, "между кем и кем" происходит то, о чем идет речь. Поэтому говорящие избегают построений, где глубина подчинения превышает 2—3 связи. Ср. также высказывание с чрезмерно широкой подчинительной связью: *Весь вечер, не отходя от стола и забыв все на свете, с жаром, ломая карандаши и царапая бумагу, сопя, кусая губы и что-то борючись, своим крупным перовым почерком, без обиняков, но путано и длинно писал Митя письмо отцу.* Столько однородных обстоятельств просто мешают друг другу: из-за своей многочисленности они как бы теряют в смысловой весомости и самостоятельности.

Хомский 1972a). Таким образом, по Хомскому, наиболее глубокие черты языковой структуры и семантики имеют природно-генетическую основу.

Общечеловеческий культурный компонент в языковой семантике. Подобно тому как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразия культуры конкретного народа. Универсальный семантический компонент обусловлен единством видения мира людьми разных культур. Это принципиальное единство человеческой психики проявляется на разных уровнях семантической организации языков — от широких и устойчивых тенденций до "точечных" универсальных явлений. Так, в любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, тех или иных временных и пространственных отношений. Межкультурное сходство самих процессов языкового общения проявляется в том, что все языки различают говорящего, слушающего и не-участника общения (в этом назначение категории лица); все языки различают вопросы и утверждения; всюду в сообщении вплетаются модальные или эмоциональные оценки говорящими того, о чем идет речь, или самой речи.

Общность человеческой психологии ярко сказывается в асимметрии положительных и отрицательных оценок. В самых разных языках слова со значением 'хорошо' часто употребляются в значении 'нормально' (ср.: — *Как спишь?* — *Хорошо*, а слова, которые на шкале "плохо-хорошо" занимают срединное, т. е., казалось бы, нейтральное положение, имеют тенденцию сдвигаться к полюсу "плохо" (ср.: *средние способности, ни то ни сё; ни рыба ни мясо; человек хороший, а администратор никакой*; см.: Вольф 1985). Слова со значением 'большой, много' легко развивают оценочное значение 'хороший', а со значением 'мало' — 'плохой'.

Межкультурная общность человеческого видения мира обусловила антропоморфную универсальность той наивной картины мира, которая запечатлена в естественных языках. В этом мире солнце "всходит" и "заходит" (а не Земля поворачивается вокруг своей оси). Здесь смыслы 'жаркий', 'холодный', 'теплый', 'прохладный' сформированы человеческим восприятием лета и зимы, костра и ручья, живого и неживого. Здесь "быстрым" может быть волк, поток, ум; "горьким" — лук и упрек; здесь рельеф увиден как человек: *устье, рукав и колено реки, горловина вулкана, бровка канавы, хребет и подошва горы*, при этом сама гора может быть названа *Лысой*, а горное озеро — *Морским Оком* и т. д. В отличие от физики, которая в метрах оценит и гору и дорогу, человек скажет *высокая гора*, но *длинная дорога*, зато цветообозначения могут характеризовать звук и даже вообще не

воспринимаемое чувствами свойство (*светлая одежда, светлое звучание, светлый романтизм*). Во всех языках обозначения абстрактного и идеального в своих истоках восходят к обозначениям конкретного и материального (как и само слово *абстрактный* и его церковнославянское соответствие *отвлеченный*: лат. *abs-traho* < *traho* — тяну, тащу; церк.-слав. ВЛЕКУ — тяну, волоку). В самых разных культурах человек называет новое с помощью прежде созданных имен — метонимически, метафорически, сужая или расширяя их семантику.

Все это — бесчисленные проявления межкультурной общности языков мира и основа взаимопонимания их носителей.

Безэквивалентная лексика и лакуны. Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего в лексике и фразеологии, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой действительностью. В любом языке и диалекте есть слова, не имеющие однословного перевода в других языках. Это так называемая безэквивалентная лексика, в основном — обозначения специфических явлений местной культуры. В случае заимствования в чужой язык безэквивалентные слова называют экзотической лексикой (экзотизмами). Экзотизмы и этнографизмы не столько раскрывают или толкуют чужую культуру, сколько символизируют ее. Так, слова *эсквайр, спикер, крикет, шиллинг* прочно ассоциируются с Англией; *джейлау, кишлак, арык, дехканин* — это знаки среднеазиатской культуры; *сакура, гейша, икэбана, сакэ* — знаки традиционной японской культуры; *баз, курень, майдан, привада* — знаки донского казачьего быта и т. д.

Экзотизмы хронологические — это историзмы. Они тоже непереводаемы, а между тем это ключи к пониманию прошлого культуры. Вот почему лексикологические разыскания становятся основным инструментом в исследованиях дописменной духовной культуры. В современной отечественной традиции это прежде всего работы этнолингвистической школы Н. И. Толстого (см.: Толстой 1982, Этнолингвистический словарь 1984; Толстой, Толстая 1988).

О доле безэквивалентной лексики в национальном словаре можно судить по таким данным: русские безэквивалентные слова и обороты (*сельсовет, воскресник, гармошка, народоволец, бить челом, толстый журнал* и т.п.) составляют 6 — 7% от общеупотребительной русской лексики (Верещагин, Костомаров 1976, 83); англо-русский лингвострановедческий словарь "Великобритания" (см. Великобритания 1978), далеко не исчерпывающий справочник, толкует 9500 слов и словосочетаний (правда, включая и некоторые знаменитые топонимы).

Национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии серий специфических слов, но и в отсутствии слов для значений, выраженных в других языках. Такие "пробелы", "белые пятна на семантической карте языка", называют лакунами* (Степанов, 1965, 120). Как и безэквивалентные слова, лакуны заметны только при сопоставлении языков. Причины лакун различны. В одних случаях лакуны обусловлены различием соответствующих культур. Например, в английском языке, кроме слова *lawyer* — 'юрист, адвокат', есть еще несколько обозначений разновидностей адвокатской профессии: *attorney* 'уполномоченный, поверенный', *barrister* 'адвокат, имеющий право выступать в высших судах', *solicitor* 'стряпчий (консультирует клиентов, в том числе организации и фирмы; подготавливает дела для барристера; имеет право выступать в низших судах)', *counsel* 'юрисконсульт', *counsellor* 'советник', *advocate* 'адвокат высшего ранга' (Великобритания, 1978). В русском языке этим обозначениям соответствует одно слово — *адвокат* (Национально-культурная специфика, 1977, 146). В других случаях лакуна обусловлена не отсутствием в одном из языков соответствующего денотата**, а тем, что языку как бы не важно различать то, что другой язык различает. Например, двум русским словам *девочка* и *девушка* соответствует одно английское *girl*; напротив, двум английским *bank* 'берег реки' и *shore* 'берег моря' соответствует одно русское *берег* (Примеры В. И. Жельвиса, см.: Национально-культурная специфика, 1977, 145 — 146).

Денотативные различия лексических соответствий. В различных культурах даже одни и те же явления в чем-то своеобразны. Например, городской автобус может вызывать разный круг представлений, в одной стране — это талон, компостер, контролер, билет, проездной билет; в другой — жетон, кондуктор; в третьей — касса-автомат, разменный автомат; где-то еще — дорогие (дешевые) места, льготный, сезонный, детский (взрослый) билет. В лингвострановедении смысловые различия эквивалентных слов, обусловленные различиями в реалиях, называют лексическим фоном слова (Верещагин, Костомаров

* Лакуна (лат. *lacuna* — углубление, впадина, полость) — пробел, пропуск, недостающее место в тексте.

** Денотат, или денотативный компонент значения слова (лат. *denotatum* — обозначаемое), — это представление о тех предметах, действиях, признаках, отношениях, которые могут быть названы данным словом. Денотат — это именно представление, а не реалья, поэтому денотат имеется у всех слов, в том числе и таких, как *русалка* или *домовой*. В отличие от денотата, коннотат, или коннотативный компонент (от лат. *connoto* — имею дополнительное значение), характеризует только некоторые слова: это дополнительная эмоционально-оценочная окраска слова — одобрительная (*воин, лапушка, лафа*) или неодобрительная (*вояка, разношерстный, насаждать*).

1976, 70 — 74). Лексический фон — явление пограничное между языком и культурой. Расхождения в лексическом фоне сказываются в различных тематических и синтаксических связях слов и могут вызвать трудности в общении или при обучении языку. Например, изучающий словацкий язык встретится с обширной группой наименований мест, где предоставляются еда, напитки, квартира. Однако только знание бытового уклада Словакии позволит разобраться в различиях, существующих, скажем, между словами *reštaurácia, jedáleň, menza* (здесь подается еда) и словами *krčma, hostinec, vinnáreň, pivnica, bufet, kaviár, espresso, cukráreň* (названия заведений, где подаются только напитки и закуска); ср. также обозначения квартир, различающихся по способу размещения: *nočľáhereň, slobodáreň* — коллективно и *host'ovska izba, svetlica, podnájom, ľudova hospoda* — индивидуально (Бланар 1971).

Различия в лексическом фоне охватывают большую часть словарного запаса языков. Совпадают по фону обычно термины, а в области неспециального словаря полное совпадение лексических фонетических форм — явление редкое. Однако естественно, что чем ближе культура и быт двух народов, тем меньше различий в лексическом фоне соответствующих языков. И наоборот, культурное обособление приводит к лексической дивергенции.

Уже в середине XVIII в. в Лондоне с неудовольствием заметили, что из Нового Света приходят новые слова, нарушающие языковой обычай и вкусы. Американцы же относились к "своим" словам с энтузиазмом и называли их *американизмами* (было еще словечко *yankeesism*). Наиболее полное словарное описание американизмов издано в 1951 г. (Dictionary of Americanisms on Historical Principles. Ed. by Mitford Mathews. — Chicago & Illinois, 1951, vol. I. — XVI, 979 p.; vol. II., pp. 977 — 1946. В 1966 г. вышло сокращенное издание (Americanisms: A Dictionary of Selected Americanisms on Historical Principles. Ed. by Mitford M. Mathews. — Chicago & London, 1966, XI, 304 p.). Широко известны прекрасные лингвострановедческие словари ведущего американского лексикографа Стюарта Флекснера: I Hear America Talking: An Illustrated Treasury of American Words and Phrases. By Stuart Berg Flexner. — New York 1976. — X, 505 p.; Listening to America; an illustrated history of words and phrases from our lively and splendid past. By Stuart Berg Flexner. — New York 1982. — 591 p.*.

Коннотативное своеобразие переводных эквивалентов.

Различия в культурах могут сказаться в том, что в разных языках слова, совпадающие по денотату (с одинаковой предметной отнесенностью), могут различаться коннотативной семантикой (т. е. своими эмоциональными и оценочными оттенками).

Венгерский языковед Ф. Папп писал о различии в ассоциациях, связанных с образом болота в разных языках. Если в венгерском восприятии болото вызывает

* Флекснер издал также "The Dictionary of American Slang", бестселлер "How to Increase Your Word Power", популярный справочник The Family Word Finder".

представление о гнилости, тлении и т. п., то в финском языке болото — нечто "вполне хорошее". Известный финский ученый сравнивал в лекции финский язык с болотом, в котором, как попавшие в болото сучья деревьев, веками сохраняются древние заимствования. Стало быть, для него болото — это нечто вполне "хорошее", с чем можно сравнивать родной язык, т. е. *болото* — не столько место тления, сколько место сохранения" (Фонетика 1971, 368 — 369). В русском языке болото — образ рутины, косности, застоя. Поэтому, например, у Вознесенского болотам, "предательским и рутинным", противопоставлен полет: "Если хочешь полета — учти болота" ("Испытание болотохода").

О межъязыковых различиях в эмоциональной окраске слова интересно говорил узбекский писатель Тимур Пулатов: "*Солнце* по-русски — это совсем не то, что *куёш* по-узбекски, и уж совсем не то, что *офтоб* по-таджикски. В какие отношения — дружелюбные или тягостные — человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под палящими лучами солнца, никогда не скажет ласково-уменьшительно *солнышко*, так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодотворным и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение — всё красивое и желанное он называет *луноликим*, *луноподобным*, да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным" (Литературное обозрение. 1976. № 8. С.109).

Таким образом, лексика прочно связана с культурой народа: 6 — 7% слов безэквивалентны; в силу фоновых различий "не до конца" переводимо большинство слов; идиоматична (непереводима) вся фразеология; заимствованное слово также обычно не вполне эквивалентно по значению своему прототипу в языке-источнике; общие заимствования в разных языках всегда оказываются в той или иной мере "ложными друзьями переводчика"*. А обозначения явлений природы (как солнце или болото) могут обладать разной коннотацией. Вот почему полное овладение языком немислимо без усвоения культуры народа.

С.С.Аверинцев как-то заметил, что в любом языке все лучшие слова непереводимы**. Думается, таких "лучших" слов — большинство, потому что каждое слово приносит в сегодняшнее употребление память о вчерашнем: свои контексты и обстоятельства, свою историю. Только всегда ли мы умеем вслушаться в слово?

Национально-культурные особенности внутренней формы слова. *Внутренняя форма слова* — это тот буквальный смысл, который складывается из значений морфем, образующих слово (т.е. из значений его корня, приставки и суффикса). Например, у слова *летун* внутренняя форма такая: 'тот, кто

* Например, англ. *diction*, восходящее, как и русск. *дикция*, к латинскому источнику, в английском языке означает не только произношение, но и манеру выражения мыслей, стиль, слог (см.: Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика". М., 1969. С. 114).

** Речь шла о русском варианте жестокости и в этой связи — о слове *крутой* (Новый мир. 1988. № 8. С. 233).

лает; у слова *незабудка* — 'та, которая не забывает или не забывается; *желток* — 'нечто желтое'. Внутренняя форма делает значение слова мотивированным, однако эта обусловленность — не полная, потому что внутреннее значение, допустим, слова *вездеход* — 'тот, кто везде ходит', могло бы "подойти" не только вездеходу, но и, например, обозначению туриста, бродяги или особо сложного кросса... А. А. Потебня называл внутренней форму слова его "ближайшим этимологическим значением" (Потебня 1976, 175)*. Ближайшее этимологическое значение создается живыми словообразовательными связями производного слова (например, для слова *девишник* это значение такое: 'предмет, имеющий отношение к деве или девице'). "Дальнейшее этимологическое значение" — это самая ранняя (из доступных для реконструкции) мотивация корня слова; от неспециалистов это значение закрыто временем (ср. *дева* от *dhē(i) — 'сосать, кормить грудью', т. е. дальнейшее этимологическое значение слова *дева* — 'кормящая грудью').

Таким образом, внутренняя форма — это ощущаемый говорящими способ представления значения в слове. В разных языках одно и то же значение, как правило, представлено по-разному. Например, белорусск. *запалка* 'спичка' связано с глаголом *запальваць* 'зажечь'; русское соответствие мотивировано словом *спица* 'деревянный или металлический стержень'; таким образом, по внутренней форме русск. *спичка* ближе к *лучине*, чем к *зажигалке*; нем. *Streichholz* 'спичка' мотивировано *streichen* 'намазывать, красить' и *holz* 'дерево, древесина'; англ. *match* 'спичка' немотивировано, т.е. для современного языкового сознания (английского) это слово лишено внутренней формы (как и любое непроизводное слово в любом языке; исторически англ. *match* восходит к лат. *tuxus* 'фитиль').

А. А. Потебня во внутренней форме слова видел о б р а з слова, поэтому для него "всякое слово с живым представлением [...] есть эмбриональная форма поэзии" (Потебня 1976, 429). По мысли Потебни, слово создается художественным творчеством человека — так же как пословицы, поговорки, песни. Поэтому внутреннюю форму слова он сопоставлял с такими явлениями, как прямое (буквальное) значение в метафоре, аллегории или в пословице, как композиция или сюжет в художественном повествовании. Действительно, внутренняя форма слова для историков народного мировоззрения представляет исключительный

* *Этимология* (греч. *etymologia*, от *étymon* — истина и *lógos* — слово, учение) — раздел языкознания, изучающий происхождение слов. Результаты этимологических разысканий представлены в этимологических словарях. См., например: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*/ Перевод с нем. и дополн. О. Н. Трубачева / 2-е изд. М. 1986 — 1987. Т.1 — 4. *Этимологический словарь славянских языков*/ Под ред О. Н. Трубачева. М. 1974 — 1990. Т.1 — 17 (издание продолжается).

интерес. Благодаря именно этимологии, вскрывающей первичную мотивированность слов, языковедение называют "лопатой истории".

Изучая историю народного восприятия христианства, нельзя пройти мимо того факта, что в русском языке (единственном из всех славянских) обозначение сословия, составлявшего большинство населения, мотивировано названием вероисповедания: *крестьяне* из стар.-слав. КРЕСТИАНИНЪ 'христианин'. В других славянских и неславянских языках Европы соответствующее обозначение мотивировано иначе: белорусск. *сялянін*, укр., болг. *селянин* связано с праслав. **sed* 'сидеть' и **sedlo* 'поселение'; чешск. *rolník* от *role* 'пашня, нива'; польск. **chłop* от праслав. *cholpъ* 'парень, мужик' словенск., србхрв. *kmet* восходит к лат. *comes*, *comitis* 'спутник, попутчик, товарищ', нем. *Bauer* от *bauen* 'возделывать, обрабатывать (поле), разводить, выращивать'; англ. *peasant* связано с лат. *pāgus* 'село, деревня'. Аналогично только в русском языке название седьмого дня недели мотивировано христианской символикой: *воскресение*; в остальных славянских языках это день, свободный от дела (белорусск. *нядзеля*, укр. *неділя* и т. д.). В этом же контексте интересен и такой факт: стар.-слав. ПОГАНЪ — языческий (от лат. *pāgānus* 'сельский; языческий') во всех восточнославянских языках приобрело расширительное и крайне негативное значение 'нечистый, гадкий, скверный', утратив при этом исходное значение. В то же время в польском, чешском и словенском соответствующие слова сохранили значение 'языческий' и не развили оценочного значения. В србхрв. *rogan* имеется два значения: 'языческий' и 'поганный, противный'; болг. *rogan* означает языческий, но есть существительное *поганец* с тем же значением, что и в русском языке.

Межъязыковые различия во внутренней форме лексических соответствий более обычны, чем сходство, поэтому в объяснении нуждаются именно совпадения. Сходство внутренней формы — это либо результат калькирования (например, лат. *impressio*, нем. *Eindruck*, русск. *впечатление*, словенск. *utis*), либо следствие типологической близости процессов называния (например, во многих языках одно из прилагательных со значением 'добрый, чуткий, отзывчивый, искренний' образовано от слова со значением 'сердце' англ. *heartly*, *cordial*, венгер. *szíves*, *szívbeli*, лит. *širdingas*, нем. *herzlich*, русск. *сердечный*, словенск. *prisrčen*, турецк. *yürekli*, франц. *cordial*).

Семантическое развитие словаря, процессы переразложения и опрощения морфемной структуры слов ведут к тому, что внутренняя форма может тускнеть, забываться или вступать в противоречие с лексическим значением слова. Так, *чернила* возможны не только *черные*, как и *белые* — не только *белое*, *подосиновик* находят необязательно *под осиной*, *атомдавно* делим, а *антибиотик* — отнюдь не против жизни. И все же "ближайшее этимологическое значение" внутренней формы живет в семантике производных слов. Это как бы историческая память языка, доступная творящим, след вчерашнего видения предмета, которое оттеняет его сегодняшнее понимание. Соприкасаясь с лексическим значением, внутренняя форма создает своеобразную стереоскопичность словесного представления мира. Важно, что ассоциации и смысловые оттенки, создаваемые внутренней формой слова, обладают большим национально-культурным своеобразием, чем денотативный компонент лексических значений.

Вот одна из множества ситуаций, когда эта стереоскопичность видения особенно ощутима: "В лукошке была у меня кровавая ягода костяника, синяя черника, черная смородина" (М. Пришвин). Здесь все определения немножко "спорят" с внутренней формой существительных и вместе с тем принимают ее: костяника, из-за светящейся внутри косточки, действительно ало-красная, а черника рядом со смородиной действительно синяя... И все же так их называл народ, и для говорящих на этом языке костяника всегда будет с косточкой, черника — черной, а смородина — по-особому душистой.

Своеобразие нормативно-стилистического уклада разных языков. Воздействие культуры на язык ярко и целюно проявляется в том, в каких формах существования представлен тот или иной язык (о формах существования языка см. с. 30 — 33). Есть языки, где почти отсутствуют диалекты, и, напротив, — языки, где различия между диалектами очень значительны. Есть языки, в которых еще не сложились наддиалектные формы общения (койне или литературный язык), и языки с сильной многовековой книжно-письменной традицией наддиалектного характера. В молодых литературных языках стилистическая дифференциация может только начинаться: в этом случае, например, в стилистике преобладает противопоставление нейтральных и разговорных языковых средств; публицистика может оказаться близкой то к разговорной речи, то к канцелярско-деловой; научные, научно-популярные и учебные тексты еще пишутся практически в одном стилистическом ключе... Напротив, в языках с продолжительной и богатой письменной традицией стилистическая дифференциация языковых средств глубока и определена: преобладают тройственные противопоставления: "книжное (или высокое)" — "нейтральное" — "разговорное" (последнее — с хорошо чувствуемой говорящими градацией нейтрально-разговорных, разговорно-фамильярных и просторечно-жаргонных речевых средств)...

Взаимоотношения между литературным языком и нелитературными формами существования языка, глубина и характер стилистической дифференциации языковых средств определяются всем ходом культурной истории общества: историей его письменности, книгоиздания, школы, литературы, государства, мировоззрения, его культурно-идеологическими симпатиями и отталкиваниями в межэтнических контактах (см. с. 39 — 48).

Влияние культуры народа на характер нормативно-стилистического уклада языка носит более опосредованный, но и более глубокий характер, чем влияние культуры на словарь. Если словарь — это зеркало культуры, то нормативно-стилистическая

система — ее рентгеновский снимок. Лексика денотативна, за ней стоит мир вещей и представлений, это сравнительно внешнее, поверхностное отображение культурной мозаики общества. Стилистика же релятивна*, она регулирует функциональное распределение языковых средств в текстах в соответствии со сложившейся в культуре иерархией типов общения; это языковое отображение структурных особенностей культуры.

Национально-культурная специфика речевого поведения. Воздействие культуры на язык проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах, что сказывается в некоторых особенностях лексики и грамматики, а также в особенностях нормативно-стилистического уклада языка. В каждой культуре поведение людей регулируется сложившимися представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях: как ведет себя пешеход, пассажир, врач, пациент, гость, хозяин, продавец, покупатель, официант, клиент и т. д. В социальной психологии такие модели, или шаблоны, поведения называют социальными ролями личности. Естественно, что социальные роли в разной степени стандартны: высокой стандартностью обладают ситуативные роли (пешеход, кинозритель, клиент парикмахерской и т. п.); гораздо менее стандартны постоянные роли, связанные с полом, возрастом, профессией человека.

Существенным компонентом ролевого поведения является речь. Каждой социальной роли соответствует определенный тип речевого поведения, свой набор языковых средств. Речевое поведение человека в той или иной роли определено культурными традициями общества. У разных народов общение в "одноименных" ситуациях (например, разговор мужа с женой, отца с сыном, учителя и ученика, хозяина и гостя, начальника и подчиненного и т. п.) протекает в разной стилистической тональности. В одних культурах разговор детей и родителей характеризуется сильным стилистическим контрастом (специальные формы почтения, показатели покорности, обращение к родителям типа "на вы" и т. п.); у других народов это общение в большей мере "на равных". В традиционных восточных культурах обращение жены к мужу — это обращение младшего, подчиненного, зависимого к старшему, к господину. Во многих культурах с распространением

* Релятивный (лат. *relativus* — относительный) — основанный на отношениях; стилистические различия возникают из взаимоотношений языковых средств, их взаимных противопоставлений на фоне денотативной общности (ср. русск. *рукоплескать* — *аплодировать* — *хлопать*; *автомобиль* — *машина* — *"Жигуль"* — *тачка*; *лик* — *лицо* — *физиономия* и т. п.).

и демократизацией образования сокращается былая речевая субординация в общении учителя и ученика.

Разнообразны модели речевого поведения гостя и хозяина. У североамериканских индейцев вполне обычен невербальный контакт: можно прийти к соседу, молча покурить полчаса и уйти; это тоже общение. В европейских культурах фатическое общение (см. с. 19 — 20) обычно заполнено речью, создающей хотя бы видимость обмена информацией. Ср. ритуал визита в русском дворянском быту начала XIX в. в описании Л.Толстого: "Уж так давно... Графиня... Боле́на была бедняжка... на бале Разумовских... графиня Апраксина... я так была рада", — слышались оживленные женские голоса, перебивая один другого и сливаясь с шумом платьев и придвиганием стульев. Начался тот разговор, который затевают ровно настолько, чтобы при первой паузе встать, зашуметь платьями, проговорить: "Очень, очень рада... здоровье мамá... Графиня Апраксина" — и опять, зашумев платьями, пройти в переднюю, надеть шубу или плащ и уехать" ("Война и мир", т. 1, ч. 1, 7).

Культурные традиции определяют разрешенные и запрещенные темы разговора, а также его темп, громкость, остроту. Вспомним "равномерную, приличную говорильную машину" салона фрейлины Анны Павловны Шерер в "Войне и мире"; живая и горячая речь Пьера оказалась здесь не ко двору. В феодальных и восточных культурах речевое поведение гостя и хозяина более сложно, формально и ритуализованно, чем в послефеодальных и западных культурах. Вот как описывает современный китайский автор церемонию первого визита в Древнем Китае: "Гость должен был обязательно принести хозяину подарок, причем последний зависел от ранга хозяина (например, *шидайфу* 'ученому' следовало приносить фазана). На стук гостя к воротам выходил слуга и, узнав о цели визита, говорил: 'Мой хозяин не смеет Вас принять. Поезжайте домой. Мой хозяин сам навестит Вас'. Произнося эту фразу, слуга должен был кланяться и держать руки перед грудью. Посетитель, тоже держа руки перед собой и наклонив голову вперед, должен был отвечать: 'Я не смею затруднять Вашего хозяина. Разрешите мне зайти поклониться ему'. Слуга должен был отвечать следующим образом: 'Это — слишком высокая честь для моего хозяина. Возвращайтесь домой. Мой хозяин немедленно приедет к Вам'. Первый отказ принять гостя носил название 'церемониальной речи', второй — 'настойчивой речи'. После 'настойчивой речи' гость должен был вновь повторить свои намерения. Слуга, выслушав гостя в третий раз, шел к хозяину и, вернувшись, говорил: 'Если Вы не принимаете наш настойчивый отказ, мой хозяин сейчас выйдет встретиться с Вами. Но подарок хозяин не смеет принять'. Тогда гость должен был три раза отказаться от встречи с хозяином, если его подарок не будет принят. Только после этого хозяин выходил за ворота и встречал гостя" (Национально-культурная специфика 1977, 338 — 339).

Таким образом, национально-культурная специфика речевого поведения сказывается в том, что стилистические средства, имеющие "одноименную" стилистическую маркированность (отмеченность), в разных культурах могут быть связаны с нетождественными коммуникативными ситуациями, с различными стереотипами поведения.

Национальное своеобразие речевого поведения может затрагивать не только стилистику, но и некоторые более глубокие области языка — его грамматику и высокочастотную лексику. Например, в корейском языке категория вежливости насчитывает семь ступеней: 1)почтительная, 2)уважительная, 3)форма вежливости, характерная для женской речи, 4)учтивая, 5)интимная, 6)фамильярная, 7)покровительственная. Для каждой формы вежливо-

сти характерен свой набор грамматических, словообразовательных, лексических показателей. Существуют также грамматические и лексические синонимы, основное различие между которыми состоит в том, что они сигнализируют разную степень вежливости. Синонимия такого рода наблюдается в кругу местоимений, некоторых падежных окончаний, глагольных суффиксов, а также в выражении нескольких десятков таких повседневных понятий, как "мать", "отец", "жена", "семья", "дети", "дом", "жизнь", "прийти", "смотреть", "давать", "заботиться", "находиться", "рассказывать", "любовь", "бумага" и т.п. (Национально-культурная специфика 1977, 308 — 310).

Воздействует ли язык на культуру? Идеи В. Гумбольдта и А. А. Потебни. Если воздействие культуры на язык вполне очевидно и разнообразно, то вопрос об обратном воздействии — языка на культуру — остается открытым.

Лучшие умы XIX в. понимали язык как духовную силу, которая формирует культуру народа. Однако как увидеть влияние языка на мировосприятие и культуру? В науках о человеке еще не найдены подходы, которые позволили бы открыть наиболее глубокие и внутренние истоки человеческой культуры. Например, мы не вполне отдаем себе отчет в том, насколько тот культурный мир, который человек создал вокруг себя, определен его физическими и психическими возможностями, например человеческими — антропоморфными — представлениями о том, что такое "большой", "малый", "соразмерный", "симметричный", "красивый". По-видимому, антропоцентризм человеческой культуры будет вполне понят лишь при встрече с цивилизациями, созданными на ином телесном и психофизиологическом субстрате... При всем остром интересе современного человека к фольклору, мифу, мы все еще недостаточно представляем меру присутствия и участия фольклора в современной культуре. Во многом аналогичную роль играет в культуре язык. Взгляд на мир, запечатленный в языке, развертывается в культуре народа, как зерно в колосе. Однако в сравнении с фольклором язык выступает как еще более древнее, более глубокое и органическое для этноса содержание. Поэтому так трудно определить роль языка в истории культуры.

Историко-биографический экскурс. Вильгельм фон Гумбольдт (1767 — 1835): философия языка и культура.

Вера в определяющее воздействие языка на духовное развитие народа лежала в основе философии языка Вильгельма фон Гумбольдта. "Один из величайших людей Германии" (В. Томсен), выдающийся представитель немецкого классического гуманизма, Гумбольдт был человеком универсальных знаний и разносторонней государственной деятельности: филолог-классик, основоположник общего языкознания, антрополог, юрист, философ — и дипломат, министр в правительстве Пруссии, академик Берлинской

академии, основатель Берлинского университета*. Глубочайший мыслитель-теоретик, Гумбольдт был вместе с тем выдающимся полиглотом: он знал санскрит, древнегреческий, латынь, литовский, французский, английский, итальянский, испанский, баскский, провансальский, венгерский, чешский, древнеегипетский и поздний египетский — коптский язык, китайский, японский. Гумбольдт был одним из первых исследователей коренных языков Южной и Северной Америки, языков Индонезии и Полинезии. Изучая язык испанских басков, резко отличный от языков индоевропейской семьи, Гумбольдт пришел к мысли о том, что разные языки — это не просто разные оболочки общечеловеческого сознания, но различные в *и д е н и я* мира; язык относится к тем "основным силам", которые строят всемирную историю. Последний труд Гумбольдта — трехтомное исследование "О языке кави на острове Ява" — был напечатан посмертно. В теоретическом введении к этой работе, которое называлось "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества", Гумбольдт писал: "В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне [...]. И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка" (Гумбольдт [1830 — 1835] 1984, 80).

Историко-биографический экскурс. Александр Афанасьевич Потебня (1835 — 1891): о "нравственной болезни" денационализации.

Жизнь харьковского профессора Потебни прошла в трудах и с верой в необходимость для народа просветительского труда. Его опыт жизни в Империи был горьким. Его брат — офицер русской армии Андрей Потебня перешел на сторону польских повстанцев и погиб в бою за свободу. Потебня вырос на украинской народной поэзии, и лучшее, первое, "красное слово" для него — это украинское фольклорное слово, но ни одной строчки членкорреспондент Императорской Академии Потебня не мог напечатать на родном языке**.

В русле европейской философии языка, основанной на идеях Гумбольдта, Потебня развивал концепции психологического направления в языкознании. Крупнейший в XIX в. отечественный филолог-мыслитель, по отношению к XX в. Потебня предстает как самая влиятельная фигура дореволюционного литературоведения в России. С его именем связано начало "лингвистической поэтики", что позволяет видеть в нем предтечу структурализма в литературоведении. Вместе с Бодуэном де Куртенэ и Щербой Потебня был предшественником теории речевой деятельности. Его фундаменталь*

* Университет в Берлине носит имя Вильгельма фон Гумбольдта и его брата Александра, выдающегося естествоиспытателя, географа и путешественника. Перед университетом открыт памятник его основателю.

** Перевод на украинский язык "Одиссеи" (1208 стихов) был опубликован учениками Потебни после его смерти (см.: Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905).

ный труд "Из записок по русской грамматике" до сих пор остается во многом недостижимой вершиной языковедческого анализа.

Потебня, по словам Ватрослава Ягича (академика Венской и Российской академий), "сохранял прекрасную научную объективность" и в вопросах диалектного членения, чреватых политическими разногласиями, был "самым трезвым исследователем малорусским" (Ягич 1910, 761, 895). И об этом же предмете — о судьбах диалектов и племен, языков и народов — Потебней написаны самые страстные страницы. О трагедии денационализации он говорил так: "Вообще денационализация сводится на дурное воспитание, на нравственную болезнь: на неполное пользование наличными средствами восприятия, усвоения, воздействия, на ослабление энергии мысли; на мерзость запустения на месте вытесненных, но ничем не замененных форм сознания; на ослабление связи подрастающих поколений со взрослыми, заменяемой лишь слабою связью с чужими; на дезорганизацию общества, безнравственность, оподление" (Потебня [1880] 1976, 231).

Потебня находил органическое участие национального (этнического) языка не только в формировании народного мировосприятия, но и в самом развертывании мысли: "Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение ее влияет лишь посредственно. Это усилие может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, перевозящий поезд на другие рельсы... Мне кажется, это можно наблюдать в некоторых западно-русских грамотах, в коих, смотря по содержанию речи, выбивается наверх то польская, то малорусская, то церковнославянская струя. Это же явление составляет реальное основание ломоносовского деления слога на возвышенный, средний и низкий" (Потебня 1976, 260).

В болезненных для России и Австро-Венгрии спорах о судьбах "малых народов", осуждая ассимиляцию, Потебня подчеркивал общечеловеческую ценность каждого этнического языка — в качестве еще одной, запечатленной именно в этом языке, картины мира: "Если бы объединение человечества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы губительно для общечеловеческой мысли, как замена многих чувств одним, хотя бы это одно было не осязанием, а зрением. Для существования человека нужны другие люди; для народности — другие народности" (Потебня [1880] 1976, 229).

Гипотеза "лингвистической относительности" Э. Сепира и Б. Уорфа. Убеждение в том, что люди видят мир по-разному — сквозь призму своего родного языка, лежит в основе теории "лингвистической относительности" Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа. Они стремились доказать, что различия между "среднеевропейской" (западной) культурой и иными культурными мирами (в частности, культурой североамериканских индейцев) обусловлены различиями в языках.

Например, в европейских языках некоторое количество вещества невозможно назвать одним словом — нужна двучленная конструкция, где одно слово указывает на количество (форму, вместительность), а второе — на само вещество (содержание): *стакан воды, ведро воды, лужа воды*. Уорф считает, что в данном случае сам

язык заставляет говорящих различать форму и содержание, таким образом навязывая им особое видение мира. По Уорфу, это обусловило такую характерную для западной культуры категорию, как противопоставление формы и содержания. В отличие от "среднеевропейского стандарта", в языке индейцев хопи названия вещества являются вместе с тем и названиями сосудов, вместилищ различных форм, в которых эти вещества пребывают; таким образом, двучленной конструкции европейских языков здесь соответствует однословное обозначение. С этим связана неактуальность противопоставления "форма — содержание" в культуре хопи. Уорфф, далее, находил связь между тем, как передается объективное время в системах глагольных времен в европейских языках, и такими чертами европейской культуры, как датировка, календари, летописи, хроники, дневники, часы, а также исчисление зарплаты по затраченному времени, физические представления о времени. Очевидность ньютоновских понятий пространства, времени, материи Уорфф объяснял тем, что они д а н ы "среднеевропейской" культурой и языком (Новое в лингвистике. Вып.1, 1960, 135 — 168).

Однако доказать вполне эту "удивительно красивую" гипотезу, как писал о теории лингвистической относительности Ю. Д. Апре-
сян, трудно. Об экспериментальном подходе к гипотезе см. ниже.

Экспериментальные проверки лингвистического детерминизма*. В поисках доказательств гипотезы Сепира — Уорфа часто пишут о различиях между языками в членении цветового континуума: в одних языках есть семь основных (однословных) названий цветов радуги (например, русский, белорусский), в других — шесть (английский, немецкий), где-то — пять, в языке шона (Родезия) — четыре, в языке басса (Либерия) — два. Сравнить эти членения спектра можно так:

русск.	красный	оранже- вый	желтый	зеленый	голубой	синий	фиолето- вый
англ.	red	orange	yellow	green	blue		purple
шона	cipswuka		cicena		citema		guvina
басса	zitza			hui			

В одном из экспериментов испытуемым, говорящим на шона, и носителям английского языка предлагалось подбирать названия для различно окрашенных полосок бумаги. Выяснилось, что цвета, имеющие в родном языке однословные обозначения, воспринимаются испытуемыми как "чистые", и названия для них отыскиваются быстрее, чем для цветов, переходных между "чистыми" красками. Так, для желто-зеленой зоны спектра говорящие на шона подыскивали нужное обозначение (*cicena*) быстрее, чем говорящие на английском, которые были вынуждены составить сложное обозначение — *yellow-green*.

Однако считать такие результаты доказательством зависимости познавательных процессов от лексической структуры языка все же трудно. В лучшем случае

* *Детерминизм* (от лат. *determino* — определяю) — признание причинной обусловленности всех явлений; согласно лингвистическому детерминизму, язык определяет (детерминирует) структуру мышления и способ познания мира.

такие опыты интерпретируют как подтверждение "слабого варианта" гипотезы Сепира — Уорфа: "носителям одних языков л е г ч е говорить и думать об определенных вещах потому, что сам язык облегчает им эту задачу" (Слобин, Грин 1976, 203 — 204). Однако в других экспериментах с цветообозначениями даже и такие зависимости не подтверждались. Психологи приходили к выводу, что в познавательных процессах в отношениях между языком и мыслительной деятельностью р е ш а ю щ е й промежуточной переменной является активность познающего человека (Коул, Скрибнер 1977, 65).

Высказывались предположения, что зависимость мышления от языка может быть обнаружена скорее в грамматике, чем в лексике, поскольку грамматика — это сфера о б я з а т е л ь н ы х значений, "принудительно" и достаточно рано известных всем говорящим (на данном языке).

В языке навахо (Северная Америка) глаголы, обозначающие разные виды манипуляции (брать, 'держать в руках', 'передавать', 'перекладывать', 'перебирать руками' и т. п.), по-разному спрягаются в зависимости от формы объекта действия. Допустим, говорящий просит передать ему какой-то предмет. Если это гибкий и длинный предмет, например кусок веревки, то глагол должен быть в форме А; если предмет длинный и твердый, например палка, то глагол ставится в форму В; а если предмет плоский и гибкий, вроде ткани или бумаги, то нужна форма С. Это интересное грамматическое различие привело исследователей к предположению, что дети навахо должны научиться различать признаки "формы" предмета раньше, чем дети, говорящие на английском*.

В эксперименте детям предъявлялись тройки предметов разного цвета или формы, и ребенок должен был выбрать из этих трех предметов два наиболее, по его мнению, "подходящих" друг другу. Вот некоторые из таких троек: 1) синяя веревка, желтая веревка, синяя палочка; 2) желтая палочка, синяя палочка, синий кубик; 3) желтый кубик, желтая ткань, синий кубик и т. д. Дети, говорящие на навахо, группировали предметы по форме чаще, чем дети, говорящие на английском. По-видимому, это позволяет признать какое-то влияние языка на развитие познавательных процессов. Однако и в группе навахо, и в английской группе с возрастом наблюдалось увеличение перцептивной значимости формы по сравнению с цветом. Если же в занятиях и играх детей постоянно использовались игрушки или предметы, предполагающие учет их формы, то умение различать форму складывалось достаточно рано и независимо от языка. Исследователи приходят к выводу, что "язык — это лишь о д и н из нескольких путей, которыми ребенок может постигнуть определенные свойства мира" (Слобин, Грин 1976, 214).

В экспериментах гипотеза Сепира — Уорфа теряет свою обобщенно-философскую внушительность. Речь идет уже не о разных картинах мира, увиденных сквозь призму разных языков, а об участии языка в процессах восприятия, запоминания, воспроизведения. Остается не ясным, как результаты таких частных исследований соотнести с гипотезой Сепира — Уорфа в целом (подробно см.: Фрумкина 1980, 198 — 204). Тем не менее вопрос о степени и характере влияния языка народа на его культуру продолжает волновать человеческий ум. Высокий уровень содержательности языка, участие языка в основных познавательных процессах, тесная связь языка и различных форм общественного сознания (связь, которая в отдельных случаях

* Между тем, по данным возрастной психологии, ребенок прежде всего начинает различать предметы по размеру и цвету и значительно позже — по форме.

кажется совершенным сплавом, как, например, в искусстве слова) — вот объективная основа этих непрекращающихся поисков.

В поисках лингвокультурных соответствий. Современная лингвистика, обращаясь к проблеме "язык и культура", стремится уйти от одностороннего детерминизма и не решать, "что первично и что вторично" — язык или культура. Детерминизм языка и культуры скорее всего взаимный. По-видимому, надежнее искать те или иные корреляции (соответствия) между структурами языка и культуры, причем на широком географическом и историческом пространстве. В русле таких поисков Б. М. Гаспаров предложил понятие "лингвокультурного типа", который может быть выявлен на пересечении фактов социальной структуры, бытового поведения, искусства и особенностей языка (Гаспаров 1977).

В духе терминологии Уорфа два таких типа названы автором *западноевропейский стандарт* (ЗЕС) и *восточноевропейский стандарт* (ВЕС). Языки ЗЕС определяются Гаспаровым как "реляционные"; для них характерна четкая граница между грамматикой и лексикой и более абстрактное представление информации в высказывании. Языки ВЕС (в том числе русский) — это языки "дескриптивные" (описательные); здесь грамматика ближе к лексике; обилие промежуточных лексико-грамматических категорий способствует более конкретной передаче информации (ср. изобразительность славянского глагольного вида). По Гаспарову, особенности ВЕС согласуются с его срединным положением между восточным (азиатским) и западным лингвокультурными типами. Для культур западного типа характерны легкость овладения письмом, доступность восприятия любых текстов и создания новых текстов. Это связано с тем, что строй западных языков хорошо приспособлен к абстрактному типу передачи сообщения, для которого несуществен контакт говорящего с адресатом. Грамматика здесь как бы моделирует ситуацию и а п и с а н и я текста. Речь строится таким образом, чтобы ее можно было понять без опоры на конкретную, непосредственно воспринимаемую ситуацию общения, она не ориентирована на конкретного адресата. Абстрактный характер передачи сообщения выражается в том, что в таких языках ослаблены грамматические категории социальной ориентации (например, категория вежливости), категории глагольного вида и способа действия. Зато грамматически развиты категории, указывающие на внешние (временные, пространственные) координаты сообщаемого события (категории времени, лица). Восточноазиатскому ("традициональному") типу культуры, для которого характерно ограниченное распространение письменности, соответствует строй языка, в котором каждое предложение содержит грамматическую характеристику ситуации у с т н о г о общения, где важны все слагаемые коммуникативного акта: характер контакта говорящих, их социальный статус и взаимоотношения, конкретные детали протекания действия, модальный план и актуальное членение предложения.

Зависимость между определенными чертами структуры языка и характером письменной культуры Гаспаров видит так: обилие звуковых чередований в морфемах (типа *друг — друзья — дружеский*) облегчает вычленение фонем, а это способствует раннему созданию буквенного письма, которое в силу своей простоты (в сравнении с иероглифическим письмом) приводит к широкому распространению письменной культуры (Гаспаров 1978, Гаспаров 1979).

Так ли это на самом деле? Гипотезы о влиянии языка на культуру и мышление пока не перерастают в доказательные теории. Феномен культуры сложен. До сих пор не ясна его структура, значимость отдельных уровней и подсистем культуры. Не создана типология культур, не поняты законы их развития. Например, мы не знаем, сколько разных слагаемых обусловили в определенной культуре появление письма. Как сравнить силу тех разных факторов, которые сформировали данный облик конкретной письменной культуры? Что здесь весомее: преобладающие типы синтаксического устройства предложения? Или характер звуковой организации языка? Или культ письма в соседнем государстве? А может быть, состав и характер знаковых систем, уже используемых в данном обществе? Все значимо, но в какой мере и как?

Вопрос о влиянии языка на культуру открыт. Но у нас нет иной возможности найти ответ, как строить гипотезы и проверять их фактами культурной и языковой истории народов.

ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ

Народы и религии на карте мира в прошлом и настоящем. Религия и язык входят в число тех факторов, которые определяют менталитет народа (т. е. своеобразие его психического склада, мировосприятия, поведения)*. Естественно, язык и религия в разной мере и по-разному определяют этническое своеобразие; различна также их роль в судьбах разных народов и в судьбе одного народа на разных этапах его истории. На с. 90 — 91 будет показано, что язык не является обязательным признаком этноса: существуют этносы, говорящие на нескольких языках, и языки, которые используются несколькими народами. Соотношение этнических и религиозно-конфессиональных** общностей людей еще дальше от простого соответствия "один народ — одна религия". При этом соотношение языковых, этнических, конфессиональных и государственных границ между социумами различно в разные исторические эпохи.

В первобытную пору, на ранних стадиях развития религии, когда преобладают племенные, преимущественно языческие верования, границы этноса и религиозной общности совпадают.

В древнем мире и в средние века, по мере становления государственных образований и распространения письменности, формируются новые сложные религиозные культы надэтнического характера: индуизм, буддизм (и ламаизм как его тибето-монгольская ветвь), зороастризм, христианство, ислам. Постепенно складываются монотеистические культурно-религиозные миры, выходящие за пределы этнических и государственных объединений: индуистско-буддийский мир Южной Азии, конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока, зороастризм на Ближнем и Среднем Востоке, христианство, ислам. География мировых религий определялась распространением вероисповедных текстов на культовом надэтническом языке. У индусских народностей

* Наряду с такими факторами, как природные условия (рельеф, климат, обширность земель); хозяйственно-бытовой уклад; фольклор, письменно-литературные традиции, невербальные искусства; мораль и право; политическая история народа, его взаимоотношения с другими народами.

** *Конфессия* (лат. *confessio* — признание, исповедание) — вероисповедание; религиозное объединение верующих, имеющее свое вероучение, культ, церковную организацию.

таким языком был санскрит (язык Вед); у китайцев, японцев, корейцев — вэньянь (язык сочинений Конфуция) и письменнo-литературный тибетский; у народов, исповедовавших в древности и раннем средневековье зороастризм, — авестийский язык*; у мусульман (арабов, тюрок, иранских народов) — письменнo-литературный арабский язык (язык Корана) и классический персидский; у христианских народов Европы — греческий и латынь, при этом у православных славян и румын — церковнославянский язык.

В средние века именно культурно-религиозные миры определяют карту мира. Каждый такой мир включает множество этносов, объединенных одной религией и общим, надэтническим, языком своего вероучения. В те времена конфессиональные различия между группами населения обладали большей значимостью, чем различия этнические, языковые или государственные. Не случайно большинству войн (в том числе гражданских и династических) приписывали религиозный характер — достаточно вспомнить о крестовых походах и газавате.

В новое время большинство народов сохраняет традиционную для своей истории религиозную ориентацию — в качестве одного из самых глубоких духовных и культурных измерений общества и человека. Вместе с тем с развитием опытного знания и рационализма религия перестает быть господствующей формой общественного сознания, усиливаются процессы секуляризации**. После Великой французской революции 1789 — 1794 гг. и особенно в XX в. в разных странах Европы и США растет обособление церковной и светской жизни: происходит отделение церкви от государства и школы; свобода вероисповедания включается в число конституционных прав гражданина; за разными конфессиями признается равный юридический статус; распространяется веротерпимость и религиозный плюрализм. В Европе и Америке сейчас нет государств, которые определяли бы себя по конфессиональному признаку (в отличие от Ирана, Мавритании и Пакистана, в официальное название которых включено слово *исламский*). Нет и межгосударственных объединений по религиозному признаку (за исключением Организации исламской конференции, куда входят 43 афро-азиатских государства и Организация освобождения Палестины). Вероисповедание все более становится частным делом человека, как и конфессии — независимыми от государства объединениями верующих. Поэтому вероисповедная принадлежность перестает быть внешней, фор-

* Один из древнеиранских языков, сейчас мертвый. В первой половине I тысячелетия до н.э. на нем были написаны священные книги зороастризма — Авеста.

** *Секуляризация* (от позднелат. *saeculum* — мирской, светский [в противоположность монашескому]) — обмирщение жизни общества и частной жизни человека.

мальной приметой определенного статуса государства или лица. На современной карте мира расселение людей различных вероисповеданий в целом соответствует исторически сложившейся географии религий и не совпадает с границами языков, этносов и государств.

Нации (как современная форма консолидации этноса) наследовали ментальные и культурные традиции своей религии, однако эти традиции носили и носят преимущественно надэтнический характер. Сейчас редки однонациональные религии (такие, как иудаизм евреев, синтоизм японцев или армяно-григорианская церковь Армении). Обычно одну религию исповедуют несколько или множество народов. Таковы прежде всего основные мировые религии (буддизм, христианство, ислам) и некоторые локальные религии, вышедшие за пределы одного этноса (например, индуизм исповедуют не только в Индии, но и в Непале, Шри-Ланке, Индонезии; конфуцианство, кроме Китая, — также в Корее, Таиланде; зороастризм — в Иране и Индии). С другой стороны, в современном мире достаточно обычно сосуществование в рамках нации нескольких конфессий. Так, среди белорусов и украинцев есть православные, католики, униаты, протестанты*; среди венгров — католики, протестанты (кальвинисты и лютеране), православные; в Египте — мусульмане, христиане (католики, протестанты, униаты). В некоторых культурах один человек может исповедовать несколько религиозных учений. Например, в Китае, в зависимости от времени года и суток, характера религиозной настроенности или потребности, верующий обращается то к Конфуцию, то к практике даосизма или буддизма; в японском религиозном сознании уживаются синтоизм и буддизм. Исключительное конфессиональное многообразие характерно для США, где зарегистрировано 260 церквей, в том числе 86 из них насчитывают свыше 50 тыс. последователей (Брук 1986, 115). Конфессиональное единство народа сохраняют испанцы, итальянцы, литовцы, поляки, португальцы, французы, хорваты (в основном католики); датчане, исландцы, норвежцы, шведы (лютеране); греки, болгары, русские, румыны, сербы (в основном православные).

В новое время процессы образования государств направляются преимущественно этнонациональным, а не религиозным фактором.

* В Беларуси нередко ошибочно отождествляют католиков и поляков. Между тем католиками были зачинатели новой белорусской литературы — Винцент Дунин-Марцинкевич, Владислав Сырокомля, Франтишек Богушевич, Янка Лучина, Кастусь Каганец, Янка Купала. В белорусском национальном возрождении начала века, в целом надконфессиональном, преобладали католики. В Западной Беларуси ксендз Адам Станкевич защищал права белорусов в Сейме Польши, активно пропагандировал белорусский язык, в том числе в богослужении. Творчество ксендзов-поэтов составило своеобразное течение в белорусской поэзии 1900 — 1930-х гг. — клерикальный неоромантизм.

Нередко, однако, и сейчас вероисповедание может становиться основой объединения или, напротив, разъединения людей. Например, в Боснии и Герцоговине (сербская по языку республика бывшей Югославии) мусульмане считают себя особым этносом (*боснийцы-муслимане*) именно по конфессиональному признаку. Конфессиональные различия во многом определили конфронтацию 1991 — 1993 гг. хорват (католиков) и сербов (православных); незатухающие столкновения ирландцев (католиков) и англичан (протестантов) в Ольстере; нескольких христианских (арабских) и нескольких мусульманских (также арабских ливанских и палестинских) общин в Бейруте.

Таким образом, в историческую (письменную) эпоху религия не являлась этнообразующим фактором; в современном мире церковно-вероисповедные признаки не определяют демаркационных линий между государствами и народами.

Надэтнический характер религиозного сознания. Религия, в качестве формы общественного сознания, — это система важнейших и часто очень ранних представлений социума о мире, о человеке и обществе, о добре и зле, красоте и правде. На протяжении многих веков религиозные представления господствовали и радикально влияли на все другие проявления общественного сознания и культуры. Поэтому воздействие религии на менталитет народа исключительно глубоко и разнообразно.

Однако поскольку большинство конфессий не является однонациональными церквями, а, с другой стороны, многие нации не являются едиными по конфессиональному признаку, то принадлежность определенного народа к той или иной конфессии не может обусловить его самобытность, непохожесть на другие народы. Особенности культуры народа, обусловленные его вероисповеданием, оказываются в значительной степени общими для всех этносов определенного культурно-религиозного мира. В новое время, как и в прошлом, религиозные традиции не столько разъединяют, сколько объединяют народы в культурные миры.

Что касается самобытности конкретного народа, то она создается соединением всех факторов этнообразования, а главное — неповторимостью исторического пути каждого народа, включая историю его религиозного развития.

Язык, религия и народный менталитет. Религия, как и язык, представляет собой определенную семиотическую систему и, наряду с другими семиотиками (обыденным сознанием, искусствами, науками), образует совокупное общественное сознание народа. Как и любая семиотическая система, религия и язык обладают определенным содержанием, т.е. являются отражениями (моделями) внешнего мира: религия — в системе религиозных

представлений, язык — в системе лексических и грамматических значений. Религия (во всяком случае в эпоху сложения мировых религий) была наиболее значительной формой общественного сознания, его содержательным фундаментом. Язык же на всем историческом пути народа предстает как общедоступная оболочка общественного сознания. В сравнении с религией, язык — это более формальная (менее содержательная) и как бы вспомогательная семиотика. Однако язык в большей мере, чем религия, обязателен для всех членов социума — в качестве элементарного базового пласта сознания каждого человека (члена языкового коллектива).

Таким образом, язык и религия в разной мере связаны с менталитетом народа. Если религиозные представления — это питающий источник или фундамент народного менталитета (хотя в современной культуре это не всегда и не до конца может осознаваться), то роль языка существенно меньше и формальней. Однако, с другой стороны, в то время как религия обычно не является специфически национальной системой воззрений и поэтому в целом меньше связана с внешними проявлениями национальной самобытности, язык, напротив, в качестве первоэлемента таких форм общественного сознания, как фольклор и художественная литература, может восприниматься как факт и фактор, залог и символ этнической самобытности. В таком романтическом отношении говорящих к своему языку бывают серьезные преувеличения, но это возможные пути развития самосознания народа.

Неконвенциональная трактовка знака в религиях Писания. Перед самыми разными конфессиями встает ряд серьезных языковых вопросов, требующих принципиальных решений и особого внимания к языку. Дело в том, что в большинстве религий организующую роль играет идея "Откровения" — самого важного знания, которое Бог открывает людям в качестве ключа к тайнам жизни. Откровения могли мыслиться в виде гаданий, прорицаний, пророчеств оракулов и жрецов, шаманских камланий и т. п. или в виде особых текстов (на скрижалях, в книгах, глиняных табличках), внушенных или продиктованных свыше. Например, Священное Писание христиан (Библия, включая книги Ветхого и Нового Завета) признается "написанным Духом Божиим чрез освященных от Бога людей, называемых пророками и апостолами" (Библейская энциклопедия. М., [1891] 1991. С. 567).

Религии, в которых Откровение мыслится **з а п и с а н н ы м**, религиоведение относит к религиям Писания (в отличие от религий Культа, в которых первенствует почитание божества, а

не уразумение его заповедей; ср. культ Диониса в Древней Греции или культ Перуна у древних славян). К религиям Писания принадлежат индуизм, иудаизм, христианство, ислам, отчасти буддизм и некоторые новые религии Ближнего и Среднего Востока. Книги, содержащие божественное Откровение, признаются священными (сакральными*). Состав священных книг определяется богословами (такие книги называют каноническими**), они образуют главную, самую важную часть конфессиональных текстов той или иной религии.

Книги религиозного канона (Веды в индуизме, Ветхий Завет и Талмуд в иудаизме, Авеста в зороастризме, Библия в христианстве, Коран в исламе) признаются неприкосновенными. Успешность религиозной практики (богоугодность обряда, внимательность Богу молитвы, спасение души верующего и т. п.) ставится в прямую зависимость от правильности сакрального текста; нарушение его подлинности кощунственно и опасно для верующей души.

Религиозное сознание склонно фетишизировать*** священный текст, т.е. верить в его сверхъестественные возможности, почитать как икону или мощи. В терминах семиотики такое отношение к знаку называется *неконвенциональным* (безусловным), т.е. знак трактуется не как условное обозначение некоторого денотата, а как сам денотат или его компонент (о неконвенциональности знака в связи с магией речи см. с. 24 — 26).

С точки зрения психологии неконвенциональная трактовка знака в сакральном тексте предстает как иррациональное и субъективно-пристрастное отношение к слову. Эти черты сближают религиозное и эстетическое сознание. Знаменитый историк В. О. Ключевский так писал об этой близости: "Религиозное мышление или познание есть такой же способ человеческого разумения, отличный от логического или рассудочного, как и понимание художественное: оно только обращено на более возвышенные предметы [...]. Идею, выведенную логически, теорему, доказанную математически, мы понимаем, как бы ни была формулирована та и другая, на каком бы ни было нам знакомом языке и каким угодно понятным стилем или даже только условным знаком. Не так действует религиозное и эстетическое чувство: здесь идея или мотив по закону психологической ассоциации органически срastaются с выражающими их текстом, обрядом, образом, ритмом, звуком" (Ключевский 1988, 271).

* *Сакральный* (от лат. *sacer, sacri*) — священный, святой; магический; таинственный.

** От греч. *kanōn* — норма, правило.

*** *Фетишизм* (от франц. *fetich* — идол, талисман) — культ неодушевленных предметов — фетишей, наделенных, по представлениям верующих, сверхъестественными свойствами. Элементы фетишизма в современных религиях — поклонение кресту, мощам, иконам (в христианстве), Черному камню в Мекке (у мусульман).

Вот характерный пример того, как люди средневековья могли воспринять исправление в ответственном конфессиональном тексте. В православном Символе веры читались такие слова: *Верую [...] в Бога [...] рожденна, а не сотворенна*. При патриархе Никоне (в середине XVII в.) был опущен противительный союз *а*, т. е. стало: *Верую [...] в Бога рожденна, не сотворенна*. Эта правка вызвала острейшее неприятие противников церковных реформ Никона (будущих старообрядцев). Они считали, что устранение союза *а* ведет к еретическому пониманию сущности Христа — как если бы он был *сотворен* (*мыслящее творь быти Сына Божия*). Один из защитников прежней формулы дьякон Федор писал: "И сию литеру а святии отцы Арию еретiku яко копие острое в скверное его сердце воткнули [...] И кто хочет тому безумному Арию еретiku друг быти, той, якоже хочет, отменяет ту литеру а из Символа веры. Аз ниже помыслили того хошу и святых предания не разрушаю" (цит. по изданию: Субботин, т. 6, с. 12). Ср. также оценку этого исправления иноком Авраамием: "Ты же смотри, яко по деиству сатанинину едина литера весь мир убивает". Отчаявшись вернуть прежнее чтение Символа — с союзом *а* (церковнославянское название буквы *а* — "*азѣ*"), старообрядцы грозили никонианам адом: "И за единой *азѣ*, что ныне истребили из Символа, последующим вам быти всем во аде со Ариемь еретиком" (Субботин, т. 7, с. 274).

Подобные факты, вызванные неконвенциональным восприятием знака в сакральном тексте, известны и в истории западноевропейского христианства. Например, в одном латинском сочинении XI — XII вв. употребление слова *Deus* — Бог — во множественном числе расценивалось как кощунственная уступка многобожию, а грамматика — как изобретение дьявола: "Не учили она разве склонять слово Бог во множественном числе?"

Вера в магию священного имени приводила к двум противоположным крайностям: к запретам произносить имя Бога и к его многократным повторениям. Соответствующие факты известны многим религиям. Так, в культе Igbo (Африка) вместо имени Бога звучит оборот, означающий — Тот, чье имя не произносится. Древнесеврейская запись имени Бога — с помощью четырех согласных — была осмыслена греками как "прикровенное" (тайное) выражение святого имени. В латинской раннехристианской традиции пиетическое отношение к имени Бога выразилось в принципе *Nomen Dei non potest litteris explicari* ('имя Бога не может быть выражено буквами'). В церковнославянских текстах с запретами имени Бога связана такая древнейшая идеограмма, как сокращенное написание святых слов под *титлом*: БГ҃Ъ, АГ҃ГЛ҃Ъ, БЛЖН҃Ъ, ОЦ҃Ъ, НБСН҃Ъ, Д҃ША. Что касается повторов, то многократные повторения ключевых слов и формул обычны в обрядах самых разных религий и верований.

Представления о неконвенциональности знака в сакральном тексте создают характерную для религий Писания атмосферу особой, пристрастной чуткости к письменному слову, в том числе иногда применительно и к нецерковным текстам. Известно, например, что подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин в 1660 г. за ошибку в царском титуле был бит батогами (Ключевский 1988, 229).

С неконвенциональным восприятием знака связаны боязнь переводов Писания на другой язык и вообще боязнь любых, даже чисто формальных, вариаций в выражении сакральных смыслов; требования особой точности при воспроизведении (устном или письменном) сакрального текста; отсюда, далее, повышенное внимание к орфоэпии, орфографии и даже каллиграфии. Неконвенциональная трактовка знака в Писании на практике приводила к консервативно-реставрационному подходу к религиозному тексту: исправление богослужебных книг по авторитетным древним спискам, толкование непонятных слов в лексиконах, орфографические правила и грамматики — все основные филологические усилия средневековых книжников были обращены в прошлое, к "святой старине", сохранить и воспроизвести которую они стремились (подробнее см.: Мечковская 1984, 18 — 26; также с. 91 — 94).

Влияние религии (включая религиозное сознание и конфессиональную практику) на языки и языковые ситуации обусловило ряд глубоких лингво-коммуникативных процессов, которые затрагивали как сами условия существования языка, так и его внутренние коммуникативные возможности. Важнейшие из этих процессов таковы: 1) распространение двуязычия культового и народного языков; 2) расширение семантических возможностей языка; 3) усложнение системы жанров письменной коммуникации; 4) углубление рефлексии над языком. Речь обо всех названных процессах пойдет ниже на с. 75 — 83.

Функциональное двуязычие культового и народного языков. Воздействие глубоких монотеистических* религий в условиях, затруднявших переводы Писания на новые языки, привело к сложению обширных культурно-религиозных миров — мира индуизма, мира буддизма, христианства (с последующим разделением на католичество и православие), мира ислама. Религиозные миры были разделены границами распространения "своих" священных книг и тех языков, на которых они написаны: в мире индуизма — это древнеиндийский язык санскрит; у китайцев, японцев, корейцев, вьетнамцев — вэньянь (древнекитайский) и письменно-литературный тибетский; у мусульманских народов — литературный арабский и классический персидский; у христиан — это греческий, латынь, церковнославянский.

* *Монотеизм* (греч. *mónos* — один, единственный, *theós* — бог) — религия, основанная на представлении о едином боге (единобожие), в отличие от политеизма (многобожия).

В соответствующих регионах в средние века складываются ситуации *функционального двуязычия**, для которых было характерно следующее распределение языков: в церкви, образовании, книжно-письменной культуре используется общий для данного культурно-религиозного мира *надэтнический язык* (который осознается прежде всего как язык Писания); в повседневном общении, в некоторых жанрах письменности используются многочисленные местные народные языки и диалекты.

Книжно-литературный язык русского средневековья — церковнославянский — по происхождению относится к южнославянским языкам. Этот язык является развитием того древнеболгарского языка, на который славянские первоучители св. Кирилл и Мефодий перевели в IX в. ряд христианских конфессиональных книг. По отношению к восточнославянским языкам это близкородственный язык, однако не по прямой, а боковой линии (в терминах родства языки "церковнославянский и русский" — как "дядя и племянник"; прямое родство — "отец и дети" — это древнерусский язык по отношению к русскому, украинскому и белорусскому, т.е. язык Киевской Руси и три восточнославянских языка). Церковнославянский, как *надэтнический язык*, на Руси не был ни для кого родным (материнским) языком, ему учились из книг. Однако восточные славяне воспринимали этот язык как "свой" — язык своей церкви, язык православной образованности. Особенно долго такое отношение сохранялось в Московской Руси — до Петровских преобразований. Н.С.Трубецкой объяснял это своеобразием русской истории: "Церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была *славянской*, сколько потому, что была *церковной*" (Трубецкой [1927] 1990, 3, 132 — 134).

Противопоставление культового и народного языков определяло не только главные черты языковых ситуаций во многих землях на протяжении веков, но также и своеобразие новых (народных) литературных языков. Например, история литературного русского языка может быть понята как история противостояния и взаимодействия церковнославянской (южнославянской) и народной (восточнославянской, позже собственно русской) языковых стихий. До сих пор в литературном русском основной стилистической оппозицией остается противопоставление заимствованных церковнославянских и исконных языковых элементов (*извлечь — выволочить, заграждение — загородка* и т. п.).

Конфессиональные факторы в социальной истории языков. Несмотря на то что религии Писания настороженно относятся к переводам канона, такие переводы все же создаются (правда, иногда — только для части канонических текстов или для внебогослужебного чтения). Переводы конфессиональных книг

* *Функциональное, или культурное, двуязычие* противопоставляется *двуязычию этническому*. В ситуации этнического двуязычия использование в одном социуме двух языков связано с соседством и контактом двух народов, говорящих на этих языках. Функциональное двуязычие возможно в ситуации, когда два языка используются одним народом: первый из языков — это этнический язык данного народа, а второй язык — "ничей", надэтнический, и он используется в специальных функциях или особых ситуациях общения (подробно см. с. 101 — 103).

становились крупнейшими событиями в социальной истории многих языков: создавались или существенно преобразовывались алфавиты, резко расширялся словарь, вырабатывались новые синтаксические конструкции, новые виды речи — аллегорической, абстрактно-философской, экспрессивно-метафорической.

Христианизация Европы, рассмотренная в аспекте языка (т. е. как процесс распространения священных книг и богослужения на том или ином языке), шла по двум основным моделям: 1) принятие новой религии в языке, который требует постоянного перевода для массового сознания верующих (как латынь у романских и особенно у германских народов); 2) христианизация в родном (или близком, не требующем перевода) языке: как армянский язык с начала армянской церкви в 301 г.; старославянский язык, благодаря миссии свв. Кирилла и Мефодия 863 г., в славянском богослужении.

Культурные последствия принятия Писания в чужом или в своем языке, по-видимому, должны быть различны. Однако суждения о том, каковы эти последствия, прямо противоположны. Г. Г. Шпет ("Очерк развития русской философии", 1922) и Г. П. Федотов ("Трагедия интеллигенции", 1928) считали дело свв. Кирилла и Мефодия неосторожной ошибкой: перевод Писания заслонил оригинал, устранил неизбежность знания греческого языка (в отличие от Западной Европы, вынужденной знать латынь). Поэтому славянский язык церкви привел к отрыву славянства от классической культуры греческого языка. Противоположного мнения придерживается большинство исследователей. Так, Г. В. Флоровский назвал безответственной гиперболой тезис о том, что Русь получила от Византии "только Библию", всего лишь "одну книгу". Перевод Библии — это всегда "сдвиг и подвиг" в народной судьбе, сам процесс перевода есть одновременно и "становление переводчика", т. е. создание литургии и Библии на славянском языке было процессом выработки новой христианской духовности славян (Флоровский [1937] 1981, 6).

Переводы Писания часто становились материально-языковой базой наддиалектного (общенационального) литературного языка. Например, именно таким объединяющим текстом стали немецкий перевод Нового Завета Мартином Лютером (1522 г.; 72 издания только до 1558 г.); знаменитая шеститомная Кралицкая Библия "чешских братьев" (1579 — 1593); сербскохорватский Новый Завет Вука Караджича (1847). В своих культурах эти тексты не были первыми переводами Писания, однако благодаря авторитету создателей и стилистическому совершенству они служили образцом правильной (литературной) речи, языковым камертоном для грамматик и словарей.

Религиозные предпосылки первых функционально-стилистических оппозиций. Обращение к высшим силам требовало речи, отличной от обиходной, внятной этим силам. Заговор, заклинание, молитва, табу — в своих истоках все это

словесная магия, т. е. стремление воздействовать на мир при помощи трансцендентных возможностей слова. Приписывая такие возможности определенным языковым средствам и вырабатывая формы речи, отличные от повседневного речевого обихода, религиозное сознание увеличивает семиотическую емкость языка и текста.

Иерархия конфессиональных жанров и ее влияние на письменную культуру. В культурах, исповедующих религию Писания, конфессиональные потребности формируют письменность как определенную иерархию текстов — с неодинаковой значимостью разных групп текстов, с разными требованиями к их использованию и распространению, с разной мерой допустимости перевода на другой язык, пересказа или адаптации.

Например, в иудаизме религиозный канон образуют только книги Ветхого Завета (в отличие от христианства, в котором священными признаются и Ветхий и Новый Завет) и Талмуд (свод религиозных трактатов, создававшихся как толкование Ветхого Завета); в Ветхом Завете особо важными признаны первые пять книг (*Пятикнижие Моисеево*, или в иудейской традиции *Тора*). До сих пор в синагоге Тора читается только по тексту, написанному вручную на пергаментном свитке.

У мусульман главная культовая книга — Коран — понимается как несотворенное предвечное Слово Божие, которое Аллах (говорящий в Коране от первого лица) как бы продиктовал пророку Мухаммеду. На следующей ступени в иерархии конфессиональных текстов находятся *хадисы* — предания о поступках и высказываниях Мухаммеда, причем существует шесть главных и множество второстепенных сборников хадисов. Следующие по важности тексты — это древнейшие богословские комментарии к Корану.

Иерархию жанров в православной средневековой книжности можно представить по систематизации Н. И. Толстого (см.: Толстой 1988, 69 — 70).

I. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Литургическая (т. е. используемая в богослужении — служебники, требники, часословы, минеи, октоихи, триоди и т. п.)
2. Каноническая (Священное Писание)
 - 2.1. "Псалтырь" (книга из Ветхого Завета), "Апостол" (книга православной церкви, включающая новозаветные книги Деяний и Посланий апостолов)
 - 2.2. Евангелие, книги Ветхого Завета
3. Гомилетическая, т. е. проповедническая (включая учительные евангелия)
4. Агиографическая (жития святых)
5. Дидактическая (катехизисы)

II. КОНФЕССИОНАЛЬНО-СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Церковно-ораторская
2. Полемическая

III. СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Содержательно-жанровая иерархия текстов стимулирует функциональную дифференциацию языка, вообще всесторонне обостряет внимание говорящих к словесному выражению мысли. Поэтому конфессионально мотивированная иерархия жанров повсеместно была фактором, организующим книжно-письменную культуру.

Конфессиональные потребности как первоисточник филологии. Неконвенциональное восприятие знака религиозным сознанием, вера в то, что "от слова — станется", что только по "правильным" книгам можно "спастись", создает атмосферу постоянного внимания людей к языку. В культурах, исповедующих ту или иную религию Писания, конфессиональные потребности формируют филологическую традицию. Филология в своих истоках была службой консервации сакрального текста: требовалось сохранять и передавать его неизменным (в устной или письменной форме).

Например, ислам до сих пор не допускает в богослужении перевода Корана, и в мечетях всего мира (у арабов, турков, в Иране, Африке, Индии, Средней и Юго-Восточной Азии, США, Канаде) Коран читается только в арабском оригинале, при этом каноничности произнесения придается сакральный (магический) смысл. На протяжении веков дети в мусульманских школах заучивали Коран наизусть. После канонизации Корана (VII в.) его язык (классический арабский) становится все более далеким от живых народных языков, поэтому ритуальному произнесению надо было специально учить. Возникла необходимость тщательного описания звучащей речи. Уже к VIII в. арабские фонетисты добились выдающихся результатов: они в деталях описали работу языка, губ, полости рта и носа в произнесении каждого звука; создали исчерпывающие классификации фонетических изменений; систематизировали варианты звуко-типов (назвав их "ответвлениями"), в чем историки языкознания видят зачатки филологии.

Филологических забот требовала также смысловая сторона Писания. Для однозначного понимания Корана понадобилось создать обширные комментарии и выработать принципы его интерпретации. Так языковые аспекты конфессиональной деятельности обусловили возникновение филологической традиции в арабско-мусульманской культуре.

В христианских книжно-письменных традициях, чтобы обеспечить некоторый уровень понимания текста (впрочем, разный для клириков и мирян), составлялись комментарии к текстам. Реально-исторический ("внешний") комментарий назывался *экзегезой* (греч. *exégētikós* — 'истолковывающий'); комментарии языковые ("внутренние") — толкования непонятных слов и оборотов речи — назывались *герменевтикой* (греч. *herméneutikós* — разъясняющий)*. Вначале толкования непонятных слов делались переписчиками священных книг на полях или между строк; такие пояснения назывались *глоссами* (греч. *glōssa* — язык, наречие). Позже глоссы стали объединять в сборники толкований, *глоссарии*. Постепенно круг толкуемых слов расширялся; их расположение упорядочивалось (по алфавиту или тематически); совершенствовалась техника толкований; в результате из глоссариев вырабатывались словари.

* Слово *герменевтика* иногда связывают с именем древнегреческого бога красноречия и мышления Гермеса, покровителя купцов и странников, передающего смертным вести богов.

В религиях Писания рано была осознана проблема подлинности текста и его сохранности в первоначальном виде. Книжники (в библейском смысле, т. е. 'знатоки и толкователи Писания') видели, что разные списки священных книг различаются между собой: в них есть описки, нечаянные пропуски, искажения, "темные" (непонятные) места; есть исправления и замены, которые иногда не восстанавливают первоначальный вид текста, а уводят от него. Для верующих в Откровение Бога такие потери священных смыслов представляются крайне опасными. Поэтому в религиях Писания возникает профессиональная деятельность, направленная на сохранение сакральных текстов во времени и толкование того, что с течением времени становится непонятным. Это и было началом филологии как общественной "службы понимания" (С. С. Аверинцев).

Уже в III в. н. э. христианский теолог и философ Ориген (живший в Александрии и Палестине) провел систематическое грандиозное сопоставление разных текстов Библии. В шесть параллельных столбцов были внесены тексты на древнееврейском языке, его греческая транслитерация* и четыре разных греческих перевода этого текста. Специальными знаками были последовательно отмечены все пропуски, разночтения и искажения текста. Сопоставление нескольких версий одного текста впоследствии позволило реконструировать текст Библии, максимально близкий к его первоначальному виду.

Филологические идеи Оригена, сама техника его анализа получили широкое и блестящее развитие в европейском гуманизме** в эпоху Возрождения и Реформации. Уже с началом книгопечатания в Европе широко издаются так называемые полиглотты (греч. *polys* — многой, многочисленный и *glotta* — язык) — библейские тексты сразу на нескольких языках, в параллельных колонках, как у Оригена. Например, в 10-томной Парижской полиглотте 1629 — 1645 гг. был напечатан библейский текст на древнееврейском, древнегреческом ("Септуагинта"), латинском ("Вульгата"), сирийском, арабском, самарянском и арамейском языках, а также латинские переводы всех версий.

* Транслитерация (от лат. *trans* — сквозь, через, за и *litera* — буква) — передача текста, записанного с помощью одного алфавита, средствами другого алфавита. Ср. русский текст, транслитерированный в современной немецкой лингвистической работе: *rassypat'sja v komplimentach, razvjazyvat' agressiju*.

** Гуманизм в узком, конкретно-историческом смысле термина (от лат. *studia humanitatis* 'изучение человека, гуманитарные занятия') — это европейское культурное движение XV — XVI вв., которое видело в филологическом изучении греко-римской и христианской античности глубоко этический и важный для современников смысл, путь к взаимному пониманию, терпимости и исправлению нравов (см.: Баткин 1978). По характеристике истории культуры, гуманизм представлял собой "филологию, выступающую в роли идеологии" (Горфункель 1981, 8).

Историко-биографический экскурс: Эразм Роттердамский (1469 — 1536) как филолог.

Властитель дум своей эпохи, признанный глава европейских гуманистов, спустя несколько столетий Эразм Роттердамский известен широкой публике прежде всего как автор остроумных сатирических книг — “Похвала глупости” и “Разговоры запросто”. Однако его подлинное значение более глубоко. Эразм заложил основы нового, гуманистического, богословия, построенного на фундаменте тщательного филологического изучения древнейших источников христианства. Исследованию и изданию Библии, а также сочинений отцов церкви он посвятил многие годы своей жизни.

В 1517 г. Эразм напечатал греческий текст Нового Завета, сопроводив его обширным комментарием и латинским переводом. Для этого издания он сличил десять различных по времени рукописных текстов Нового Завета и обнаружил сотни мелких и крупных неточностей в общепринятом чтении и понимании, затемнявших его первоначальный смысл. Вот только один пример, который приводит в книге об Эразме знаток его творчества С.П. Маркиш:

Греческое слово *metanoieite* переводилось латинским *penitentiam agite*, которое можно было понимать двояко: или как ‘покайтесь (в душе)’ или как ‘творите покаяние (т.е. исполняйте наложенную на вас церковную епитимию)’; официальное богословие принимало именно второй смысл. Эразм предложил более точный латинский перевод греческого слова: как *resipiscite*, т.е. ‘одумайтесь, подумайте по-иному’. “Центр тяжести оказался сдвинут из сферы соборной, церковной, т.е. общественной, в личную; важнейший элемент веры — покаяние — превращался из внешнего, строго регламентированного действия в дело совести каждого. Уже один этот сдвиг сыграл чрезвычайно важную роль в подготовке Реформации” (Маркиш 1981, 123 — 124).

В 1519 г. Эразм издал новый, значительно уточненный латинский перевод Нового Завета. Он подготовил к изданию, частично прокомментировал и издал 9 томов сочинений блаженного Иеронима (создателя первого латинского перевода Библии — “Вульгаты” в 405 г.); трудами Эразма были изданы также некоторые другие важные сочинения ранней патристики. Помимо издания христианских первоисточников и авторитетов, Эразм осуществил тщательно подготовленные издания античных авторов — от Эзопа и Аристотеля до Сенеки и Теренция.

Эразм показал практически — в изданиях древних памятников, — что значит *п о н и м а т ь с л о в о*, сказанное 15 столетий назад. Он стал родоначальником той отрасли филологических исследований, которую называют *критикой текста* или *текстологией*. Текстологический анализ произведения, на основе изучения его истории, источников, обстоятельств создания, стремится очистить текст от наслоившихся за века ошибок переписчиков и издателей, понять первоначальные значения слов и приблизиться к его первоначальному смыслу. Если произведение сохранилось в нескольких списках или вариантах (редакциях), то текстолог, готовя памятник к научному изданию*, исследует взаимоотношения списков и редакций для того, чтобы как можно точнее понять состав текста, первоначальный смысл написанного и последующую историю его изменений (подробно см. классический труд Д. С. Лихачева “Текстология. На материале русской литературы X — XVII веков”. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. — 640 с.).

* Издания такого типа называют *академическими* или *критическими*.

Религиозные истоки первых концепций языка. Наиболее ранние (известные науке) концепции языка были частью религиозной картины мира. Несмотря на мифопоэтическую форму, некоторые из древнейших представлений о языке поразительно созвучны современным.

Например, в Ведах есть сюжет о первичном состязании между молчащим божеством чистого разума и богиней речи; разум побеждает, однако за речь признается роль необходимой опоры творящего разума.

Христианская философия языка утверждала могучую созидательную силу слова: согласно Библии, мир возник через слово: Бог произносил слово и это было актом творения. Библия исходит из предопределенности смешения языков и вместе с тем стремится преодолеть языковые барьеры. Первоначально единый и совершенный (потому что от Бога) язык Адама; затем (Бытие 11) смешение и рассеяние языков в наказание за людское тщеславие во время "творения" "Вавилонского столпа" ('башни'); наконец, "искупление языков" — чудесное "говoreние языками", на Троицу дарованное Св. Духом разноязычным апостолам (Деяния), — таковы главные вехи библейской истории языков.

В Евангелии от Иоанна Слово (греч. *Lógos* — слово, учение) означает второе лицо Троицы — Христа (Сына Божия). В одном из православных сочинений о языке в этой связи говорится: *Слово же в чловеце во образ Сына Божия, понеже Сын Божий имат у себе два рождения, первое родися от Отца неким рождением непостижным [...], второе же родися без страсти истинно плотию [...] Того ради по сугубому рождению Сына Божия и нашего слова сугубое рождение, понеже бо наше слово рождается прежде от душа неким рождением непостижным и пребывает у душа неведомо. И паки рождается вторым рождением плотским, еже есть устнами изыдет и гласом в слышании объявится* (Беседа о учении грамоте; цит. (с графическими упрощениями) по изданию: Ягич 1885 — 1895, 675 — 676). Значит, по мысли писавшего, слово, подобно Христу, "двугубо" — духовно и телесно, и духовная сущность слова непостижима, как непостижимо рождение Христа. В современной теории языка эта мысль выражается в другой терминологии: в языке есть две стороны — значение и форма (вариант терминов: *план содержания и план выражения*); при этом, как в старину рассуждали о непостижном рождении Слова от души, так в современной лингвистике часто пишут об особой трудности изучения семантики.

Несмотря на мифопоэтическую форму, легко видеть, что религиозное сознание поставило основные вопросы философии языка (язык и мысль; форма и содержание в языке; созидющие возможности языка).

Таким образом, в культурах, исповедующих религии Писания, религиозные потребности выступают как фактор, который не только развивает коммуникативные возможности языка, но и стимулирует и углубляет рефлексию над языком. Все это существенно повышает филологическую культуру общества, в конечном счете — филологическое обеспечение коммуникации (и, разумеется, не только в сфере религиозной практики).

Коллизии исторического бытования сакральных текстов. В силу неконвенционального восприятия знака в религиях Писания (см. с. 72 — 75), здесь достаточно рано встают два главных языковых вопроса конфессиональной практики: 1) вопрос о

"правильности" сакрального текста, т. е. вопрос о его аутентичности* "богодухновенному" первоисточнику (см. ниже) и 2) вопрос о переводе или иной адаптации сакрального текста в новой или изменившейся языковой среде (см. с. 85 — 88).

Средние века и новое время существенно по-разному подходят к этим вопросам. Боязнь "уклонения" в ересь из-за чисто грамматической правки или даже орфографической погрешности (см. с. 72 — 75, 84 — 85) постепенно сменяется текстологическими исследованиями и научными изданиями отдельных рукописей. На этой основе осуществлена кодификация корпуса текстов религиозного канона различных вероисповеданий (см. с. 76 — 77).

Отношение к каноническим текстам как к незыблемой святыне вступало в противоречие с их реальным бытованием на протяжении многих веков в стихийно изменчивом разноязычном пространстве. Меняющиеся внешние условия конфессиональной деятельности (в частности, другой или изменившийся язык обиходного общения верующих) подводит церковь к необходимости в какой-то мере приблизить конфессиональные тексты (или некоторые из них) к языковому узусу населения. Для этого к одним текстам создавались толковые словари трудных слов и выражений; другие тексты комментировались в устной проповеди или специально созданном новом тексте (таково назначение катехизисов, "толковых псалтырей", "учительных евангелий"); третьи тексты переводились или излагались на понятном языке.

Между тем в религиях Писания вопрос о переводе канонических текстов всегда был трудным. О жизненной важности языковых вопросов свидетельствовал опыт истории религий: перевод религиозного канона на новые языки нередко приводил не просто к распространению учения, но к его развитию, видоизменению; сама потребность в новых переводах и новых толкованиях Писания обычно была и проявлением и фактором различных еретических и диссидентских движений.

В процессах секуляризации постепенно, но кардинально меняется направление зависимостей во взаимоотношениях конфессии и языка — конфессиональный язык уже не входит в ключевые оппозиции языковых ситуаций и не способен их существенно изменить: народные литературные языки становятся основным и наиболее универсальным средством общения; различные конфессии в разной мере приходят к необходимости адаптировать конфессиональный язык к сложившейся языковой ситуации.

* *Аутентичный* (от греч. *authéntes* — собственной рукой совершенный) — подлинный, исходящий из первоисточника. В современном праве *аутентичный текст* — это текст документа, официально признанный равнозначным другому тексту (составленному на другом языке) и имеющий с ним одинаковую юридическую силу; *аутентичное толкование* — официальное разъяснение закона или нормативного акта, которое дается органом власти, издавшим этот закон (акт).

"Исправление книжное" в истории православия. В православной книжности до XVIII в. (в Болгарии, Сербии, в Литовской и особенно Московской Руси) культ верности первоисточнику священного текста был той психологической почвой, на которой возникали дорогостоящие и в целом утопичные попытки исправить богослужебные книги по древнейшим греческим и церковнославянским образцам ("книжные sprawy"). Эта работа велась постоянно, достигая в отдельные годы особенной интенсивности. Такова архаизирующая реформа церковнославянской письменности болгарского патриарха Евфимия Тырновского (XIV в.); на Руси — при митрополите Киприане в конце XIV в., в первой половине и середине XVI в.; в начале XVII в.; наконец, знаменитая "Никонова справа" (в 50-х гг. XVII в. при патриархе Никоне), ставшая одной из причин раскола русской церкви. Как писал Н. И. Толстой, "исправление книжное", "волновавшее [...] почти все социальные слои русского народа", было возведено на Руси "в дело первейшего государственного значения [...]. Едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились так остро" (Толстой 1963, 33).

Неприкосновенность богослужебных книг охранялась законом. *Стоглав* (свод церковных законов, принятый в 1551 г.; содержал 100 глав) обязывал сверять каждую новую книгу с исправным оригиналом и конфисковывать неисправные книги. Одно старинное руководство по орфографии заканчивается предостережением: "Зри прещение страшно: аще кто написав книгу и не исправя принесть на собор, да будет проклят" (цит. по изданию: Ягич 1885 — 1895, 722).

Византийский книжник Максим Грек, с почетом приглашенный при Василии III (XVI в.) помочь в переводах церковных книг, по обвинению в их неверном исправлении был признан еретиком, судим, дважды проклят и большую часть жизни провел в монастырских тюрьмах. Один из пунктов обвинения состоял в том, что Максим одно из прошедших времен (аорист) заменил другим прошедшим временем (перфектом). Вину Максима видели в том, что при таком выборе глагольных времен он говорил о Христе как о преходящем, временном, а не как о вечном. Михаил Медоварцев, помощник Максима, правивший текст по Максимовым заметкам на полях, говорил на суде: "Загладил две строки, а вперед гладити посумнелся есми... не могу заглаживати, дрожь мя великая поймала и ужас на меня напал"*. Эти слова позволяют представить, насколько остро переживал средневековый человек даже невольные искажения священного текста.

Когда справщики патриарха Никона в формуле *во имя Отца и Сына и святого Духа* исключили первый союз *и* (стало *во имя Отца, Сына и святого Духа*), то старообрядцы увидели в

* Цит. по изданию: Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 106.

этом еретическую трактовку взаимоотношений Бога-отца и Бога-сына: "Тако уже и поют богохулно, Отца Сына сливающе в единое лице (а сие есть савелиевы гнилости вред)"*.

В малейшем отступлении от древних источников могли усмотреть глубокий богословский смысл, в синонимической замене — ересь, в нарушении правописания — отход от православия. Все это — проявления характерной для религий Писания неконвенциональной трактовки знака в сакральном тексте (см. с. 72 — 75).

Народные языки в библейских переводах и литургии.

Православные славяне. Святые Кирилл и Мефодий, создав в 863 г. славянскую литургию и славянские переводы части канонических книг, на многие века решили языковой вопрос в церкви болгар, сербов, черногорцев и восточных славян (т. е. в мире *Slavia Orthodoxa*, у православных славян). Длительное время надэтнический церковнославянский язык воспринимался как "свой" священный язык — язык Писания, церкви и каждой культуры. Он был достаточно понятен славянам и не требовал перевода.

Однако, в результате естественной дивергенции живых славянских языков, со временем возникла необходимость в переводах Писания — об этом говорят сами факты появления таких текстов на народных языках. Вместе с тем дело не только в непонятности церковнославянского языка. Переводы Писания были связаны с поисками этнорелигиозного самоопределения. Они возникали под влиянием протестантской практики перевода Писания, иногда в ответ на эту практику (см. с. 86). В 1551 — 1561 гг. на Волыни переведено на украинский язык Пересопницкое Евангелие**; в 1570-е гг. полоцкий шляхтич сочининин Василий Тяпинский в своей типографии напечатал Евангелие от Матфея на двух языках: церковнославянском и в своем переводе на белорусский; спустя более века, в 1683 г., в Москве переводчик Посольского приказа Авраамий Фирсов перевел на русский язык с польского Псалтырь. Однако эти переводы не были санкционированы православием. Тем не менее переводы Писания в *Slavia Orthodoxa* продолжали создаваться. В 1820 г. был напечатан Новый Завет на болгарском языке; в 1840 г. — полная Библия на болгарском. В 1847 г. вышел в свет Новый Завет на сербском; в 1868 г. — полная сербская Библия.

В России полная Библия по-русски была издана в 1876 г. До 1858 г. Русская Православная Церковь пресекала все попытки

* Свиток попа Лазаря "О несогласии самих с собою новых книг и неправых в них дохматех и хульных словах" (цит. по изданию: Субботин, т. 4, с. 213).

** В 1991 г. на рукописи Пересопницкого Евангелия принимал присягу первый Президент Украины Л. М. Кравчук.

перевести Писание на русский язык. В 1826 г. было закрыто Русское Библейское общество (основано в 1812 г.), связанное с Британским и Немецким Библейскими обществами по переводу и распространению Писания. В 1825 г. профессор Санкт-Петербургской духовной академии Г. П. Павский перевел несколько книг Ветхого Завета. Однако печатание было прервано, а экземпляры с Пятикнижием сожжены. На другого переводчика Ветхого Завета архимандрита Макария (ум. в 1847 г.) было наложено церковное взыскание. В 1863 г. был запрещен украинский перевод Библии, подготовленный известным либеральным историком Н. И. Костомаровым. Когда в 1858 г. Святейший Синод официально разрешил начать работу над переводом, то при этом твердо указал на недопустимость русского перевода в церкви: "Перевод полезен, но не для употребления в церквах, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Св. Писания" [т.е. за пределами богослужения].

В Русской Православной Церкви, в том числе в Белорусском Экзархате, богослужение до сих пор возможно только на церковнославянском языке. Создаваемый белорусский православный перевод предназначен "для употребления за богослужением". Проповедь на народных языках существует издавна. Вопрос о русском и белорусском языках в литургии не ставится.

Католики. Еще Турский собор (813 г.) разрешил проповедь на народных языках (вместо латыни). В XV — XVI вв. под влиянием идей гуманизма и отчасти в ответ на вызов Реформации в католических странах распространяются переводы Писания на народных языках. Богослужение, однако, еще долго совершалось на латыни (народные языки звучали главным образом в проповеди, а в ряде стран также в евангельских чтениях и молитвах). Второй Ватиканский собор (1962 — 1965), провозгласив общий курс *Адджорнаменто* (итал. *aggiornamento* — осовременивание), разрешил службу на народных языках.

Протестанты. Реформация, как и гуманизм (в историческом смысле слова, см. с. 78 — 82), по характеру мышления была в значительной степени филологическим движением. Еще гуситы, а затем Лютер, наряду с самыми главными антипапскими лозунгами, выдвигали требования, касающиеся языка: Библия на родном языке; доступность Библии мирянам, в том числе женщинам; самостоятельное (без посредничества церкви) чтение и понимание Библии верующими; высокая церковная значимость проповеди. В сравнении с другими христианскими церквами, протестантизм в наибольшей мере допускает сближение конфессионального и светского языков. Поэтому протестантское богослужение всегда опиралось на народные языки. Протестанты в наибольшей мере способствовали переводу Писания на народные языки. Еще в гуситскую допечатную эпоху появился первый полный библейский свод на чешском языке (1410 — 1416). В XVI в. Новый Завет или полная Библия были переведены на

все языки протестантской Европы, в том числе в Великом княжестве Литовском — на белорусский и украинский языки.

Униаты. Церковная уния (от лат. *unio* — 'единение') распространена в европейских, азиатских и африканских землях, пограничных между католицизмом и другими христианскими конфессиями, — на Украине, в Беларуси, Ираке, Индии (здесь две униатских церкви), Эфиопии, Египте, а также в США. Унии складывались как принципиально двойственные конфессии, сочетающие некоторые начала католицизма и свою традиционную христианскую обрядность и свой язык. Повсеместно униатство было средством самосохранения определенных культурно-религиозных миров. Уния преодолевает трактовку некоторого пограничного мира как мира маргинального, "промежуточного" или "ослабленного" варианта соседнего "основного" мира. Поэтому уния способствует самоопределению униатского мира в качестве самостоятельной и индивидуальной этнокультурной и религиозной общности.

В Беларуси и на Украине уния как культурно-религиозная тенденция и хронологически и содержательно выходит за рамки тех процессов, которые определялись актами Брестской унии 1596 г., Полоцкого униатского собора 1839 г. или Львовского униатского собора 1946 г. о "воссоединении" с Русской Православной Церковью. В просветительской и литературной практике Франтишка Скорины, Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, Петра Могилы, Кирилла Транквилиона Ставровецкого, Касиана Саковича, вне зависимости от их формальной конфессиональной принадлежности, имеется известное сходство, обусловленное формированием белорусского и украинского этноязыкового и культурно-религиозного менталитета и значительным смягчением различий польско-католического и московско-православного миров. Применительно к языку это проявилось в десакрализации культового языка, в языковом плюрализме, в готовности к переменам и к большему учету "интересов слушающего" — вплоть до создания литургии на народном языке.

*

*

*

Итак, разные конфессии в разной мере допускают перевод текстов религиозного канона на новые языки. Эти различия можно констатировать; по-видимому, их можно характеризовать в таких терминах, как "традициональность", "степень адаптивности", "динамичность", "иррациональность", "мистичность", "рационалистичность" и т. п., но при этом важно исключить оценочные и полемические суждения. В вопросах веры "рационализм" не лучше и не хуже "мистики"; то, в чем один человек видит

"поразительный консерватизм", другому покажется "надежной устойчивостью", "верностью своим корням, истокам". Любые "советы постороннего" ('как *им* обустроить свою веру') здесь были бы неуместны, а оценки — незтичны.

Как найти меру в "осовременивании" религиозной традиции? Что и как переводить? Всегда ли не до конца ясное слово надо заменять общеизвестным? Любые подобные вопросы — это внутреннее дело самих конфессий как организаций верующих. Практика, которая использует вероисповедание как рычаг в национально-языковой или иной политике, так же порочна, как и практика, для которой национально-языковые проблемы — только аргументы в религиозной пропаганде. "Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу" (Матф., 22, 21).

НАРОДЫ МИРА И ЯЗЫКИ

Расы, этносы*, языки. Старинный синкретизм значений 'язык' и 'народ' в слове *язык*, восходящий еще к старославянским текстам, известен языкам различных семей: индоевропейским (например, лат. *lingua*), финно-угорским (причем не только финскому или венгерскому, но и коми, марийскому), турецкому, некоторым языкам Африки. Эта семантическая двуплановость говорит о тесной связи понятий "язык" и "народ" в сознании людей: один народ — это те, кто говорит на одном языке, а язык — это то, на чем говорит народ, он объединяет народ и отличает его от других народов. Действительно, этнический и языковой принципы группировки народонаселения во многом совпадают и взаимосвязаны. При этом оба принципа противопоставлены антропологическому (расовому).

Расы объединяют людей по наследственному биологическому сходству (цвет кожи, характер волосяного покрова, строение черепа, цвет и разрез глаз, форма губ и т. п.). Звуковой язык человека древнее, чем расы. Становление языка и становление вида *Homo sapiens* взаимно связаны, это происходило примерно 50 — 40 тыс. лет назад. Разделение же человечества на расы связано с расселением племен из общей прародины человечества (Центральная или Южная Африка, по предположению антропологов) по всей территории Земли и происходило значительно позже, под длительным влиянием климатических и географических условий. С другой стороны, современная генеалогическая** группировка языков (в зависимости от степени родства языков,

* *Этнос* (от греч. *éthnos* — племя, народ) — народ. Синонимические термины *этнос*, *народ* и *этническая общность* обозначают общее (родовое) понятие по отношению к таким этническим общностям, как *племя*, *народность*, *нация*.

** *Генеалогическая классификация* языков мира (от греч. *genealogia* — родословная) выявляет родственные связи между языками, составляющими отдельную языковую семью (например, индоевропейскую, или тюркскую, или семито-хамитскую, афразийскую, финно-угорскую и др.; известно более 20 семей языков). Языковые семьи разделяются на *группы* языков (например, в кругу индоевропейской семьи есть группы индийская, иранская, славянская, балтийская, германская, романская, кельтская, греческая, албанская, армянская, анатолийская, тохарская). Карта языков мира строится на основе генеалогической классификации языков. См. подробно: Реформатский 1967, 407 — 450; см. также статью Вяч.Вс. Иванова "Генеалогическая классификация языков" в ЛЭС 1990.

происходящих из общего языка-источника — *праязыка*) также складывалась независимо от дальнейшего дробления и смешения рас.

Естественно, что определенные соответствия между границами территорий, заселенных одной расой, и границами языковых семей существуют. Например, на языках малайско-полинезийской семьи не говорит ни один народ евразийской (белой) расы; напротив, языки кавказской семьи не встречаются на территориях, заселенных народами негроидной (черной) и монголоидной (желтой) рас. Однако это лишь географическое совпадение принципиально разных сущностей.

Как все генетическое, биологическое, расовый фактор подспудно и глубоко определяет менталитет народов. Естественно допустить, что такое общее воздействие могли испытывать и языки. Однако доказательств подобной зависимости нет. На индивидуальном уровне то, какой язык является родным (материнским) для конкретного человека, зависит не от его антропологических характеристик, а от языкового коллектива, в котором он вырос. В США английский — это родной язык и белых и черных, а также многих индейцев. В Казахстане, по данным переписи 1979 г., свыше одного процента казахов назвали своим родным языком русский. Таким образом, не существует "антропологической" предрасположенности людей разных рас к языкам определенных семей или групп.

Совсем по-иному соотносятся между собой карта народов мира и карта языков мира. Они не только во многом совпадают, но и существенным образом взаимно обусловлены. Дело в том, что само формирование отдельной этнической общности (племени, народности) связано с **я з ы к о в ы м** объединением населения определенной территории. Общность языка, наряду с общностью территории, экономической жизни, известной общностью культуры и этническим самосознанием, является существенным признаком этноса. С другой стороны, конкретное языковое образование воспринимается как язык (а не как диалект или жаргон) только в том случае, если оно обслуживает отдельный народ и при этом весь данный народ.

Является ли язык обязательным признаком этноса? Вместе с тем в действительности — в исторической и географической реальности — параллелизм между этнической и языковой общностью существует не всегда. Нередко один народ использует не один, а несколько языков. Так, в современной Швейцарии, которая является государством швейцарской нации, сосуществуют четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Два языка — английский и ирландский — используют ирландцы. На двух сильно различающихся финно-угорских языках — мокшанском и эрзянском — говорит мордовская нация.

В мире широко распространена асимметрия и другого рода: один язык используется несколькими или многими народами.

На английском языке говорят англичане, американцы, канадцы, австралийцы, южноафриканцы; в 19 странах Африки английский признан официальным (в ряде случаев — наряду с каким-нибудь другим языком); он также является вторым официальным языком Индии (после хинди). На немецком говорят немцы и австрийцы; на испанском — в Испании, 20 странах Латинской Америки и на Филиппинах; на португальском — в Португалии, Бразилии; в 5 африканских государствах португальский является официальным языком. Три южнославянских народа — сербы, черногорцы и боснийцы — говорят на сербскохорватском. В Российской Федерации на карачаево-балкарском языке говорят два тюркских народа — карачаевцы и балкарцы; один язык у кабардинцев и черкесов — кабардино-черкесский (иберийско-кавказская языковая семья). Языковые ситуации в Африке, Азии, Океании еще дальше от одно-однозначного соответствия "один этнос — один язык" (см. с. 95 — 98).

Таким образом, в ответственных случаях — например, при разрешении территориальных споров, межэтнических конфликтов, изменении государственно-административного устройства и т. п. — определение этнического статуса некоторой общности людей (т. е. того, образует ли данная общность самостоятельный народ или нет) не может ставиться в зависимость от того, на каком языке говорят эти люди: на "отдельном" и "самостоятельном", или на языке соседей, или на нескольких языках. Нужен другой критерий.

Определяющий признак этноса — этническое самосознание. Не только язык, но и некоторые другие признаки этноса трудно рассматривать как признаки идентифицирующие. Для этноса характерна общность важнейших составляющих социальной жизни: 1) общность территории; 2) единая социально-государственная организация; 3) сходство хозяйственно-экономического уклада; 4) общность языка, быта, культуры, религии, психологии. Однако ни один из этих признаков не может быть решающим при выяснении того, что представляет собой та или иная группа населения (допустим, жители Полесья, или Закарпатья, или Кавказа) — самостоятельный народ, часть народа или группу народов.

Далеко не всегда имеются все указанные признаки. Так, при всей важности государственной и территориальной общности сохраняли национальное единство поляки, разделенные до 1918 г. границами России и Австро-Венгрии; северные и южные вьетнамцы до 1976 г.; восточные и западные немцы до 1990 г.; один народ образуют пока еще не объединенные корейцы. Достаточно обычна, далее, конфессиональная неоднородность одного народа (см. с. 68 — 71). Трудно определить также ту меру культурной, бытовой или психологической близости, которая указывает на этническую общность. Ведь близки культуры и соседних народов; с другой стороны, внутри одного народа и быт, и ментальность разных его групп (например, северян и южан или сельских и городских жителей) могут значительно различаться.

Обязательным и четким признаком этноса является этническое самосознание, т. е. представление некоторой группы людей о себе как о народе. Этническое самосознание (самоопределение, самоидентификация) народа состоит в следующем: народ считает себя общностью людей, которая отличается от других народов и иных человеческих общностей (сословий, партий, союзов государств).

Каждый современный этнос имеет имя — этноним* (*бретонцы, коряки, белорусы, эстонцы, гагаузы, шотландцы, манси* и т. д.), хотя, по-видимому, в дописьменной древности конкретный этнос какое-то время — до регулярных контактов с другими племенами — мог не иметь своего имени. В этническую общность входят все, кто считает это имя своим. Консолидирующее значение этнонима хорошо подчеркнул известный польский писатель Ежи Путрамент, когда говорил, что белорусы прошли свой путь *od tutejszości do narodowości* (от "тутэйшости" до национальности).

Правда, имя народа может измениться. Обычно это связано с распадом прежних этнических общностей и образованием новых, с миграцией народов. Так, народ Киевской Руси называл себя *русь, русичи, русские*, а сейчас *русские* — это этноним только одного из трех восточнославянских народов. Самоназвание народа может отличаться от того, как его называют другие народы. Например, жители Московского государства в XV — XVII вв. называли себя *русскими*, а в Западной Европе их называли *moscovitae* (*московиты*). В Великом княжестве Литовском самоназванием белорусов и украинцев было *русские, русь, русины*, в Москве жителей белорусских земель называли *литвины, литва, литовцы*, реже — *белоросцы, белорусы*, жителей украинских земель — *малоросцы*, а в Западной Европе украинцев и белорусов называли *ruteni*, наряду с *russi* и *roholani*. Тот балтийский этнос, который сейчас называется *литовцы* (самоназвание *lietuvių*), во времена Великого княжества Литовского составляли *аукшайты* и *жемайты*. Вообще, "кочующие" этнонимы, как и народы, которые стали называть себя иначе, — не такая уж редкость в многовековой истории человечества (см. подробно: Агеева 1990).

С этнонимами обычно связаны также названия государств (исключения составляют названия крупных полиэтнических государственных образований — название распавшегося государства СССР, США, ЮАР). Во взаимоотношениях народов и стран эти имена выполняют важную демаркационную, опознавательную-разграничительную функцию.

Вот характерный эпизод из области межгосударственных отношений. После распада Югославии Греция выступила против международного признания суверенности одной из республик бывшей СФРЮ, Македонии, именно под этим именем — *Македония*, поскольку это имя исторической области древнего мира может стать основанием для территориальных претензий: современная Македония может заявить о себе как о территориальном ядре древней империи Александра

* С этнонимом (от греч. *ethnos* — племя, народ и *онима* — имя) обычно связано по происхождению и название языка этого народа — лингвоним (от лат. *lingua* — язык и греч. *онима* — имя).

Македонского (IV в. до н.э.) и рассматривать современную Грецию как свою провинцию. ООН признала опасения Греции заслуживающими внимания, и в апреле 1993 г. было принято беспрецедентное в истории ООН решение: 181-м членом ООН стало государство под временным названием — *Бывшая югославская республика Македония**.

Этническое самосознание входит в обыденное (повседневное) сознание людей. Оно складывается почти наследственно, в процессе семейного воспитания. "Этнические различия не мыслятся, а ощущаются по принципу: это мы, а все прочие — иные" (Л.Н.Гумилев). В исторические времена минимум этнического самосознания отдельного человека — это знать имя своего народа. Социопсихологи и этнологи с основанием говорят об этносах с более и менее развитым этническим самосознанием. Одним из показателей его уровня может быть широта общеизвестных в этносе представлений (мифопоэтических, религиозных, исторических) о себе самом. В нормальных условиях (т. е. без ассимилирующего внешнего давления) этническое самосознание характеризуется положительной самооценкой (подобно тому как у психологически здорового человека в целом преобладает положительное отношение к самому себе).

Решающая роль этнического самосознания (самоопределения) в формировании народа закреплена в международном праве. Согласно Уставу ООН (1948 г.), отношения между нациями должны строиться "на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов".

Согласно современному пониманию прав человека, национальное самоопределение человека является его личным делом. Замечательный языковед И.А.Бодуэн де Куртенэ, демократ и защитник прав национальных меньшинств, еще в 1913 г. писал, что "вопрос о национальной принадлежности решается... каждым сознательным человеком в отдельности"; "в области национальности без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда"; "вполне возможна сознательная... принадлежность к двум и более национальностям или же полная безнациональность, точнее, вненациональность, наподобие безвероисповедности или вневероисповедности" (Бодуэн де Куртенэ 1913, 18 — 21). О Бодуэне де Куртенэ см. с. 127 — 131.

В современных либерально-демократических обществах государство не фиксирует национальную принадлежность гражданина в документах, удостоверяющих его личность (например, в паспорте, иметь который, впрочем, во многих странах необязательно), и не "спрашивает" человека о его национальности (например, при переписях населения). В ряде полиэтнических стран

* Этноним *македонцы*, таким образом, используется как название двух генетически не связанных этносов: 1) неславянское (греческое, фракийское, иллирийское) население древней Македонии; 2) славянские племена, заселившие после V в. н.э. земли Македонии и усвоившие соответствующий этноним.

(Финляндия, Бельгия, Швейцария, Австрия, Испания, Турция, Пакистан, Индия, Канада, Мексика, Гватемала) национально-языковая тема переписи ограничена вопросом о родном языке.

В опросном листе первой всеобщей переписи в России (1897) не ставился вопрос о национальности, но был вопрос о языке. Прямой вопрос об этнической принадлежности ("национальности") был включен только в 1920 г., в программу первой советской переписи населения; этот вопрос был в переписях бывшей Югославии, Румынии, Шри-Ланки.

Как отличить язык от диалекта? В некоторых языках различия между территориальными диалектами настолько значительны, что жители разных земель не могут понять друг друга без помощи койне или литературного языка. Такова степень различий между нижнесаксонскими и баварскими диалектами немецкого языка, закарпатскими диалектами и говорами Харьковщины украинского языка, жемайтским и аукшайтским диалектами литовского языка, северными и южными диалектами китайского языка. Нередко наблюдается и обратная картина: люди, говорящие на разных языках, без переводчика понимают друг друга. Например, без переводчика общаются все турки, финны и эстонцы, датчане и норвежцы, сербы и хорваты. В таком случае в чем различие между языком и диалектом? Статус языкового образования (т. е. языка, диалекта, арго, функционального стиля и т. п.), как и этнический статус некоторой общности людей, определяется с а м о с о з н а н и е м соответствующего коллектива. Языковое самосознание — это представление говорящих о том, на каком языке они говорят.

Допустим, перед исследователем или экспертом гуманитарной посреднической организации стоит задача: определить статус того языкового образования, на котором говорят жители местности А, — язык это или диалект? (Например, такая экспертиза потребовалась для выбора языка радиовещания или языка обучения в создаваемых школах.) Допустим также, что исследователь в достаточной мере понимает речь жителей местности А и жителей соседних территорий В и С: он видит, как идет повседневное общение одноязычных соседей из земель А, В и С; видит, что в структурно-лингвистическом плане языковые системы А, В и С различны между собой; при этом исследователь достаточно владеет этими языковыми образованиями, чтобы расспрашивать жителей А, В и С обо всем, что его интересует*.

Чтобы решить поставленную задачу, исследователь должен выяснить, как (т. е. каким лингвонимом) сами жители А называют тот язык, на котором они говорят между собой. Теоретически возможны следующие ответы:

* Возможная конкретизация: чем является речь жителей Полесья — белорусским диалектом (или диалектами), украинским диалектом /диалектами или самостоятельным полесским (ятвяжским) языком? См.: *Їтаґежа (поліська) штудійно-прахтыцька конфыранція: Тэзы проказэ* (13 — 14 апреля 1990 р.). Пыньск, 1990. — 98 с.; *Їтаґежа (заходьшнопольська) штудійно-прахтыцька конфыранція: Матэрыялы* (13 — 14 апреля 1990 р.). Пыньск, 1990. — 23 с.

- 1) мы говорим на А
- 2) мы говорим на В
- 3) мы говорим на С
- 4) мы говорим на D

В 1-м случае (т.е. если жители А считают, что они говорят не на языках В, С или D, а на своем языке А, отдельном от языков В, С и D) исследователь констатирует именно это: в А говорят на языке А, который не является диалектом соседних языков В и С и отдаленного языка D. При этом для социолингвистической экспертизы не имеет значения, понимают ли жители А и В или А и С друг друга без переводчика: если понимают, значит А и В (или А и С) — это близкородственные, но безусловно разные языки; если говорящим на А и В нужен переводчик, значит это достаточно далекие друг от друга языки.

Во 2-м случае (жители А считают, что они говорят на языке В) исследователь констатирует: языковое образование А является диалектом В. При этом, как и в 1-м случае, возможны два варианта в общении жителей А и В: без переводчика (если два диалекта одного языка или диалект и соответствующий наддиалектный язык не сильно отделились друг от друга) и с помощью переводчика (при значительном языковом расстоянии двух территориальных разновидностей одного языка).

Аналогично в 3-м и 4-м случаях: А — это диалект по отношению к С или D.

Если же надо определить статус того языкового образования, на котором говорят в местности В, то об этом надо спросить жителей именно В, а не А, не С и не D, т.е. применительно, например, к ситуации в Полесье надо спрашивать жителей деревень и городов Полесья, а не Киева, Минска, Варшавы или Москвы.

Таким образом, при определении статуса языкового образования социолингвистический критерий (т. е. самоопределение говорящими себя по языку) является приоритетным по отношению к структурно-лингвистическому критерию (который зависит от степени близости двух языковых образований, что выражается в возможности или невозможности коммуникации без переводчика). Если коллектив говорящих считает родную речь отдельным языком, отличным от языков всех соседей, значит, то, на чем данный коллектив говорит, — это отдельный самостоятельный язык. Соблюдая права человека, эту точку зрения должны принять и языковеды и политики.

Языковое самосознание обязательно включает лингвоним (имя языка): *гагаузский, белорусский, галисийский, ятвяжский* и т.д. В языковом сознании многих говорящих (в том числе, конечно, и не профессионалов) кроме лингвонима есть также представления о том, с какими языками соседствует родной язык, с какими он сходен больше, с какими меньше и т.п.

Надэтнические многоязычные общности: консолидация и добрососедство или "мины замедленного действия"? Этническое развитие в современном мире характеризуется некоторыми новыми тенденциями, которые существенно меняют традиционные отношения понятий "народ" и "язык". Во многих регионах третьего мира складываются этнические общности более

крупные, чем нация. Их границы совпадают с границами государств или больших регионов внутри государств и в той или иной мере соответствуют границам прежних европейских колоний. Достаточно обычна такая ситуация. Ряд племен и более мелких этнических групп говорит на практически разных, даже не всегда родственных языках. В межэтническом общении внутри региона они используют несколько языков-посредников — иногда один из племенных языков региона, но чаще — языки соседей. Однако, вопреки реальным языковым барьерам, племена региона характеризуются общим этническим самосознанием, имеют единое самоназвание, т. е. представляют собой один народ. Государство объединяет десятки таких внутренне разноязычных народов.

В крупнейшей по численности населения африканской стране — Нигерии — 80 млн. жителей говорят на 200 языках (по некоторым оценкам, языков около 500), причем многие языки распространены в соседних государствах — Гане, Дагомее, Того, Нигере. На трех главных языках Нигерии — хауса, йоруба, ибо — говорит около половины населения. Именно эти языки, имеющие письменность и литературные традиции, считаются кандидатами на роль общенационального языка. Используются также импортированные языки: в мусульманской религии и культуре — классический арабский; в официальной сфере, в художественной литературе* — английский (имеющий статус официального языка государства); в межэтнических деловых контактах — пиджин-инглиш (о пиджинах см. с. 110 — 111). И тем не менее, несмотря на этническую и языковую пестроту, на то, что крупнейшие языки Нигерии, будучи распространены за ее пределами, не являются специфически нигерийскими и, следовательно, с трудом могут служить средством этнической идентификации; несмотря на процессы сложения новых народностей и сильную межэтническую рознь, в Нигерии популярен лозунг сплочения всего народа страны: "единое государство — единая нация — единый язык". Вопрос о едином "государственном", или "официальном", языке в Нигерии далек от решения, однако это движение способствует формированию черт наднациональной общности (Проблемы 1977, 86 — 105; Виноградов, Коваль, Порхомовский 1984, 81 — 92).

Таким образом, в этноязыковых ситуациях в странах третьего мира язык перестает быть признаком этноса и средством этнической консолидации. С этим связана резкая асимметрия в соотношении количества языков и народов: языков значительно больше, чем народов, поскольку несколько разноязычных групп населения могут осознавать себя одним народом. Большая Советская Энциклопедия (3-е изд.) определяет количество языков на Земле в интервале от 2,5 до 5 тыс**. В то же время разных народов на Земле (по данным на 1983 г.) около 1. тыс. (Брук 1986, 90).

По-видимому, в дальнейшем диспропорция между количеством языков и количеством народов мира будет возрастать. Дело в

* Общенигерийская художественная литература на английском более популярна, чем полуфольклорная литература на африканских языках (см.: Вавилов В. Н. Проза Нигерии, М., 1973).

** 100-процентное расхождение вызвано трудностями разграничения языка и диалекта, в особенности для бесписьменных образований. Общее количество языков и диалектов на Земле около 30 тыс. (см.: Языки и диалекты мира: Проспект и словник. М., 1982. С. 11).

том, что процессы этнической и языковой консолидации протекают с разной скоростью и не всегда взаимосвязаны. Тенденция к постоянному укрупнению этнических единиц проявляется в истории народонаселения с большей определенностью и силой, чем конвергентные явления в процессах языкового контактирования. В первобытную эпоху, на заре цивилизации существовали многие тысячи разноязычных племен и народов. 600 — 700 человек, занимающих пространство в 5 — 6 миль, могли составлять особую этническую общность и говорить на языке, непонятном соседям. Такую языковую картину застал в Новой Гвинее Н. Н. Миклухо-Маклай. В Австралии в XIX в. на 300 тыс. аборигенов приходилось 500 языков австралийской семьи (т. е. в среднем один язык на 600 человек). Сходная языковая картина открылась современным исследователям Африки. Так, к югу от Сахары насчитывается примерно 2 тыс. языков. Множественность и дробность языковых семей Африки, Океании рассматриваются в социолингвистике как наследие и вместе с тем аналог этноязыковых ситуаций племенного строя.

В сравнении с разноплеменными и разноязычными империями прошлого, сколоченными силой оружия (Римская империя, Монгольская империя Чингисхана, Золотая Орда, Османская империя, колониальные империи европейских метрополий), для многонациональных государств третьего мира характерен более высокий уровень этнической, культурной и языковой интеграции. Здесь нет противостояний "имперского центра" и "завоеванных провинций", поэтому в качестве сверхэтнических объединений они более жизнеспособны. Культурно-языковую конвергенцию усиливают массовая коммуникация, общая интенсивность и надэтнический характер информационных процессов в мире. Укрепляются социальные позиции языков-посредников (пиджинов, койне, лингва франка, мировых языков; см. с. 110 — 113).

Итак, на политической карте третьего мира преобладают многонациональные и разноязычные государства. Их создавали народы, совместно освобождавшиеся от колониальной зависимости, и сверхэтнические сообщества в границах прежних колоний казались естественной и перспективной социальной организацией. Вскоре, однако, обнаружились многосторонние внутренние межэтнические конфликты — трайболизм* в Африке, незатухающая вражда "сепаратистов" и "унитаристов" на полуострове Индостан. Существование многонационального государства постоянно чревато межнациональными конфликтами. Самые разные другие противоречия — экономические, территориальные, политические, религиозные, сословно-классовые, идеологические — легко приобретают национальную оболочку и могут протекать как межнациональные. В быстроте и ярости, с какой вспыхивает

* Трайболизм (от англ. *tribe* — племя) — межплеменная вражда.

национальная вражда между еще недавно мирными соседями, много иррационального, слепого, патологического.

Однако фатальной неизбежности межэтнических конфликтов нет. И дело не в том, чтобы каждый этнос отгородился от соседей государственными границами. В современном мире уже невозможно разойтись "по национальным квартирам" — слишком тесен стал мир, сильна миграция, интенсивно смешение рас и народов, взаимозависима экология. Все меньше остается однопациональных государств — из-за миграции, в результате появления новых этносов*. Современные народы вынуждены жить рядом и вместе. Поэтому они вынуждены уживаться друг с другом — вырабатывать в каждом человеке терпимость к "инаковости", уважение к правам живущих рядом людей другого языка и другой культуры.

Принцип равноправия наций становится не просто декларацией доброй воли, но условием выживания народов — и больших и малых. Человечество выработало правовые нормы мирного сосуществования народов, в том числе принципы ненасильственных разрешений межэтнических споров и защиты национальных меньшинств. Всеобщая Декларация прав человека (1948), Хельсинкский акт (1975), Парижская хартия для новой Европы (1990) исходят из приоритета прав человека над правами нации и государства. Созданы международные организации, осуществляющие контроль за соблюдением международных правовых норм (Международный суд ООН в Гааге, Комиссия и Совет ООН по правам человека, Комиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств, Совет ООН по устранению расовой дискриминации и др.).

Принцип равноправия народов в повседневной жизни гражданского общества означает, что каждый его член не только лоялен к людям других национальностей, но сознает общую опасность всякого иного отношения. Он сознает, что лозунги, построенные по схеме "Фингалия — для фингалей!" — это всегда фашизм; что "исторические" аргументы в территориальных спорах (кто раньше поселился) ведут только к тупикам и крови; что ущемление прав меньшинства рождает цепную реакцию несправедливостей, разрушающую право.

"Право на различие": этноязыковая самобытность против стандартизации и глобализма. В последние десятилетия в Европе и Америке, а с середины 80-х гг. и в странах СНГ активизируется стремление сохранить или возродить культурно-языковую самобытность различных этнических групп населения.

* Еще недавно ФРГ была редким примером однопационального государства: в 1960 г. 99% населения составляли немцы. Однако в 1985 г. более 7% населения — это иммигранты, в том числе 1,5 млн. турок, более 600 тыс. славян, почти 600 тыс. итальянцев (Брук 1986, 254 — 255).

В Европе эти тенденции находят опору в более широком, включающем экономику и политику, движении к "новому федерализму". Исследователь языковых ситуаций в западноевропейских романских странах пишет: "Мы присутствуем при фундаментальном изменении самой концепции государственности; заканчивается длительный период существования больших государственных образований с сильной центральной властью, в состав которых входили как крупные нации, так и подчиненные им сравнительно малочисленные этносы. Параллельно установлению прозрачных границ между государствами медленно, но неуклонно осуществляется предоставление значительной самостоятельности (автономии) регионам, сохранившим самобытность в языке, культуре, экономике, укладе жизни. Происходит переход от "Европы государств" к "Европе регионов" и как бы восстанавливается на новом уровне федеративное устройство, характерное для средневековой Европы" (Нарумов 1992, 32 — 33).

Защитниками этноязыковой самобытности обычно выступают интеллигенция, знатоки истории и культуры родного края, люди, чуткие к богатству народного языка. В демократических государствах современной Европы забота о региональных языках находит определенную поддержку, в том числе законодательную и материальную. В защите языков видят полезную культурно-просветительскую самодеятельность граждан. В многоязычной ситуации расширение общественных функций регионального языка, повышение его престижа снимает или уменьшает психологические трудности для говорящих на этом языке и таким образом гармонизирует психологический климат общества, "смягчает нравы".

В ряде ситуаций речь идет о расширении социальных функций и повышении статуса языка, близкородственного к основному языку социума. Таковы каталанский и галисийский языки по отношению к испанскому в Испании; фриульский и тирольский в Италии; фарерский язык на Фарерских островах (автономная область Дании); фризский язык в Фрисландии (провинция Нидерландов). В Славии аналогичные движения в защиту местных языков связаны с "литературными микроязыками" (термин А. Д. Дуличенко, который описал 12 региональных языков в Югославии, Польше, Словакии; см.: Дуличенко 1981). Речь идет о территориально ограниченных вариантах славянских языков, носители которых активно стремятся сделать эти диалекты литературными языками, т.е. распространить в местной школе, печати, в литературном творчестве.

В других, более сложных случаях усилия защитников миноритарного языка направлены на его сохранение в условиях неродственного двуязычия. Таким языком по отношению к испанскому является баскский язык — древнейший неиндоевропейский язык Западной Европы, сейчас генетически изолированный. При режиме Франко баскский язык, как и каталанский и галисийский, был запрещен; значительная часть басков утратила родной язык. По испанской конституции 1978 г. баскский язык, наряду с испанским, признан официальным языком Страны Басков (автономная область Испании). Он используется в

национальной школе, прессе. На Британских островах и во Франции предметом специальной защиты являются кельтские языки ранних индоевропейских поселений в этих землях: в Шотландии — гэльский, в Уэльсе — валлийский, в Ирландии — ирландский, на полуострове Бретань во Франции — бретонский.

В третьих случаях язык, являющийся этническим языком национального меньшинства, выступает в другом социуме как язык большинства: французский язык в канадской провинции Квебек, шведский язык в Финляндии, русский — в странах СНГ (кроме России, конечно). В подобных ситуациях миноритарный язык также нуждается в защите — как язык меньшинства и культурное достояние всего социума. Примером образцового соблюдения прав обоих языков и при этом специальной защиты миноритарного языка может быть языковая политика Финляндии (см.: Гак 1989, 115 — 118; см. также с. 122 — 124).

Наконец, особый и замечательный по результатам случай защиты этноязыковой самобытности — это возрождение древнееврейского классического языка — иврита*. Уникальность случая в том, что был возвращен к жизни не язык матери (т.е. язык детства человека), а язык дедовских книг, причем язык далекий, другой языковой семьи.

К середине I тыс. до н. э. иврит вышел из употребления в качестве разговорного языка, но оставался языком религиозной практики и духовно-светской книжности. После исхода из Иудеи евреи диаспоры (рассеянные по разным странам) перешли на индоевропейские языки: это или языки тех народов, среди которых они жили, или идиш — язык германской подгруппы, сформировавшийся в X — XIV вв. на базе одного верхненемецкого диалекта, который подвергся интенсивной гебраизации. Начиная с XIV в. на идише создается значительная еврейская литература, в XIX в. — еврейский народный театр. По данным Р. Белла, в 1961 г. идиш был первым или вторым языком для 75 % евреев (Белл 1980, 220). Тем не менее со 2-й половины XVIII в. евреи, главным образом в Восточной Европе, возрождают иврит (как современную модификацию древнееврейского языка). Вначале он возвращается в просветительскую и художественную литературу; со 2-й половины XIX в. иврит употреблялся и в повседневном общении; с образованием государства Израиль (1948) иврит становится его официальным языком (наряду с арабским).

Нарастающей мировой стандартизации противостоит гуманитарная культура с ее интересом к индивидуальному, особенному. По-видимому, поиски здорового равновесия будут усиливать тягу самых разных народов к своим корням, к "своему родному", близкому, нигде не повторимому и в том числе — к родному языку. Для человека в родном языке сохраняется жизненно важный опыт первого знакомства с миром, вот почему так важно сберечь эту естественную языковую среду обитания. Для народа родной язык, "дом бытия", по Мартину Хайдеггеру, — это и защита его этнического суверенитета от нивелирующего воздействия цивилизации, и духовное наследство, объединяющее поколения.

* Семито-хамитская языковая семья. На иврите создано большинство книг Ветхого Завета.

ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ. МНОГОЯЗЫЧИЕ И ЯЗЫКИ-ПОСРЕДНИКИ

Дифференциальные признаки языковых ситуаций.
Языковая ситуация — это совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка; см. с. 30 — 33), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства.

Языковая ситуация как один из предметов социолингвистики — явление многоаспектное и многопризнаковое, при этом признаки, значимые для характеристики языковых ситуаций, разнонаправлены и не иерархичны. Поэтому едва ли возможна единая и многопризнаковая классификация всего разнообразия языковых ситуаций на Земле. Однако их обзор может быть проведен на основе ряда типологически значимых признаков. Этот обзор дан в таблице и в следующих за ней примечаниях (которые подтверждают обоснованность приводимых примеров).

№	Типологический признак языковой ситуации (ЯС) и его социолингвистический смысл	Оппозиция типов и пример
1	Количество языковых образований, составляющих ЯС, т.е. степень ее языкового разнообразия	Однокомпонентная ЯС (Исландия ¹) — многокомпонентная (Венгрия ² , Финляндия ³)
2	Количество этнических языковых образований, составляющих ЯС (т.е. степень этноязыкового разнообразия ЯС)	Многокомпонентная одноязычная (Венгрия ²) — многокомпонентная — дву (трех-, четырех-, пяти-) язычная ЯС (Финляндия ³)
3	Процент населения, говорящего на каждом из языков, т.е. относительная демографическая мощность языков, составляющих ЯС	Демографически равновесная ЯС (Бельгия ⁴) — демографически неравновесная (Испания ⁵)
4	Количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языковым образованием, в отношении к общему числу таких функций, т.е. относительно коммуникативная мощность языковых образований, составляющих ЯС	Сбалансированная (коммуникативно равновесная) ЯС (Бельгия ⁴) — несбалансированная (коммуникативно неравновесная) ЯС (Испания ⁵)

5	Юридический статус языков, т. е. характер государственной регламентации их взаимоотношений	Тожественный юридический статус (Швейцария ⁶) — различный статус (Беларусь ⁷ , Каталония ⁸)
6	Степень генетической близости языков, составляющих ЯС	Близкородственное двуязычие (Беларусь, Украина, Чехия, Словакия, Югославия, белорусско-польское двуязычие в Польше ⁹) — неблизкородственное (Бельгия ⁴) и неродственное (Финляндия ³ , Татарстан)
7	Этнические корни языка, престижного в данной ЯС: является ли он одним из автохтонных (местных) языков, т.е. родным для части коренного населения, или это импортированный язык	Эндогlossная ЯС (церковнославянский язык у болгар и отчасти сербов до XVII в., Эфиопия ¹⁰) — экзогlossная (латынь в средневековой Европе; церковнославянский у восточных славян до XVII в.; Гана ¹¹ , Камерун ¹²) — смешанная (эндоэкзогlossная) ЯС (Индия ¹³ , Великое княжество Литовское ¹⁴ , Танзания ¹⁵)
8	Оценки социумом престижа сосуществующих языков: разный престиж — относительно равный престиж	Дигlossия, т.е. такое двуязычие, одним из признаков которого является оппозиция языков по престижности (церковнославянский-русская дигlossия в Московской Руси до конца XVII в. ¹⁶) — недигlossное двуязычие (Финляндия ³)

Примечания.

1. На исландском языке говорит 99% населения, при этом практически отсутствуют диалектные различия, а также противопоставление литературного и общедно-разговорного языка; таким образом, один этнический язык представлен одной формой существования языка. Правда, имеет место так называемое культурное двуязычие: специальное образование предполагает широкое использование английского языка.

2. На венгерском языке говорит 99,4% населения; имеется 8 диалектов, противопоставленных литературному языку.

3. В Финляндии два государственных языка — финский и шведский, при том что 91% населения финны и 6% — шведы.

4. В Бельгии два государственных языка: французский (романская подгруппа индоевропейской семьи) и фламандский, или нидерландский (германская подгруппа той же семьи), при этом 39,1% населения — франкоязычные валлоны и 50,7% — фламандцы.

5. В Испании один государственный язык и три официальных: в автономных провинциях Каталония, Валенсия и Балеарские острова — каталанский, в Галисии — галисийский, в Стране Басков — баскский (во всех провинциях статус официального языка имеет также и испанский). При этом 70,6% населения — испанцы, 18,3% — каталонцы, 8,1% — галисийцы, 2,4% — баски.

6. В Швейцарии четыре государственных языка: немецкий, французский, итальянский, ретороманский, притом что германо-швейцарцы, немцы и австрийцы составляют 64% населения, франко-швейцарцы и французы — 18%, итало-швейцарцы и итальянцы — 10%, ретороманцы — 0,8%.

7. В Беларуси один государственный язык — белорусский.

8. В Каталонии испанский язык имеет статус государственного и официального, каталанский — официального.

9. В Польше около 165 тыс. белорусов, проживающих главным образом в Белостокском и Люблинском воеводствах.

10. В Эфиопии государственный язык амаринья является родным для самого многочисленного народа амара (37,7% населения).
11. В Гане государственный язык — английский.
12. В Камеруне два государственных языка — французский и английский.
13. В Индии два официальных языка: хинди и английский (согласно конституции, английский имеет статус временного официального языка Индии).
14. О ситуации в Великом княжестве Литовском см. с. 105 — 107.
15. В Танзании два государственных языка — суахили и английский.
16. О диглоссии см. с. 75 — 76, 108 — 110.

Почему сбалансированные (равновесные) языковые ситуации редки? И одноязычные, и многоязычные ситуации редко бывают сбалансированными. В одноязычной ситуации баланс функций разных форм существования языка, имеющего письменность, невозможен по определению. Ведь литературный язык, его отдельные стили и противостоящие литературному языку территориальные диалекты и жаргоны отличаются именно функциями. Язык, в котором сформировалась его литературная форма, всегда представляет собой определенную иерархию языковых подсистем, при этом его нормативный (литературный) вариант находится в вершине иерархии.

Сбалансированные одноязычные ситуации, по-видимому, были возможны в бесписьменных раннефеодальных обществах, когда территориальные диалекты некоторого языка обладали равным социальным статусом, а наддиалектное койне или литературный язык (т. е. варианты языка с более высоким статусом) еще не сложились.

Сбалансированные многоязычные ситуации также достаточно редки. В качестве примеров обычно указывают на ситуации в Швейцарии и Бельгии. Действительно, четыре языка Швейцарии и два языка Бельгии юридически равноправны, используются в государственном управлении, армии, суде, учебных заведениях, в массовой коммуникации. Однако юридическое равноправие — это необходимое, но далеко не всегда достаточное условие для фактического равновесия языков. Так, в Швейцарии на ретороманском языке говорит 50 тыс. человек — менее 1% населения. При этом в соседней Италии, где ретороманцев (фриулов и ладинов) 720 тыс. человек (Брук 1986, 231), язык официально не признан (он считается диалектом итальянского языка). В то же время французский, немецкий, итальянский языки — это основные языки в крупных европейских государствах и языки международного общения. Естественно, что социальный статус ретороманского языка фактически не может быть равен положению остальных языков Швейцарии.

В Бельгии фламандский (нидерландский) язык численно преобладает (фламандцев — 5 млн., франкоязычное население —

4,3 млн.). Однако в силу большей социальной активности франкоязычного населения Бельгии, а также в силу большей международной престижности французского языка равновесность ситуации постепенно смещается в его пользу.

Таким образом, редкость и неустойчивость сбалансированного двуязычия объясняется тем, что полной симметрии в социально-этнических условиях сосуществования двух языков в одном обществе практически не бывает. Следует принять во внимание также индивидуальные (психолингвистические и психологические) аспекты двуязычия. Сбалансированная двуязычная ситуация была бы возможна в том случае, если бы большинство членов некоторого социума владели бы полностью обоими языками, использовали бы их в любых речевых ситуациях, с легкостью переключались с одного языка на другой, не смешивая при этом системы разных языков. Однако, по мнению таких крупных лингвистов, как Б.Гавранек, А.Мартине, Э.Хауген, полное и автономное (без смешения языков) владение двумя языками превышает психические возможности обычного человека (см.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 6, 1972, 84 — 85, 100, 62 — 63). В его языковом сознании отдельные черты неродного ошибочно уподобляются строю родного (или основного) языка. Происходит *интерференция** двух языковых систем, т.е. их частичное отождествление и смешение, что приводит к ошибкам в речи (иногда на одном, иногда — на обоих языках)**.

Интерференция языковых систем в сознании и речи двуязычного индивида представляет собой психолингвистический аналог процессу смешения языков в надиндивидуальном плане (см. с. 171 — 173).

Говоря о возможности сбалансированного двуязычия, следует учитывать также и функциональный (социолингвистический) аспект проблемы. В той психологической программе, которая определяет речевое поведение двуязычного индивида, два языка не могут быть функционально тождественны. Например, в

* Термин *интерференция* (лат. *inter* — между собой, взаимно, *ferire* — ударять, толкать, касаться), по-видимому, заимствован из физики, где он обозначает наложение волн, распространяющихся из разных источников.

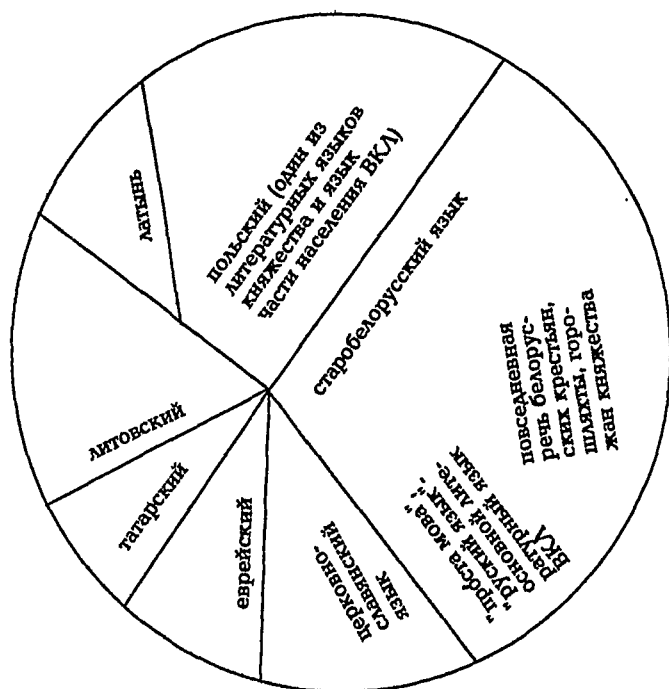
** Интерференция может затрагивать любые уровни языка — фонетику (это то, что в обиходе зовется *иностранным акцентом*), морфологию, словообразование, лексику, синтаксис. Для простоты (чтобы обойтись без специальных словарных справок) ограничимся примерами интерферентных явлений, связанных с близкородственным двуязычием (в частности, ср. погрешности в белорусской речи индивида, чьим основным языком является русский): 1) в фонетике: мягкие звуки [р'] и [ч'], например [р'еч'ка], в соответствии с белорусскими всегда твердыми [р], [ч]); 2) в морфологии: з *Васей*, *напісаць Янке* вместо з *Васем*, *напісаць Янку*; 3) в словообразовании: *дзікар* вместо *дзікун*, *ігнарыраваць* вместо *ігнараваць*; 4) в лексике: *чудак* вместо *дзівак*, *увячэнне* вместо *захапленне*; 5) в синтаксисе: *ажаніўся на Марысі* вместо *ажаніўся з Марысей* (см. также с. 107 — 108, 171 — 173).

семейном общении обычно преобладает один язык, хотя все члены семьи могут в принципе хорошо владеть двумя языками данного двуязычного социума. Естественно, уже одно это обстоятельство (то, что один из двух языков связан с семьей в большей мере) смещает психологическое равновесие языков в сознании билингвов*. В их речевой практике за пределами семейного общения также наблюдается тенденция к дифференцированному выбору языка в зависимости от ситуации общения, темы, собеседника. Так происходит функциональная специализация языков в индивидуальной речевой практике. Применительно ко всему двуязычному социуму это оборачивается тенденцией к функциональному разграничению языков. Следовательно, при массовом и относительно полном двуязычии использование двух разных языков в тождественных ситуациях и функциях оказывается избыточным, функционально неоправданным. Так возникает более обычная неравновесная, несбалансированная языковая ситуация.

Пример сложной языковой ситуации: языки на белорусской этнической территории в Великом княжестве Литовском (ВКЛ). С учетом дифференциальных признаков, значимых для типологии языковых ситуаций (см. с. 101 — 103), ситуация в Великом княжестве Литовском может быть охарактеризована в следующих терминах: 1) многокомпонентная; 2) многоязычная; 3) демографически неравновесная; 4) коммуникативно несбалансированная; 5) с различным юридическим статусом образующих ситуацию языков; 6) совмещающая близкородственное и неблизкородственное двуязычие; 7) эндозоглоссная, так как один из престижных языков, "проста мова", был родным для большинства населения, а другие (церковнославянский, латынь) были не местного происхождения; 8) диглоссная до середины XVI в. и недиглоссная впоследствии. На белорусской этнической территории, в том числе в пределах одного города или местечка, жили белорусы, литовцы, поляки, евреи, татары**, что обуславливало этническое двуязычие (иногда многоязычие). Использовались также латынь и церковнославянский, что создавало ситуацию культурного многоязычия. Компоненты языковой ситуации показаны на схеме, которая, однако, не является диаграммой, т.е. площадь сегментов не пропорциональна коммуникативному весу языков.

* *Билингв* (от лат. *bi* — двух, от *bis* — дважды и лат. *lingua* — язык) — человек, владеющий двумя языками (в той или иной мере); двуязычный индивид.

** Потомки переселившихся, а также вывезенных из Крыма в XIV в. пленными крымских татар (караимов); постепенно забывая родной язык и переходя на белорусский и польский, долго сохраняли арабскую графику; так возникали *китабы* — белорусские и польские тексты, написанные арабским письмом.

Литературный язык княжества (проста мова, русский язык) сложился в актовой письменности на основе белорусских говоров вокруг Вильны и северных земель княжества — Полоцка, Витебска, Смоленска. "Проста мова" была средством наддиалектного письменного общения на всей территории Великого княжества Литовского, включая буковинско-молдавские и перемышльские зеѣмли, т.е. это был общий письменный язык белорусов и украинцев. (Естественно, что по отношению к белорусскому языку "проста мова" выступает как предшествующий этап его истории — старобелорусский литературный язык.) В XVI — первой половине XVII в. "проста мова" характеризовалась наибольшим разнообразием функций и сфер использования: это письменный язык этнического большинства княжества, язык закона, судопроизводства, великокняжеской канцелярии. На "простой мове" существовала значительная светская литература, а с середины XVI в. — и тексты Св. Писания. С 1583 г. в Виленской иезуитской коллегии "проста мова" стала предметом изучения (наряду с латинским и греческим языками).

С конца XVI в. в княжестве усиливаются позиции польского языка. Наряду с "простой мовой" польский был основным языком проповедей, конфессиональной полемики (в том числе православной и униатской), светской литературы. Например, на польском

написаны все полемические сочинения Мелетия Смотрицкого (автора знаменитой церковнославянской грамматики 1619 г.). Известны также православные катехизисы и богослужебные книги на польском.

Церковнославянский язык (*словенский, славенский*) был классическим языком православной книжности. На нем существовала конфессиональная и ученая литература православных и униатов. Его преподавали в братских школах. Церковнославянскую основу библейских текстов стремился сохранить Франтишек Скорина (хотя реально в его "словенском" присутствует ощутимая народная языковая струя).

Знанию латыни способствовало распространение гуманистической (латиноязычной) культуры и схоластического образования, а также языковая ситуация в польских землях Речи Посполитой, где латынь служила основным языком церкви, образования, администрации. В княжестве в XVI в. центром латинской образованности была Вильна, в XVII в. — Киев. В частных библиотеках преобладали латинские книги. С латынью связаны такие достижения белорусской культуры, как новолатинская поэзия Яна из Вислицы и Миколая Гусовского.

В Слуцком списке Статута Великого княжества Литовского сохранились стихи опшмянского шляхтича Яна Казимира Пашкевича (1621), где есть такие строки:

Полска квітнет лациною,
Литва квітнет русчиною*.

Существенно, что с латынью (культурным языком польского обихода) автор сопоставляет не церковнославянский, а народный язык белорусов — *русчизну* (т. е. "просту мову"). Стихи исполнены веры в духовные потенции народного языка: *Литва квітнет русчиною*.

Подводные рифы близкородственного двуязычия. В ситуациях близкородственного двуязычия индивид сравнительно быстро и легко, "естественно", усваивает неродной язык в довольно полном объеме. В таких условиях люди, говорящие на разных языках, понимают друг друга без переводчика, а значительные группы говорящих владеют вторым языком активно.

Двуязычное общение, в том числе публичное, можно постоянно наблюдать в Беларуси. На заседаниях Верховного Совета, идущих на двух языках, кажется, только однажды возникла заминка из-за двуязычия: говоривший по-белорусски оратор (в конце августа 1991 г.) употребил аббревиатуру ДКНС (*дзяржаўны камітэт на надзвычайнаму становішчу*) — в соответствии с русской ГКЧП ... В Беларуси стали популярны издания на двух языках ("Народная газета", "Добры вечар", "Беларускі час"), где прослеживаются содержательные зависимости между

* *Квітнети* (старобелорусск.) — цвести.

выбором языка и характером публикации. В ряде белорусскоязычных изданий вкрапления на русском языке — это экспрессивно-стилистическое средство (обычно ироническое цитирование). Иначе говоря, газеты начинают относиться к двум языкам как к двум функциональным разновидностям некоего одного языка, известного читателю.

Однако у этой легкости есть обратная сторона — широкая интерференция двух языковых систем в речевой деятельности билингвов (об интерференции см. с. 103 — 105, 171 — 173). В надындивидуальном плане массовая и частая интерференция означает постоянное смешение двух систем, их большее или меньшее уподобление друг другу. И в Беларуси и на Украине с основанием говорят о той опасности языкового бескультурья, которую представляют так называемые *трасянка* (в белорусском) и *суржик** (в украинском), т.е. стихийно и по-разному русифицированные варианты национального языка. В условиях белорусско-русского и украинско-русского двуязычия обиходная русская речь также изобилует интерферентными явлениями.

Эти обстоятельства диктуют ряд специфических принципов преподавания близкородственного языка. В условиях двуязычия курс неродного, но близкородственного языка должен быть, во-первых, дифференциально-систематическим, т.е. подчеркивать прежде всего несходства изучаемого и родного языка, хотя, разумеется, не забывать и о системных связях языковых фактов; во-вторых, курс должен быть в значительной мере коррективным, т.е. исправляющим интерферентные привычки учащихся; в-третьих, в отличие от преимущественно аналитической направленности уроков родного языка, курс неродного языка должен быть в большей мере синтетическим, т.е. учить практически порождать речь (см.: Супрун 1974, 55 — 68).

Диглоссия как особый вид несбалансированного двуязычия. Своеобразие диглоссии раскрыто в работах Ч.Фергюссона, Дж.Фишмана, применительно к истории русского литературного языка — А.В.Исаченко, Б.А.Успенского. Для этого вида двуязычия характерны: 1) такое функциональное распределение языков, когда один из них используется в "высоких" (небытовых) сферах и ситуациях общения (в церкви, книжно-письменной культуре, науке, образовании) и не принят в повседневном общении; второй язык, напротив, возможен только в повседневном общении и некоторых жанрах письменности,

* *Трасянка* (белорусск.) — первоначально — смесь сена с соломой для корма скота; *суржик* (укр.) — смесь зерна пшеницы и ржи, ржи и ячменя, ячменя и овса и т.п.

например в договорах, публичных объявлениях, рекламе, иногда в "низких" жанрах художественной литературы; 2) престижность книжного ("высокого") языка (в языковом сознании социума); 3) надэтнический (экzogлосный) характер престижного языка: ни для одной из этнических или социальных групп населения этот язык не является родным (материнским); 4) искусственный (школьный) характер овладения престижным языком — поскольку такой язык не используется в обиходе, им нельзя овладеть естественным путем (от матери, в семейно-бытовом общении в детстве).

Диглосную ситуацию могут образовывать как родственные, так и неродственные языки. Например, в допетровской Руси в отношениях диглоссии находились два родственных языка: церковнославянский (по происхождению южнославянский) и русский (по происхождению восточнославянский), при этом литературным (т. е. "правильным", нормированным) языком русского средневековья был церковнославянский. Не случайно первые у восточных славян грамматики были грамматиками именно церковнославянского языка (см.: Мечковская 1984).

Многовековую (до 1976 г.) диглосную ситуацию в Греции формировали также генетически близкие языковые образования — два письменных новогреческих языка: 1) язык, возникший в начале новой эры в результате подражания древнегреческим классикам V — IV вв. до н. э., и 2) литературный язык более поздней поры, свободный от архаизирующих установок. В 1976 г. греческий парламент принял закон о реформе общего образования, вводивший в школы этот второй, более молодой и демократический язык; при этом, однако, в лексике и словообразовании сохранялась связь с письменной традицией классической греческой культуры (Логачев 1979).

Диглоссия характерна для большинства арабских стран. Единый литературный язык арабов, восходящий к классическому арабскому языку VII в., имеет только письменную форму выражения. Это язык Корана, книжно-письменной культуры, науки, публицистики, официально-деловой документации, высшего и отчасти среднего образования. Однако им владеют только 25 — 30% арабского населения (см.: Мишкурин 1981). В повседневном общении, в неофициальных программах радио и телевидения, в начальной школе используются многочисленные и далеко разошедшиеся диалекты арабского языка — алжирский, египетский, иракский, йеменский.

Будучи основным языком ислама (наряду с персидским и урду), литературный арабский язык распространен также в неарабских мусульманских странах Африки (Сенегал, Гвинея, Мали, Нигерия, Нигер, Республика Чад). Это приводит к диглоссии генеалогически далеких языков: африканских языков народностей волоф, хауса, фульбе, диола, тукуле, малинке и др., с одной стороны, и литературного арабского — с другой. При этом в неарабских, но исламских странах Африки языковая ситуация носит особо сложный характер: диглоссия культового арабского и местных африканских языков сочетается с многоязычием, которое образуется двумя-тремя местными языками и европейским языком (французским или английским) — в качестве официального государственного языка и языка межэтнических контактов.

Для диглоссии характерна функциональная иерархия языков, похожая на взаимоотношения "высокого" и "обиходного" стилей; при этом ситуации и сферы их употребления достаточно строго разграничены. Вот почему русско-французское двуязычие дворянской аристократии в России конца XVIII — первых десятилетий XIX в., как и сосуществование латыни и народных языков в средневековой Европе, — это не диглосные ситуации. И

французский язык в России, и латынь широко использовались в повседневном неофициальном обиходе. На латыни была сатирическая литература, пародии, анекдоты, т. е., говоря шире, — "разговоры запросто"*. Как и "легкие" французские стихи в русском дворянском быту, всё это жанры, невозможные для престижного языка в ситуации диглоссии.

Четкое функциональное распределение языков делает диглоссные ситуации достаточно устойчивыми. Такое двуязычие сохраняется веками. (О диглоссии в связи с конфессиональным фактором см. с. 75 — 76.)

Языки межэтнического общения: лингва франка, койне, пиджины. Еще в дописьменные времена контакты разноязычных племен приводили к тому, что наиболее мобильные и интеллектуально активные мужчины овладевали чужим языком и, таким образом, выполняли функции переводчиков. Естественно, что в устном практическом общении чужой язык узнавался далеко не полностью; многое в нем стихийно упрощалось, разноязычные элементы сливались. Новые гибридные формы начинали использоваться в контактах и с другими соседями, в чем-то меняясь под воздействием их языков и меняя эти языки. Так складывались особые языки межэтнического общения: гибридные по происхождению, ограниченные по функции, не чужие вполне в своем регионе, но и мало кому родные, потому что выучивались не от матери, а в портах и на рынках. Различают несколько видов таких языков-посредников (лингва франка, койне, пиджины), однако эти понятия не вполне сопоставимы, так как связаны с разными аспектами в изучении языков-посредников.

Языки, которые называют *лингва франка* (от итал. *lingua franca* — франкский язык), — это преимущественно торговые языки, они используются носителями разных, в том числе генетически далеких, языков. Первоначально имя *лингва франка* называло конкретный гибридный язык, который сложился в средние века в Восточном Средиземноморье на основе французской и итальянской лексики и использовался в общении арабских и турецких купцов с европейцами. В эпоху крестовых походов роль лингва франка возросла, он обогатился испанской, греческой, арабской, турецкой лексикой и использовался до XIX в. (ЛЭС 1990, 267).

В современной социолингвистике термином *лингва франка* называют любой устный язык-посредник в межэтническом общении. Лингва франка может восходить к языку одного из народов данного региона, однако большинство использующих его людей воспринимают его как нейтральный, "ничей" (например,

* "Разговоры запросто" — заглавие знаменитой книги Эразма.

языки хауса и бамана в Западной Африке; упрощенные варианты суахили в Восточной и Центральной Африке).

С понятием *койне* (от греч. *koinós* — общий, употребительный) обычно связывают устные языки межплеменного и наддиалектного общения родственных этносов. В отличие от лингва франка койне шире по своим социальным функциям и этнодиалектической базе; его история более эволюционна и органична. Лингва франка, по мере расширения объема и сферы коммуникации, может стать койне. В свою очередь койне часто служит наддиалектной формой общения, предшествующей сложению литературного языка. Например, один из лингва франка Западной Африки, бамана, развился в койне в многоязычной республике Мали. Здесь для него в 1967 г. была разработана письменность, он используется в начальной школе и признан официальным языком государства (наряду с французским).

Пиджины (от искаженного англ. *business* — дело) распространены в Юго-Восточной Азии, Океании, Африке, в бассейне Карибского моря. Это устные языки торговых и других деловых контактов, возникшие в результате смешения элементов какого-то европейского языка (английского, голландского, испанского, португальского или французского) и элементов туземного языка. Сейчас известно свыше 50 пиджинов. По функции это лингва франка, т. е. пиджины используются в контактах не только европейцев и туземцев, но и (прежде всего) в общении представителей разных этнических групп местного населения.

Сложение пиджина отличается от обычного языкового смешения, во-первых, своей интенсивностью и, во-вторых, уровневым распределением "ингредиентов" из разных языков: у пиджина туземные фонетика, грамматика, словообразование и европейская лексика. Некоторым аналогом процессов, ведущих к сложению пиджинов, могут быть такие интерферентные явления в русской речи иммигрантов в англоязычной среде, как *забуковала тикеты* ('заказала билеты', англ. *to book tickets*), в *инчах* ('в дюймах', англ. *inch*), на *сэйле* ('на распродаже', англ. *sale*); ср. также пародийную фразу аналогичного происхождения: *Клёвые блуёвые трузера с двумя покитами на бэксайде* (т. е. 'клёвые синие брюки с двумя карманами сзади').

Пиджины функционально ограничены: они используются только в деловом межэтническом общении и не имеют коллектива исконных носителей. Но это до процессов креолизации.

Креолизация пиджинов и креольские языки. Некоторые из пиджинов расширяют свои коммуникативные функции. Если первоначально это языки общения европейцев и туземцев, то позже их начинают использовать местные этносы для общения

между собой; далее возможно развитие такого вспомогательного языка-посредника в основной язык одного или нескольких этносов или новой этнической общности. При этом усложняется его структура, расширяется словарь, т. е. пиджин превращается в "нормальный" язык. Для молодого поколения этноса пиджин оказывается, таким образом, родным (материнским) языком. Пиджин, ставший родным для определенного этноса, называется *креольским языком**. Примерами креольских языков, ставших официальными или этнически значимыми, могут служить возникшие на английской основе языки государства Папуа — Новая Гвинея — ток-писин и хири-моту; язык крио в Сьерра-Леоне; язык сранатонга в южноамериканской республике Суринаме. Креольские языки на французской основе сложились на Гаити и Мартинике, на португальской основе — на Островах Зеленого Мыса и острове Кюрасао, на испанской — на Филиппинах.

Ток-писин (англ. *talk pidgin*, т. е. 'разговор на пиджине'), или новогвинейский пиджин, восходит к плантационным пиджинам. Как самостоятельный язык сложился в конце XIX в., стал родным для нескольких десятков тысяч человек, но общее число говорящих около 3 млн. Официальный язык Папуа — Новая Гвинея (наряду с английским и хири-моту), основной рабочий язык парламента и администрации, язык церкви, радио, телевидения, школы, с 60-х гг. — язык оригинальной художественной литературы (см.: ЛЭС 1990, 514; О языках 1978).

Загадочной чертой пиджинов и креольских языков является их сильное структурное сходство: развившиеся из разных европейских и неевропейских языков, они обнаруживают много общего, причем не только в лексике, но и в синтаксисе и фонологии (см.: Белл 1980, 209). Как все языки, возникшие в результате интенсивной гибридизации, пиджины относятся к языкам аналитического грамматического строя (о понятии "аналитический тип языков" см. с. 179 — 183).

Международные и мировые языки. Языки, которые используются в общении между народами разных государств, называются международными языками. В отличие от лингва франка и пиджинов, международные языки являются этническими языками, т. е. по своей первичной и основной функции — это средство общения в рамках определенного этноса, родной (материнский) язык для людей, составляющих данный этнос. Посредническая функция международного общения для таких языков является вторичной.

Использование конкретного языка в международном общении связано с социально-историческими причинами, прежде всего с

* *Креол* — человек, происходящий от смешанного брака испанцев и индейцев, русских и алеутов, эскимосов, индейцев (от исп. *criollo*).

его распространенностью в разных государствах и с ролью этих государств и живущих в них народов в мировой политике, в мировом информационном процессе, в культуре и науке.

Состав международных языков с течением истории менялся. В древнем мире и в средние века международные языки были не столько мировыми, сколько региональными. У народов Дальнего Востока таким языком был вэньянь (письменный древнекитайский), в Месопотамии и Ассирии (современный Ирак) — аккадский, в арабско-иудейском мире — арамейский, в Восточном Средиземноморье в эпоху эллинизма — древнегреческий, в Римской империи — латынь, на Ближнем и Среднем Востоке с распространением ислама — арабский и персидский.

В современном мире книгопечатание, радио, телевидение и компьютерные сети увеличивают потоки информации в нарастающей прогрессии. Современные международные языки вышли за пределы своих регионов и становятся мировыми (глобальными) языками, образуя так называемый "клуб мировых языков". Это самые престижные и общепризнанные языки. Их повсеместно исследуют, описывают, пропагандируют. Их изучают с самыми разными целями: для "общего развития" — как "иностранные языки" в общеобразовательных школах, для туризма, для чтения специальной литературы, для общения с носителями не обязательно данного языка, но любых языков. Количество таких языков не выходит за пределы "магического числа" 7 ± 2 . Иногда "клуб мировых языков" отождествляют с официальными и рабочими языками ООН (их количество как раз шесть: английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский). Иногда считают, что, хотя на китайском говорит более четверти населения Земли (1 млрд. человек), это язык "недостаточно международный" и что китайский — это язык слишком "закрытого" общества, чтобы войти в "клуб мировых языков".

Искусственные языки-посредники и интерлингвистика. С библейских времен разноязычие многими ощущалось как Божье наказание человеческого рода за гордыню. Уже в глубокой древности умы рационалистического склада пытались создать вспомогательные языки для межнационального общения. По замыслу авторов, если такой язык будет логичней естественного, то его примут в ученом общении представители разных стран. Первые попытки создания искусственных языков связывают с европейской античностью: по одним данным, впервые такой проект предложил Алексарх (IV — III вв. до н. э.; см.: ЛЭС 1990, 291), по другим данным, — римский медик Клавдий Гален (Пергам, 130 г. до н. э.; см.: Исаев 1981, 11). Среди авторов проектов вспомогательных языков — арабский шейх Мохиэдин (XI в.), каталонский философ

и логик, первый европейский арабист Раймунд Льюллий (1235 — 1315), великие утописты Томас Мор (1478 — 1535) и Томмазо Кампанелла (1568 — 1639), хорватский священник, предтеча экуменизма и панславизма Юрий Крижанич (ок. 1617 — 1683)*. Проблемой искусственных языков занимались Фрэнсис Бэкон, Ян Коменский, Рене Декарт, Готфрид Лейбниц, Исаак Ньютон. К настоящему времени известно около 1000 проектов таких языков.

Первым искусственным языком, реализованным в общении, был волапюк (от англ. *world* — мир > *vol* + *speak* — говорить > *rik*, т. е. всемирный язык). Наиболее известный и удачный из искусственных языков-посредников — *эсперанто*** — создан варшавским врачом Людвиком Заменгофом в 1887 г.

Две черты эсперанто делают его исключительно легким для усвоения: интернациональный корнеслов и логичность грамматики. Большую часть лексики эсперанто составляют слова с корнями классических языков европейской культуры (греческий, латынь); используются также славянские и германские, а в последнее время и неиндоевропейские элементы. Слово устроено агглютинативно***: есть 40 однозначных и не знающих синонимии аффиксов; чередования (вроде русск. *друг* — *друзья* — *дружеский*) отсутствуют. Существительные имеют окончание — *o*, прилагательные — *a*, общий для них показатель мн.ч. — *j*; образованные от существительных названия существ женского пола имеют аффикс — *in*. Поэтому если *patro* — 'отец', а *filo* — 'сын', то о характере формо- и словообразования может дать представление такая таблица.

Сущ.ед.ч.	<i>patr-o</i> — отец	<i>fil-o</i> — сын
Сущ.мн.ч.	<i>patr-o-j</i> — отцы	<i>fil-o-j</i> — сыновья
Сущ.ед.ч.ж.п.	<i>patr-in-o</i> — мать	<i>fil-in-o</i> — дочь
Сущ.мн.ч.ж.п.	<i>patr-in-o-j</i> — матери	<i>fil-in-o-j</i> — дочери
Прилагат.ед.ч.	<i>patr-a</i> — отцовский	<i>fil-a</i> — сыновний
	<i>patr-in-a</i> — материнский	<i>fil-in-a</i> — дочерный
Прилагат.мн.ч.	<i>patr-a-j</i> — отцовские	<i>fil-a-j</i> — сыновьи
	<i>patr-in-a-j</i> — материнские	<i>fil-in-a-j</i> — дочерние

На эсперанто создана значительная оригинальная и переводная литература, в разных странах существует около 140 периодических изданий; регулярные программы на эсперанто передают 10 радиостанций. Национальные объединения эсперантистов есть в 56 странах, в том числе в ряде республик СНГ. Список изданий

* Ю.Крижанич, родом хорват, учился в Риме (доктор теологии), был выдающейся личностью своего века. Крупный ученый (труды по церковному праву, политике, экономике, филологии, музыковедению), он вошел в историю как поборник объединения Европы: в сфере религии он хотел примирить православие и католицизм; в области этноязыковых отношений считал возможным объединение славянских народов под гегемонией Москвы. Приехав в Москву и оказавшись в ссылке в Тобольске (отчасти — по подозрению в проуниатских планах, отчасти — "на всякий случай"), Крижанич составляет здесь в 1666 г. грамматику будущего общего языка всех славян. "Чужеземец-мечтатель" (как писал о Крижаниче С. К. Булич), он создал еще одну утопию — лингвистическую, смесь церковнославянских, русских и хорватских слов и форм. (Введением в литературу о Крижаниче может быть книга историка: Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества, М.: 1984. — 214 с.)

** Таким псевдонимом автор подписал свой проект (лат. *esperant* — надеющийся).

*** Об агглютинации как типе строения слова см. с. 179 — 183.

на эсперанто в СССР за 1963 — 1978 гг. приведен в работе: Исаев 1981, 64 — 65. Теория международных вспомогательных языков развилась в особую исследовательскую область — интерлингвистику (см.: Проблемы 1976, Проблемы 1991).

В конце XIX и до 40-х гг. XX в. об эсперанто с энтузиазмом писали Л. Толстой, М. Горький, А. Барбюс, К. Циолковский, Дж.Бернал. По инициативе Троцкого, готовясь к "мировой революции", эсперанто учили в ряде частей Красной Армии.

Сейчас отношение к эсперанто более сдержанное. Эсперанто создавалось в расчете прежде всего на индивидуальное ("кабинетное") восприятие европейцами письменной информации. Современные средства массовой коммуникации, ориентированные на воспроизведение или имитацию устного общения ("прямой эфир", "эффект присутствия" и т. п.), укрепляют в международном общении роль естественных языков. При этом, однако, предпринимаются попытки искусственно упростить язык, сделать его более легким для иностранцев. Один из популярных проектов такого рода, реализованный в сотнях учебников, — это Basic English*, предложенный в 1934 г. американским лингвистом и психологом Чарльзом Огденом. Basic, "минимизированный" английский, включает всего 850 слов и несколько правил грамматики.

Почему в мире становится больше двуязычных ситуаций? Языковая панорама современного мира — это не просто мозаика трех или пяти тысяч языков. География языков, география народов мира и политическая карта мира тесно взаимосвязаны. Социально-политическая неоднородность мира предопределяется в социальном статусе языков: языки различны по количеству говорящих на них людей, по своим общественным функциям, по сферам использования, по авторитету в своей стране и за ее пределами.

Интенсивные и долговременные контакты народов приводят к двуязычию. Одноязычие вовсе не преобладает на земном шаре. Напротив, более обычны многоязычные ситуации. Разнообразие языковых ситуаций на Земле бесконечно. В каждом государстве СНГ, в каждом штате Индии, в каждом государстве Африки или Латинской Америки сложились свои, во многом неповторимые социальные, культурные и этноязыковые условия существования разных языков.

* Игра слов: англ. *basic*, означая 'элементарный', вместе с тем является сложением первых букв ключевых слов: *British, American, Scientific, International, Commercial*.

Есть регионы, где в качестве языка межэтнического общения принят язык национального меньшинства, например суахили в Танзании, малайский язык в Индонезии. В ряде стран в межэтническом общении используется (или использовался) заимствованный язык — например, латынь в Западной Европе в средние века, арабский язык в Средней Азии и Иране в VIII — X вв., классический китайский (вэньянь) в Японии, Вьетнаме, Корее. Во многих государствах, освободившихся от колониальной зависимости, в межэтническом общении используются языки бывших метрополий. Так, английский признан официальным языком Гамбии, Ганы, Кении, Нигерии, Папуа — Новой Гвинеи; французский — Габона, Заира, Конго, Мали, Нигера, Того; португальский — Анголы, Гвинеи-Бисау, Мозамбика. В ряде стран третьего мира используются два официальных (или государственных) языка: например, в Кении — английский и французский; в Танзании, Уганде — суахили и английский; в Пакистане — урду и английский; в Индии — хинди и английский (при этом по индийской конституции английский считается "временным" государственным языком). Есть государства, где двум языкам-посредникам приписан разный общественный статус: один язык считается "национальным", другой — "официальным". Например, в Мавритании статус "национального" языка принадлежит арабскому, а "официальным" признан французский.

Развитие культуры, науки, образования способствует сохранению двуязычия. По мере общественного прогресса возрастает социальная и культурная значимость всех языков: и языков широкого международного общения, и языков, на которых говорит несколько тысяч человек. Сложение письменной традиции на языке народа, развитие образования, приобщение народа к общечеловеческой культуре и в том числе внесение своего вклада в общечеловеческую культуру — все это повышает этническое самосознание народа. В таком народе высок престиж родного языка. В нем видят важнейшее культурное достояние, отражение истории и народного духа. Поэтому для народа с развитым самосознанием невозможен бездумный отказ от родного языка, как бывало в дописьменные времена.

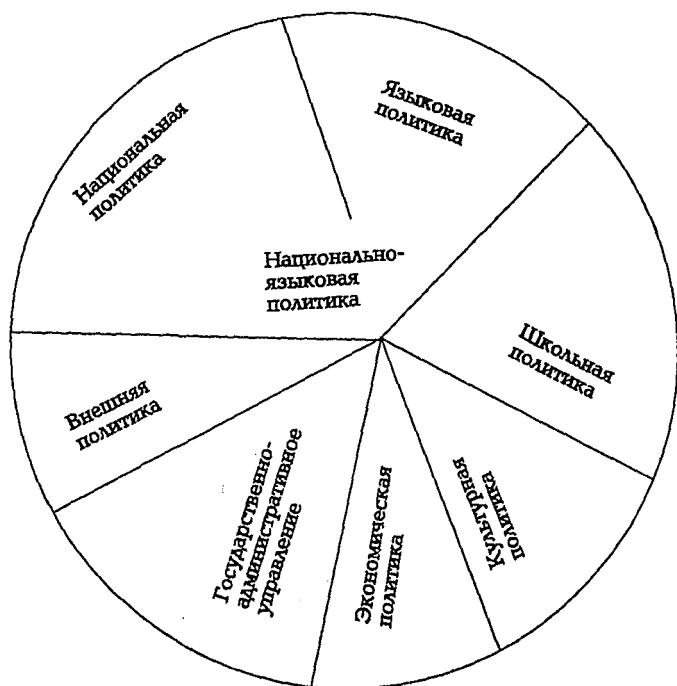
Таким образом, двуязычие (и многоязычие) все шире распространяется в современном мире. При этом совместное функционирование разных языков в одном социуме характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, возрастает объем коммуникации на каждом языке, расширяются их социальные функции. С другой стороны, идет процесс, аналогичный стилистической дифференциации языка в одноязычной ситуации: языки дифференцируются в функциональном отношении. Такая координированность языков, отношения взаимной функциональной дополнительности в рамках социума способствуют превращению двуязычия в единую функциональную систему, что обуславливает целесообразность и поэтому устойчивость двуязычных ситуаций.

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Определения, смежные понятия, компоненты. Под национально-языковой политикой понимают воздействие общества в многонациональном и/или многоязычном социуме на функциональные взаимоотношения между отдельными языками. Это воздействие осуществляют, во-первых, государство и его компетентные органы — такие, как законодательные собрания и комиссии, в том числе в некоторых странах — специальные комитеты (например, в Индии — Центральный директорат по вопросам языка хинди под председательством премьер-министра). Во-вторых, субъектами являются комитеты, организующие школьное дело, печать, массовую коммуникацию, книгоиздательство, театр, кино, библиотеки. В-третьих, исследовательские лингвистические центры*, службы переводов, службы "культуры языка". Наконец, субъекты национально-языковой политики — это различные общественные институты и организации: политические партии, ассоциации учителей, писателей, журналистов, ученых, различные добровольные "общества содействия", "общества ревнителей родного языка", например Славистическое общество Словении (восходит к Лингвистическому кружку, основанному в 1779 г.), Беседа любителей русского слова (1811 — 1816 гг.) Г. Р. Державина и А. С. Шишкова, Товарищество белорусского языка имени Франтишка Скорины (с 1990 г.). При этом далеко не всегда государство и общественные организации стремятся к одним и тем же целям.

Национально-языковая политика входит в более широкие социальные и социолингвистические явления (такие, как национальная политика, языковая политика) и связана с другими видами социального регулирования. Их соотношение показано на схеме.

* Например, Институт языкознания имени Якуба Коласа Академии наук Беларуси (с 1929 г.), Государственный исследовательский институт родного языка в Японии (с 1946 г.), Королевская комиссия по изучению билингвизма и бикультурализма в Канаде (с 1963 г.).

Национальная политика состоит в регулировании межнациональных отношений в полиэтнических социумах. В зависимости от того, как трактуются права разных народов, национальная политика бывает справедливой (т. е. основанной на принципе равноправия народов, закрепленном в Уставе ООН) или дискриминационной* (т. е. умаляющей права какого-либо народа).

В зависимости от основного принципа в решении национальных проблем друг другу противостоят две по-своему порочных крайности: унитаризм и сегрегация. У н и т а р и з м** игнорирует национальные различия и решение национальных проблем видит во всеобщей взаимной ассимиляции — стирании культурных, психологических, бытовых, государственно-организационных, языковых и всяких других различий между народами. Унитаризм в национальной политике необязательно сочетается с

* Дискриминация (от лат. *discriminatio* — различение) — ограничение или лишение прав какой-либо группы граждан по признаку их расы или национальности, пола, вероисповедания, политических убеждений и т. д.

** Унитарный (от лат. *unitas* — единство) — объединенный, единый, составляющий единое целое. В политологии унитарное государство (в отличие от федерации) характеризуется централизованным управлением административно-территориальными единицами (такими, как область, район и т. п.) и отсутствием самостоятельных (федеративных) государственных образований (штаты, земли).

государственным унитаризмом и наоборот. Например, СССР был с о ю з о м ряда государственных образований (т. е. по Конституции не представлял собой унитарного государства), однако в его национальной политике всегда были сильны унитарные тенденции. С другой стороны, унитарное государство (т. е. не являющееся федерацией) может проводить национальную политику, направленную на сохранение этнокультурного и языкового разнообразия общества (примером такого плюрализма в унитарном государстве может быть Финляндия).

Унитаристская национальная политика (нередко вопреки благородно звучащим декларациям) поворачивает дело так, чтобы люди разных национальностей "забывали" о своих национальных корнях: вынужденно жили рядом в стандартных домах, в одних школах учили детей, вместе работали, смотрели одно кино и читали одни "центральные" газеты, вынужденно вместе отдыхали, имели общие и одинаковые в разных землях местные органы власти и не имели бы "отдельных", национальных, праздников или обрядов; при этом оказывались невозможными любые объединения, сообщества, клубы, организованные по национальному признаку.

В условиях унитаристской национальной политики прокламируемое "равенство и братство всех народов" оборачивается повальной денационализацией и практической дискриминацией малых народов (в СССР — вплоть до сталинского геноцида и депортации "наказанных народов"). Мечты о том, "чтобы в мире без России, без Латвий жить единым человеческим общежитием", оказались отчасти реализованными. По переписи 1926 г., население СССР составляли 194 народа, по переписи 1979 г. — всего 101 народ. При этом уменьшился процент людей, назвавших язык своей национальности своим родным языком. Ср. некоторые выборочные данные.

Национальности	% лиц, считающих язык своей национальности родным	
	1959 г.	1989 г.
Белорусы	84,2	70,9
Казахи	98,4	97,0
СССР в целом	94,3	93,1

Сторонники сегрегации (лат. *segregatio* — отделение) видят решение национально-расовых проблем в том, чтобы исключить или максимально уменьшить соприкосновение расово-этнических групп населения (проживание в разных кварталах или зонах, вплоть до резерваций, бантустанов; раздельное обучение, раздельные места отдыха и т. д.). Южноафриканский вариант сегрегации — апартеид (на языке африкаанс *Apartheid* — раздельное проживание) признан ООН преступлением против

человечества. Около 80 государств участвуют в "Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него".

Судя по переменам в бывшем СССР, ЮАР и во всем мире, человечество в решении национальных проблем находит третьи пути — именно не один, а разные подходы, на основе компромиссов между культурной автономией меньшинств и политико-экономическими тенденциями к интеграции. Политическая демократия не может быть полной без этнокультурной демократии и этноязыкового плюрализма.

В языковой политике национально-языковой компонент является самым заметным. Если этот компонент "вычест" (а в одноязычных социумах это так и есть), то языковая политика будет включать такие, например, вопросы: кто имеет право выносить рекомендации о "правильном" и "неправильном" в текущем словоупотреблении и насколько обязательны такие рекомендации для физических и юридических лиц? Нужна ли языковая цензура в массовой коммуникации и что считать непристойным? Нужна ли реформа орфографии, и если нужна, то насколько радикальная? Поощрять ли литературное творчество на диалектах? (См. с. 98 — 100.) Некоторые существенные вопросы языковой политики смыкаются с политикой в области образования, например: как определить тот минимум владения родным языком, который обязателен для выпускника общеобразовательной школы? Предусматривать ли (т. е. финансировать ли) занятия родным языком в высшей школе? По сути это вопросы об удельном весе гуманитарной составляющей в кругозоре каждого человека.

Национально-языковая политика включает следующие компоненты: 1) теоретическую программу и ее пропаганду (см. следующий подраздел); 2) юридическую регламентацию взаимоотношений языков (см. с. 121 — 125); 3) административное регулирование (см. с. 125 — 126); 4) экономические меры (см. с. 126 — 131).

Программно-теоретический компонент. Национально-языковая политика опирается на определенное теоретическое и идеологическое обоснование. Каждое государство, общественный класс или сословие, партия исходят из определенной концепции по национальному вопросу, т. е. из своего понимания того, что такое народ, нация, народность; как связаны народ (этнос) и язык, религия, культура, государство; как соотносятся этническое и общечеловеческое, этническое (национальное) и классовое в культуре, политике, идеологии; в чем заключается справедливость и прогресс в межнациональных отношениях.

В практике национально-языкового строительства известно немало тупики, к которым привели непродуманные теоретические установки. Так, в ряде стран Азии и Африки отождествление нации и государства привело к ущемлению национальных интересов малых народов, не имеющих своих государств. В некоторых странах, где ислам является господствующей религией, отождествляют национальную и религиозную принадлежность. Это приводит к игнорированию существующих национальных различий. Так, Мусульманская лига Пакистана объявила все население страны единой нацией, а урду — государственным национальным языком. Однако фактически Пакистан остается разноразличной и многонациональной страной (основные народы — пенджабцы, синдхи, пуштуны, белуджи). Урду (язык индийской группы индоевропейской семьи), который является родным только для 10% населения Пакистана, не в состоянии обеспечить межэтническое общение и все более отесняется английским языком.

Существенно также определить приоритетность отдельных норм права. В правовом обществе права личности выше прав этноса и государства. Права этноса реализуются как права людей, составляющих этнос, а государство должно обеспечивать права всех граждан независимо от их этнической принадлежности. "С современной точки зрения, и государство, и область, и община должны быть внепартийными, внеисповедными, вненациональными" (Бодуэн де Куртенэ 1913, 77).

Аспекты юридической регламентации и границы действия законов о языке. Если стремиться к правовому обществу, то в многоязычном социуме статус и функции языков должны быть определены законом. Между тем далеко не во всех многоязычных странах есть законы, регулирующие взаимоотношения языков. Канадский исследователь Дж. Тури, рассмотрев 147 конституций, установил, что только в 110 из них есть статьи, касающиеся языка (см.: Гак 1989, 107). Отсутствие законов о языке усиливает позиции языка большинства населения и оставляет без государственной защиты языки национальных меньшинств.

Юридическая регламентация взаимоотношений языков может быть существенно разной как по содержанию, так и по степени определенности.

В Конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 гг. деликатная сфера национально-языковых отношений была регламентирована минимально. Конституция 1977 г. декларировала равенство граждан СССР "перед законом независимо от языка", "возможность обучения в школе на родном языке", "право выступать в суде на родном языке"; кроме того, предписывала публиковать "законы СССР, постановления и иные акты Верховного Совета СССР на языках союзных республик". Вместе с тем Конституция не ориентировала на создание гарантий соблюдения провозглашенных общих принципов — например, гарантий обучения в школе на родном языке или гарантий сохранения национального языка в качестве языка обучения и воспитания. Это означало правовую незащищенность национальных языков и "молчаливое" предоставление преимуществ языку центра и бюрократии, а также возможность представить процесс сужения социальных функций местных языков как "естественный", происходящий даже "вопреки" провозглашенным Конституцией правам.

В 1989 — 1990 гг. Верховные Советы 11 тогда еще союзных республик приняли законы о языке; в 1990 г. Президент М. С. Горбачев подписал закон "О языках народов СССР". Все законы регламентируют использование языка в сферах общественной и официальной жизни и не затрагивают выбор языка в межличностном неофициальном общении (в частной жизни, в неофициальном общении на работе).

Правовой статус языков. В разных странах законы определяют статус языков терминами *государственный, официальный, иногда национальный*; в Индии 15 упомянутых в конституции языков называются *конституционными* (см.: Ганди 1982, 42). По законам о языке бывших советских республик 1989 — 1990 гг., язык народа, именем которого названа соответствующая республика, получал статус *государственного*. (Еще прежде этим статусом обладали азербайджанский, армянский, грузинский и абхазский языки.) Закон "О языках народов СССР" определил правовой статус русского языка как *официальный язык СССР*.

Конституция СССР 1977 г. не определяла юридического статуса языков, не содержала ни одного лингвонима, а также каких-либо словесных указаний на особый статус русского языка (например, сочетания *язык межнационального общения*). Тем не менее иерархия языков и особый статус русского языка в Конституции был выражен. В главе "Суд и арбитраж" перечислены ранги тех языков, на которых ведется судопроизводство, и таким образом устанавливается административно-территориальная иерархия языков: 1) *язык союзной республики*, 2) *язык автономной республики*, 3) *язык автономной области*, 4) *язык автономного округа*.

Особый статус русского языка манифестирован средствами союзной и республиканской геральдики: 1) на государственном гербе СССР надпись "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" на русском языке выполнена крупнее, чем на языках союзных республик, и размещена в основании герба посередине, в то время как надписи на других языках расположены симметрично слева и справа; 2) гербы всех союзных республик (кроме РСФСР) содержат надпись "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" на двух языках — соответствующей республики и русском.

Юридический спектр подходов к языкам: от наибольшего благоприятствования до запрещения. В некотором многоязычном социуме закон может трактовать существующие языки в качестве языков либо равного статуса, либо неравного. Так, равным статусом по закону обладают четыре основных языка Швейцарии, финский и шведский в Финляндии. Фактически такой закон о б я з ы в а е т государство поддерживать равный статус языков и, следовательно, создавать реальные гарантии для этноязыковых меньшинств.

В Финляндии для признания муниципалитета двуязычным достаточно, чтобы меньшинство составляло 10% населения. Чиновники муниципалитетов, и одноязычных, и двуязычных, должны в определенной мере владеть обоими языками, а для работы в двуязычном муниципалитете надо в совершенстве владеть основным языком и уметь устно и письменно изъясняться на втором. В средствах массовой коммуникации используются оба языка, при этом число газет и журналов, выходящих на шведском, значительно превышает 6% шведов в населении Финляндии (см.: Гак, 1989, 115 — 118).

Таким образом, юридическое равенство может означать статус наибольшего благоприятствования для миноритарного языка.

Юридическое неравенство языков далеко не всегда приводит к дискриминации меньшинств. Иногда сам факт упоминания в законе миноритарного языка означает его "легитимность" и готовность государства гарантировать его существование и развитие.

Латвийский закон о языках 1989 г., кроме латышского ("государственного") и русского ("одного из языков межнационального общения"), называет также латгальский и ливский языки*. "В Латвийской ССР гарантируется употребление латышского языка, включая говоры и латгальский письменный язык, во всех областях культуры. Государство также гарантирует сохранение и развитие культуры ливов на ливском языке". Так закон создает юридическую основу для этноязыкового плюрализма.

Предоставление юридических преимуществ одному из языков социума — это нередко акт защиты языка, находящегося в кризисе. Знаменитый пункт Литовского Статута (в редакциях 1566 и 1588 гг.) — *А писар земский по руску маеть литэрами и словы рускими вси листы и позвы писати, и не иньшым языком и словы* — был, по мнению А. И. Журавского, вынужденной охранительной мерой, косвенным свидетельством нарастающего вытеснения старобелорусского языка польским (Жураўскі 1967, 350 — 351). Когда законы бывших союзных республик называли свои языки государственными, то это также было актом защиты местных этнических языков.

В текстах законов не так уж часто встречаются прямые запреты употреблять какой-то язык**. Права языковых меньшинств нарушаются или вообще ликвидируются де-факто. Например, фашисты просто разгоняли национально-культурные центры, арестовывали их лидеров, закрывали газеты на языках меньшинств. При Франко остановилась письменность каталанского и

* Латгальским языком зовут восточные диалекты латышского языка; в 1730 — 1865 и 1904 — 1959 гг. на нем издавались книги и газеты. Ливский язык относится к финно-угорской семье; распространен на северо-западном побережье Курляндии (около 100 тыс. говорящих); в 1920 — 1939 гг. на ливском издавались учебники, календари, журнал.

** Ср., впрочем, установление Варшавского Сейма 1696 г., которое утвердило на всей территории Речи Посполитой, т. е. включая и Великое княжество Литовское, в деловой письменности польский язык: *Pisarz powinien po Polsku, a nie po Rusku pisac*.

галисийского языков; особенно жестоким репрессиям подвергались баски. В Италии при фашистах преследовались ретороманцы, словенцы, австрийские немцы; в Германии — серболужичане.

Юридическая дискриминация может состоять в неупоминании языка в законе или трактовке его как диалекта. Остальное — дело практики. В 1861 г. попечитель Виленского учебного округа в представлении министру народного просвещения писал: "В губерниях Виленской, Гродненской и Минской большая часть сельского населения говорит *наречием белорусским*, поэтому и народные училища в этих местностях должны быть *чисто русские*" (цит. по работе Шлюбскі 1928, 335).

Законы о языке и права человека. Демократический закон о языке защищает право отдельного человека не владеть языком большинства. По закону, человек может обратиться в государственное учреждение на любом из языков, принятых в данном социуме, и учреждение обязано дать ответ на том же языке. В суде гражданин имеет право выступать на родном языке; закон предусматривает при необходимости участие в суде переводчика. Если заботиться о меньшинствах, то закон должен предусмотреть наличие перевода в документах частного лица — паспорте, свидетельствах о рождении, браке, в документах об образовании и т. п., а также на бланках, формулярах, в инструкциях по пользованию товарами и в визуальной информации (вывески, объявления, рекламы, афиши, плакаты и т. п.).

Закон защищает право частного лица говорить на родном языке в сфере обслуживания. Наиболее четко (если сравнивать законы о языке бывших союзных республик) об этом сказано в эстонском законе: "В сфере обслуживания и торговли обслуживающая сторона обязана применять язык, избранный обслуживаемым лицом". (Ср. соответствующую статью в украинском законе: "В Украинской ССР во всех сферах обслуживания граждан употребляется украинский или другой язык, приемлемый для сторон". В конфликтной ситуации статья не способна регламентировать выбор языка.) В эстонском законе есть также статья, защищающая право человека говорить на родном языке со своим начальником: "Руководящие работники общаются с подчиненным на избранном им языке" (ст. 5).

В демократическом обществе закон гарантирует этническим группам населения возможность определенного образования на родном языке, но при этом не ограничивает граждан в выборе языка обучения (т. е. можно учиться и не на родном языке). Однако эта общеправовая норма предполагает ряд существенных уточнений, а именно: при какой численности и какой компактности проживания лиц той или иной национальности возможны общеобразовательные школы на их родном языке? Какие ступени общего образования на языке национального меньшинства гарантирует закон: начальное, неполное среднее или полное среднее?

Доступно ли на языке меньшинства высшее образование и по каким специальностям?

О степени демократичности закона о языке можно судить по тому, определяет ли закон некоторый язык в качестве обязательного для изучения каждым гражданином (независимо от его родного языка и волеизъявления). Бодуэн де Куртенэ писал в этой связи: "По педагогическим и общегражданским соображениям в каждой школе должен быть **о б я з а т е л ь н ы м** как предмет изучения только один язык — язык преподавания. Но необходимо предоставить всем ученикам **в о з м о ж н о с т ь** усвоить себе тоже другие языки, каковы: язык, самый распространенный в государстве; язык, самый распространенный в данной автономной области; язык иноязычных сограждан данной самоуправляющейся единицы; языки, распространенные и получившие всемирное значение (вроде немецкого, французского, английского, эсперанто и т. п.); так называемые классические языки, латинский и греческий" (Бодуэн де Куртенэ 1913, 77 — 78).

В разноязычном социуме должны быть школы с разными языками обучения, а количественное соотношение таких школ должно зависеть от свободного выбора учеников и их родителей.

Законы о языке, принятые в бывших союзных республиках, признают **о б я з а т е л ь н ы м** изучение государственного языка в общеобразовательной школе. Без сомнения, такое предписание — это реакция на десятилетия русификации, оно продиктовано тревогой за судьбу, иногда за само существование национального языка. Однако, когда культуры и языки перейдут от состояния "самообороны" к "мирной жизни", законы о языке окажутся ближе к тем общедемократическим принципам, о которых Бодуэн де Куртенэ писал в начале века. (Историко-биографический экскурс о Бодуэне см. на с. 127 — 131.)

Административная практика. При всей важности программных и законодательных мер все же решающее значение в национально-языковой политике имеет деятельность государства по их осуществлению. Не раз декларированное равноправие языков и народов оставалось равноправием лишь на бумаге. Например, по декрету Сейма Польши в 1925 г. общеобразовательные школы в Западной Беларуси могли быть и на польском и на белорусском языках. Выбор языка зависел от родителей учеников. И тем не менее, несмотря на десятки тысяч заявлений о желании учить детей в белорусских школах и даже на то, что Министерство просвещения Польши подготовило комплекты белорусских учебников, белорусские школы так и не были открыты.

Своеобразие законов о языке в том, что они не столько запрещают те или иные действия, сколько обязывают определенные органы и должностные лица осуществлять деятельность по реализации законов. Законы о языке нуждаются в специальных механизмах их выполнения. Например, по закону о языках в бывших советских республиках рабочим языком государственных учреждений, языком делопроизводства является государственный язык республики. Однако одного закона ("только закона") мало, чтобы десятки тысяч служащих на деле перешли на государственный язык. В Эстонии и Латвии с участием экспертов республиканских академий были определены уровни владения государственным языком; затем были определены категории должностей, предполагающие тот или иной уровень владения языком (6 в Эстонии и 4 в Латвии); Советы Министров приняли постановления об аттестации работников по степени владения языком, а также о создании условий для повышения их языковой компетенции. И это только первые шаги в реализации законов о языке, но даже они далеко не всюду были сделаны.

Законы о языке в государствах бывшего СССР — это в большей мере манифесты национально-языкового самосознания, нежели реальные нормы права. Не случайно законы не содержат норм негативной (ретроспективной) ответственности и не предусматривают охранительных санкций. Реальными регуляторами употребления языков будут, как и прежде, различные подзаконные (административные) акты — например, определения министерствами образования количества уроков разных языков в школах; утвержденные правительствами перечни специальностей, по которым в вузах будут создаваться группы с тем или иным языком обучения; объемные программ на радио и телевидении и тиражи изданий на разных языках, определяемые комитетами по средствам массовой информации и издательскому делу, и многое другое.

Финансово-экономические рычаги. Конструктивные программы национально-языковой политики, стремящиеся расширить сферы использования определенного языка, предполагают значительное финансовое обеспечение.

В таких программах каждый шаг стоит денег. Ср. только перечень мер, предпринятых центральным правительством Индии для распространения хинди в качестве официального языка государства и средства межнационального общения в стране. За счет федеральных средств в нехиндиязычных штатах создавались колледжи, готовящие учителей хинди; правительство также взяло на себя все расходы по оплате труда учителей хинди в этих штатах. По специальной книгоиздательской программе, финансируемой правительством, на хинди были изданы сотни книг университетского уровня по различным отраслям знаний, в том числе переведена 12-томная энциклопедия. Специальные средства выделялись

для поддержки хиндиязычных газет и журналов, для тиражирования и проката кинофильмов на хинди. Были учреждены различные премии за лучшие оригинальные и переводные произведения на хинди, причем не только художественной, но и специальной литературы (например, за лучшую публикацию по юриспруденции). Выделялись многочисленные стипендии для студентов нехиндиязычных штатов за успехи в изучении хинди. Для упрочения хинди в официальной сфере была создана сеть курсов по изучению хинди служащими, с системой экзаменов (включая машинопись и стенографию на хинди); потребовалось также стандартизировать клавиатуру пишущих машинок, буквопечатающих телеграфных устройств и т. п. (см.: Ганди 1982). Вместе с тем правительство предусмотрело ряд мер для того, чтобы хинди не стал орудием дискриминации нехиндиязычного населения. Одна из ключевых мер — реализация в школах так называемой "формулы трех языков", согласно которой каждый учащийся изучает региональный язык (если это не хинди), хинди и английский.

* *
*

Таким образом, возможности воздействия государства и/или общественных объединений граждан на языковую ситуацию достаточно велики. Они основаны на том, что люди в состоянии контролировать социальный статус и функции отдельных языков и изменять их в нужном направлении. Чем шире и свободнее используется язык в своем социуме, тем более благоприятны условия для его развития и совершенствования, тем выше его престиж. Напротив, узость (или сужение) социальных функций языка (например, юридический или фактический запрет использования конкретного языка в государственных учреждениях либо в средней или высшей школе) обедняет коммуникативные возможности языка, обрекает его на застой и оскудение и в конечном счете осложняет жизнь общества.

* *
*

Историко-биографический экскурс: Ян Игнацы Нецислав (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ (1845 — 1929) о принципах национально-языковой политики.

Выдающийся польский и русский языковед Бодуэн де Куртенэ*, по характеристике его ученика академика Л.В.Щербы, "принадлежал к числу крупнейших теоретиков-лингвистов последней трети XIX века и начала XX века". Он был зачинателем или предшественником ряда новых направлений

* О фамилии и родословной Бодуэна Виктор Шкловский писал: "Род Бодуэна экстраординарен. Он польский только лет триста [...]. Профессор Бодуэн де Куртенэ — потомок крестоносцев, потомок иерусалимского короля Болдуина [...]. После многих сражений крестоносцы разбрелись. Не скоро попали в Польшу Бодуэны. От них и происходит Иван Александрович, который родился в 1845 г. в Радзимице, под Варшавой. Говорят, когда ему в Казани сильно надоела полиция, спрашивая о связях и происхождении, то профессор заказал карточки с обозначением: "*И. А. Бодуэн де Куртенэ. Иерусалимский король*" (Шкловский В. Жили-были. М., 1966. С. 95).

в языкознании — таких, как структурная лингвистика, лингвистика универсалий, психолингвистика и теория коммуникации. Им созданы Казанская, Петербургская, Варшавская лингвистические школы. Уже в начале века Бодуэн был европейской знаменитостью ("светило науки", как о нем вспоминают современники): академик Краковской академии, член-корреспондент Петербургской академии (кандидатура Бодуэна в действительные члены была отклонена в 1899 г. по политическим причинам), почетный доктор многих университетов, член международных научных сообществ, автор десятков книг и сотен научных статей.

Бодуэнское обостренное чувство справедливости не раз приводило его к конфликтам с властями России и Австро-Венгрии — из-за выступлений в защиту национальных меньшинств. В 1906 г. Бодуэн написал книгу "Национальный и территориальный признак в автономии" (опубликовать ее удалось только в 1913 г.; см.: Бодуэн де Куртенэ 1913). В этой работе Бодуэн предсказывал, что национальное угнетение в царской России приведет к заслуженной гибели империи (с. 83 — 84). Книга вызвала обвинение в антигосударственной деятельности, и Бодуэн несколько месяцев провел в петербургской тюрьме Кресты. Характерно, что и при Советской власти эта работа Бодуэна не переиздавалась.

В 1913 г. после революции в России Бодуэн возвращается в Польшу. Его избирают почетным профессором Варшавского университета. Вот что писал об этих годах Бодуэна его ученик, польский академик Витольд Дорошевский: "В своей вступительной лекции он сказал, что Польша возрождается как государство не для того, чтобы увеличить число государств — империалистических гиен. На эти слова часть аудитории реагировала аплодисментами, часть — свистом. В 1922 г. национальные меньшинства демонстративно выдвинули кандидатуру Бодуэна на пост президента Польши" (см. статью Дорошевского "Об И. А. Бодуэне де Куртенэ", напечатанную в качестве предисловия к изданию: Бодуэн де Куртенэ 1963, т. 1, с. 22).

Что же делало Бодуэна врагом империй и защитником меньшинств?

Резюмировать его концепцию по национально-языковому вопросу можно следующим образом*:

1. Национальная принадлежность человека — это явление социальное и культурное (а не биологическое) и определяется сознательно и индивидуально самим человеком (а не семьей, не школой и не государством или религиозной общиной). "В области национальности" без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда" (1913, 18). Аналог национальному самоопределению личности Бодуэн видел в вероисповедной принадлежности человека: это тоже социально-культурная и субъективно определяемая самим человеком черта его сознания. При этом Бодуэн считал вполне естественной возможность разных вариантов национальной, а также религиозной самоидентификации человека: "При сознательном отношении к вопросу о национальности и о других культурных группировках можно свободно принадлежать не только к одной такой культурной группе, но даже к нескольким разнообразным культурным группам или же не принадлежать ни к одной из них. Другими словами: вполне возможна сознательная (...) принадлежность к двум и более национальностям или же полная

* При изложении взглядов Бодуэна цитируются две его работы: указанная книга 1913 г. и статья 1916 г. (см.: Бодуэн де Куртенэ 1916). После цитаты в скобках указывается год публикации и соответствующая страница.

безнациональность, точнее внеациональность, наподобие безвероисповедности, или вневероисповедности“ (1913, 20 — 21).

2. В современном мире язык не является критерием определения национальной принадлежности человека (хотя в ранней истории язык и был “главным основанием для определения племенного родства“, 1913, 17). “Даже владея очень хорошо языком известного народа и принадлежа к нему по рождению, можно, однако же, по тем или другим причинам, выйти из его состава и, наоборот, плохое знание известного языка не мешает сознательному причислению себя к народу, пользующемуся этим языком как органом национального объединения“ (1913, 19).

3. Государство не должно быть ни национальным, ни религиозным, ни сословным, ни партийным. “Мы не допускаем отождествления государства ни с одной церковью, ни с одной национальностью и требуем, чтобы государство, и в целом и во всех своих частях, было вневероисповедным, внеациональным, одним словом, внепартийным. Подкладку государственности в наших глазах составляют одни только чисто реальные интересы, интересы экономические и общеполитические“ (1913, 57 — 58).

В этой связи становится понятной главная мысль книги (определившая и ее название — “Национальный и территориальный признак в автономии“) — мысль о необходимости четкого различения национального и территориального факторов при образовании автономий (государств). При этом реальной автономией, достижимой и действительно необходимой, Бодуэн считал именно территориальное (экономико-географическое) самоуправление. Что касается “национальной автономии“, то, согласно Бодуэну, национальность “сама по себе совершенно неприменима как признак автономии в строгом смысле этого слова. Частное понятие национальности подходит под общее понятие свободной группировки лиц, мнящих себя одинаково верующими, одинаково национализированными, одинаково партийными. Стало быть, вопрос “национальной автономии“ решается законом о полной свободе союзов и обществ. Другое дело обязательная территориальная автономия, автономия известной области. Вопрос о такой автономии решается на почве чисто земных, экономических и политических, интересов“ (1913, 24).

4. В современном мире стремление к “чистым“ (однациональным) национально-территориальным автономиям — это опасная утопия. “В связи с этим мы должны отбросить выросший на почве смешения понятий лозунг: “Россия для русских“, “Польша для поляков“, “Литва для литовцев“ и т. д. Россия для всех тех, кто в ней живет. Польша для всех тех, кто в ней живет. Литва для всех тех, кто в ней живет. При таком взгляде не может быть, конечно, речи о каких бы то ни было национальных и вероисповедных стеснениях, до позорящих Россию школьных процентов и до настолько же нелепой, насколько и жестокой черты оседлости включительно. Человек подлежит ответственности и наказаниям только за свои поступки, а ничуть не за происхождение и за принадлежность к тому или иному толку“ (1916, 23).

5. “Вопрос о принципах и границах территориальных автономий нельзя решать ни у себя в кабинете, за письменным столом ученого или бюрократа, ни на случайно набранных митингах... Неужели же, например, при определении автономии Польши мы можем руководствоваться некогда существовавшими границами независимого польского государства? Ведь эти границы постоянно менялись. “Исторические права“ Польши сталкиваются с “историческими же правами“ Литвы, Украины и т. д.“ (1913, 28 — 29). “Так называемые “исторические права“ являются просто правами насилия,

совершенного в прошлом" (1913, 29 — 30). "Схоластические и кроваж-ные "исторические права" я заменяю правами данного исторического момента" (1913, 32 — 33).

6. Бесперспективно и для гражданского мира опасно разделять людей на "коренных" и "пришельцев", "хозяев" и "гостей". "Отвергая ссылки на исторические права и ограничивая всю историю — как исходную точку для решения практических политических вопросов — одним только современным историческим моментом, мы, с точки зрения именно настоящего момента, считаясь с фактическим положением дела, должны признать всех без исключения жителей данной местности, данной области, данного государства или поголовно туземцами и хозяевами, или же поголовно пришельцами и гостями" (1916, 23).

7. Язык преподавания должен определяться не центральной государственной властью, а местным самоуправлением. "Язык каждой школы определяется согласно воле большинства населения данной самоуправляющейся единицы, с обеспечением, однако ж, всех прав меньшинства. Если меньшинство потребует непременно школы с другим преподавательским языком, это его требование должно быть удовлетворено, и даже с ассигнованием сумм из общинного, областного или же государственного казначейства в размере, соответствующем гражданским правам и платежной силе этого меньшинства" (1913, 77).

8. Межэтнический и междувероисповедный мир предполагает воспитание "общечеловеческого и общеуспокоительного мировоззрения... И тут я предложил бы обратить внимание на следующие школьные предметы:

1) Чрезвычайно много вреда в умственном и нравственном отношении приносит не критическое, чисто вероисповедное и фанатическое преподавание Закона Божия и связанной с ним так называемой священной истории [три строки вычеркнуты цензурой]... Я полагал бы необходимым, ввиду предохранения детских и юношеских умов от вероисповедной деморализации: или, следуя примеру хотя бы Японии, совершенно исключить из школ преподавание Закона Божия, или же, в случае если бы это оказалось пока невозможным и преждевременным, обязать преподавателей вести его критически.

2) Точно так же мы должны противодействовать развращению детских умов и насаждению в них чудовищного смешения понятий посредством преподавания истории. Особенно так называемая отечественная история является лучшим средством прививки человеконенавистничества вообще и народоненавистничества в частности" (1916, 26 — 27).

3) Рука об руку с преподаванием истории в деле засаривания голов [...цензурная купюра] может идти преподавание словесности и литературы. В предупреждение подобного вреда от литературы следовало бы требовать чтения и усвоения отрывков и произведений общечеловеческого содержания, с устранением всяких экскурсий в область идейного издевательства над теми или другими категориями ближних" (1916, 27).

9. "Наконец, необходимо всеми силами противодействовать обоготворению Молоха* государственности. Культ государства, государства ради, должен уступить место мировоззрению, что государство существует только

* *Moloch* (от финикийского *molek* — владыка, царь) — согласно Библии, финикийский и палестинский бог солнца, огня и воды, которому приносились человеческие жертвы, особенно дети. Переносно *Молох* — это страшная ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

как канва для успешного развития и процветания содержащихся в нем собирательных и чисто индивидуальных особей. Государственная мегаломания есть величайшее несчастье, ведущее прежде всего к гибели самого государства“ [пять строк вычеркнуто цензурой] (1916, 28).

10. “Во главе человеческих прав я ставлю, с одной стороны, права человеческого достоинства и права свободной самоопределяющейся человеческой личности, с другой же стороны, права экономического благосостояния и мирного сожительства всех обитателей как всего государства, так и его отдельных частей“ (1913, 32).

О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗНАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА НА РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

Что люди обычно хотят изменить в языке? Нет сомнений в том, что язык развивается в о т в е т на потребности общества. Иное дело — вопрос о том, насколько с о з н а т е л ь н о общество воздействует на язык и насколько удастся то, что планируется.

Беспокойный человеческий ум не раз останавливался перед видимым несовершенством языка. Нередко это несовершенство усматривали в самом разноязычии народов. С библейских времен разноязычие считалось Божьей карой за гордыню. Мечта о едином общечеловеческом языке побуждала конструировать искусственные языки. Известно около 1000 проектов таких языков, однако даже самый совершенный из них — эсперанто — не становится общечеловеческим языком или вторым языком каждого человека (см. с. 113 — 115).

Рационалистический XVII в. не устраивала видимая алогичность естественных языков — избыточность в обозначениях (синонимия) и многозначность, размытость и "субъективность" границ между языковыми значениями, неполный параллелизм синтаксиса "фигурам мысли". На этой почве возникали идеи искусственных формализованных языков науки. Все же проекты логико-математических языков Фрэнсиса Бэкона, Рене Декарта, Готфрида Лейбница оставались целиком теоретическими построениями, опередившими свой век. Тем не менее идеи искусственного логического языка — "орудия разума" — не погибли. В XX в. они реализовались в математических языках программирования, в искусственных информационных языках. Следует, однако, видеть, что все это хотя и нужные человеку языки, но не натуральные человеческие языки.

Нередко несовершенство языка видели в его недостаточной выразительности, гибкости, красоте или "чистоте". В любом обществе, сколько веков существует в нем представления о "правильном" и "красивом" языке, столько не смолкают разговоры о "порче" языка. Правда, сами представления о "правильности" и "порче" языка менялись. Менялся и профессиональный круг тех людей, которые замечали "порчу" и стремились каким-то образом "защитить" язык.

Между тем сама возможность сознательной "защиты", или "исправления", или "улучшения" языка вызывала и вызывает у людей скептические оценки, причем самые скептические — у лингвистов*. Действительно, сознательное воздействие на язык означает конфронтацию противоположных начал: 1) волевого, сознательного и неосознанного (полубессознательного, произвольного); 2) индивидуального и социального (коллективного). В

* Скепсис лингвистов, однако, не больший, чем отношение биологов к гипотезам о внеземном происхождении *Homo sapiens*.

состоянии ли индивид (или группа индивидов) изменить полубес-сознательные языковые привычки коллектива говорящих и тем самым изменить язык? Если это возможно, то в какой степени? Какие уровни и подсистемы языка в наибольшей мере доступны сознательному воздействию общества?

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим некоторые факты такого воздействия.

Можно ли считать табу* "сознательным воздействием на язык"? Не всякое активное отношение людей к своему языку в действительности представляет собой воздействие именно на язык. Например, табу в архаических социумах — это воздействие не на язык, а попытка воздействия на явления действительности, стоящие за языком (воздействие на зверя, болезнь, опасность, божество).

Словесные табу, по-видимому, могли быть разного происхождения. Видный этнограф и фольклорист Д. К. Зеленин считал, что первые словесные запреты возникли из простой осторожности первобытных охотников: они думали, что чуткие звери, понимающие человеческий язык, могут их подслушать и поэтому избежать капканов или стрел (см.: Зеленин 1929, 119). С древнейшими представлениями о том, что животные понимают речь человека, Зеленин связывал также переговоры с животными в быту, которые позже переросли в заклинания.

Источником табу могла быть и неконвенциональная (безусловная) трактовка знака архаическим сознанием: древний человек относился к слову не как к условной, внешней метке предмета, а как к его неотъемлемой части (о неконвенциональном восприятии знака религиозным сознанием см. с. 72 — 75). Чтобы не разгневать "хозяина тайги", избежать болезни или другой беды, не потревожить души умершего, запрещалось произносить "их" имена.

Так возникала магия слова, колдовство, в котором слово — орудие, инструмент. Табуированные слова заменялись эвфемизмами**, но и они вскоре табуировались и заменялись новыми эвфемизмами — это приводило к быстрому обновлению словаря в древности (см. с. 144 — 151).

Разумеется, лексические запреты, как и принудительные нововведения слов, существовали не только в древности. Удерживая черты магического ("инструментального") отношения к слову, табу в современном обществе осложняется некоторыми другими целями — такими, как сохранение традиционных культурных норм (соображения "такта", "приличий", психологи-

* Табу (от полинезийского *tapu* — всецело выделенный, особо отмеченный) — запрет совершать определенные действия (употреблять те или иные предметы, пищу, питье) или запрет произносить те или иные слова, выражения (особенно часто — собственные имена).

** Эвфемизм (греч. *euphēmismós* от *eu* — хорошо и *phēmī* — говорю) — замена табуированного слова приемлемым. Интересные примеры см. в параграфе "Табу и эвфемизмы" в книге: Реформатский 1967, 98 — 101.

ческой уместности), а также идеологический контроль, манипулирование массовым сознанием и т. п.

Например, во времена резких идеологических сдвигов сознательный разрыв с определенной традицией "требовал" хотя бы частичного отказа от соответствующего языка. В этом причина массовых лексических замен (в том числе даже таких идеологически нейтральных слов, как, например, названия месяцев), осуществленных в годы наиболее "крутых" в мировой истории революций — французской конца XVIII в. и русской 1917 г. (см. с. 151 — 152).

Лексические запреты, как и эвфемизмы, нередко являются особо изощренным цензурированием и "промыванием мозгов". Ср. свидетельство публициста о табуистическом искажении семантики слов *республика* и *страна* в советской печати: СССР представлял собой "псевдосоюз из псевдостран, стыдливо называвшихся республиками. Из гордого слова "республика" сделали чисто советский эвфемизм, обозначающий подневольную, невзাপравдашную, не имеющую самостоятельной воли страну. Помню, редактор всегда вычеркивал из моих текстов слово "страна", если я писал о Белоруссии, Украине или Таджикистане. Понятие "страна" дозволялось в единственном смысле" (В. Ярошенко. Попытка Гайдара// Новый мир. 1993. № 3. С. 122).

Таким образом, хотя реальные последствия табу весьма значимы для языка, все же табу трудно отнести к проявлениям сознательной активности общества по отношению к языку, поскольку цели табу лежат вне языка, язык здесь только с р е д с т в о. О сознательном воздействии общества на язык можно говорить в том случае, когда цели усилий людей направлены на сам язык.

Можно указать три основные языковые сферы, допускающие сознательное воздействие людей: 1) графика и орфография (см. следующий подраздел); 2) терминология (см. с. 136 — 138); 3) нормативно-стилистическая система языка (см. с. 138 — 141).

Реформы письменности. Наиболее ранние факты "вмешательства" человека в язык касаются письменности. В Китае в VIII в. до н. э. была проведена первая реформа иероглифики с целью выработки стандартных знаков, не имеющих разнописаний и "разнопониманий". По-видимому, графика и орфография — это та область в языке, которая более всего доступна рационализации, однако и здесь реформы не так легки.

Общеизвестен консерватизм английской орфографии*. После замены рунического письма латинским (с началом христианизации) английская орфография перестраивалась только однажды, в связи с норманнским влиянием, и обоснованно считается очень трудной. Не раз предлагалось ее реформировать, чтобы сблизить письмо и звучащую речь. Однако эти проекты, в разной степени радикальные, не были приняты. Дело в том, что любая реформа сложившихся норм всегда создает известные социальные и

* О которой шутят: "Пишется *Ливерпуль*, а читается *Манчестер*".

психологические трудности. Реформировать же письменность — трудно вдвойне.

Пушкин не случайно назвал орфографию "геральдикой языка". В сознании людей письмо противостоит "текучей" устной речи, это воплощенная стабильность, самый заметный и надежный представитель письменной культуры народа. В письме народ видит корни своей культуры. Нередко письмо (алфавит) оказывается устойчивее языка. Например, существуют тексты на белорусском и польском языках, писанные арабским письмом: это исламские книги татар, живших в Великом княжестве Литовском; арабское письмо они сохраняли дольше, чем язык. Именно письмо чаще всего отождествляется популярным сознанием с языком (и ошибки в орфографии — с незнанием языка).

В силу архаических традиций школьного образования люди склонны считать, что орфографические нормы — самые главные в языке. Это объясняется также тем, что орфографические нормы, в сравнении с нормами других уровней языка — орфоэпией, морфологическими и синтаксическими нормами, нормами словоупотребления, самые определенные и простые. Их легче всего описать правилами, кодифицировать в орфографическом словаре и требовать их соблюдения (т. е. исправлять орфографические ошибки). Пройдя в детстве жесткий орфографический тренинг, люди настроены по отношению к орфографии очень консервативно и не склонны здесь что-либо менять. Поэтому так трудно провести даже скромные подновления орфографии.

Если между орфографической нормой и потребностями практики возник конфликт, то, чем дольше эта орфография сохраняется в неприкосновенности, тем острее становится конфликт и тем труднее он разрешим. История реформ письма показывает преимущества своевременных и потому не слишком резких изменений сложившихся норм. Однако в любом случае нужна большая психологическая готовность общества к новому. Не случайно реформы письма обычно становились возможны в русле более широких социальных преобразований. Таковы Петровская реформа русской графики 1708 — 1710 гг. и графико-орфографическая реформа 1918 г. Характерно, что, хотя новая демократическая орфография была подготовлена еще в 1912 г., ввели ее только после революции, декретом наркома просвещения А. В. Луначарского.

Особой остротой отличается проблема реформирования письма в странах Дальнего Востока, использующих китайскую иероглифику.

Это связано со спецификой иероглифического письма в сравнении с алфавитным (буквенно-звуковым) письмом. Для алфавитной письменности характерны, с одной стороны, взаимная зависимость букв и звуков, а с другой, — асемантическая буква: они не имеют собственного значения. В отличие от букв, иероглифы — это двусторонние единицы (т. е. обладающие и формой и значением), при этом форма (начертание) иероглифа не зависима от звучания, она передает не звучание, а значение. С этим связаны следующие фундаментальные особенности иероглифической письменности: 1) ее нечувствительность к изменениям в звуковой организации языка; 2) высокая содержательная значимость иероглифической письменности: в этом отношении иероглифика сопоставима не с алфавитом, а со словарем; 3) исключительная трудность овладения иероглифическим письмом (вследствие многочисленности и сложности знаков).

Непрерывность иероглифической традиции древнего и средневекового Китая привела к уникальной консервативности китайского письма. Человек, преодолевший курс китайского традиционного образования, читает тексты тысячелетней давности так же легко, как сегодняшнюю газету. Он получает возможность и писать точно так же, как писали за многие столетия до него (см.: Софронов 1979, 161 — 162). Однако такое образование элитарно. Трудность иероглифики обрекала 90% населения на неграмотность. Опыт показывает, что без отказа от иероглифической письменности демократизация образования и культуры невозможна. Китайская иероглифика была заменена буквенно-звуковым письмом во Вьетнаме (1918), в Корее (1947 г., в Южной Корее — в 1973 г.), частично — в Японии (см. ниже).

Вместе с тем отказ от иероглифической письменности означает отказ от богатейшей культуры, созданной за четыре тысячелетия китайской традиции. Поэтому так мучительна проблема письма в Китае, где традиционная культура имеет наиболее глубокие корни. Китайская иероглифика сегодня — это "и ценное наследие, и тяжкое бремя". И все же и в Китае "переход к алфавитному письму является делом отдаленного, но реального будущего" (см.: Софронов 1979, 21). В возможностях общества — найти наименее болезненное, компромиссное решение конфликта, позволяющее сохранить наиболее ценное из культурного наследия прошлого. Языковой опыт Японии содержит одно из таких решений.

В Японии движение за демократическое письмо началось еще в 80-е гг. XIX в., но серьезные сдвиги стали возможны только после второй мировой войны. В 1946 г. старописьменный язык был отменен в официальной переписке. Тогда же был введен и е р о г л и ф и ч е с к и й м и н и м у м для печати и других средств массовой коммуникации — всего 1850 иероглифов. Было также сокращено количество чтений и унифицированы написания иероглифов, включенных в минимум. Позже были разработаны правила орфографии для японской вспомогательной азбуки (*кана*) и для латиницы, а также правила смешанной записи слов — иероглифическим и азбучно-звуковым письмом. При Министерстве просвещения был создан специальный орган языковой политики — Комиссия по проблемам родного языка. В задачи Комиссии входит частичный пересмотр иероглифического минимума, разбор споров о заимствованиях, казусы орфографии и орфоэпии и другие вопросы языка и культуры речи.

Разумная, энергичная и эффективная языковая политика в Японии серьезно переменила общественно-языковую практику в стране. Была преодолена типичная для феодальных культур обособленность элитарного книжно-письменного языка от повседневного языка народа. Возник "о б щ и й я з ы к" современной Японии — язык массовой коммуникации и повседневного социального и культурного общения (Языковая политика 1977, 235 — 248).

Создание терминологий. А.А.Реформатский называл термин слугой двух господ — терминологии и общей, неспециальной лексики (Реформатский 1961). В качестве члена системы специальных обозначений термин управляем; термины придумыв-

ваются в лабораториях и кабинетах, их упорядочивают в терминологических комиссиях, пропагандируют в "рекомендательных списках" и т.д. Однако в той мере, в какой термины остаются "просто" словами, они сопротивляются регламентации. Они сохраняют и/или развивают многозначность, при этом чем употребительнее термин, тем он более многозначен. Традиционная лексика профессионального просторечия не спешит уступать место рекомендованным нововведениям. И все же термины, в сравнении с обычной лексикой, в большей мере доступны сознательному регулированию.

В СССР этим занимались Комитет научно-технической терминологии (КНТТ) АН СССР и Госстандарт. КНТТ, помимо сводов терминов по разным отраслям науки и техники, издал ряд точных инструктивных пособий, написанных неязыковедами: Руководство по разработке и упорядочению научно-технической терминологии / Под ред. А. М. Терпигорева. М., 1952; Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961; Как работать над терминологией: Основы и методы. М., 1968.

Сотрудники Института русского языка АН СССР были постоянными рецензентами всех отраслевых ГОСТов, содержащих систематизированные списки терминов. На основе изучения функционирования терминологии в современном обществе в Институте вырабатывались рекомендации, позволявшие рационально и реалистически оценивать проекты терминологических систем, создавать терминологические словари, кодифицировать терминологии, находя разумные компромиссы между профессиональным узусом и общезыковыми нормами, между традиционными профессионализмами и новыми терминами. О направлениях этой работы, о лингвистических и социолингвистических аспектах терминологического строительства см.: Культура речи 1982; Научно-техническая революция 1977.

Количество терминов в современных языках огромно, это миллионы слов и словосочетаний. Однако эти миллионы распределены между тысячами отраслей знаний и техники и составляют периферию словаря, удаленную от ядра общенародной лексики. В отличие от орфографических реформ, затрагивающих каждого пишущего, нововведения в терминологии касаются только специальных и обособленных подязыков профессионалов. Эти подязыки всегда были устроены более рационалистически, чем общий язык. Поэтому здесь легче договориться и легче следовать рекомендациям терминологических комиссий.

Поскольку наука в значительной степени интернациональна, в сфере терминологии и специальных систем обозначений возможны международные договоренности, в особенности о точном содержании и "месте в системе" тех или иных обозначений. Примером такой международной координации может быть 2-томный Словарь славянской лингвистической терминологии, подготовленный Терминологической комиссией при Международ-

ном комитете славистов (издан в Праге, 1977 г.). Словарь содержит систематизированные (по разделам лингвистики) списки 2266 терминов на 11 славянских и 3 западноевропейских языках. В негуманитарных областях знаний возможности международной стандартизации терминологии еще больше.

Таким образом, в целом терминология — это та область языковых явлений, где результаты сознательного воздействия общества на язык наиболее ощутимы и перспективны.

Сознательное начало в истории литературных языков. Когда латынь утрачивала свое значение учено-литературного языка Европы и набирали силу новые (народные) языки, в Италии и Франции возникли специальные ученые сообщества, призванные "устроить" надлежащим образом народный язык и поощрять словесность на народном языке. Этими органами языковой политики были первые европейские академии, которые именно для филологических целей и создавались.

Старейшую в Европе Итальянскую академию (основана в XVI в.) называли "Академией отрубей" (*Accademia della Crusca*). Смысл названия в том, что Академия "просеивала язык", как просеивают муку, отделяя отруби. Сходные задачи нормализации языка стояли перед Французской академией: "создать словарь языка" и "начертать его грамматику" (цит. по работе: Будагов 1974, 49 — 50). Аналогична языковая программа Российской академии*. В ее первом уставе, написанном княгиней Е. Р. Дашковой (1783), говорилось: "...Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение. К достижению сего предмета должно сочинить прежде всего российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения" (цит. по кн.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1874. С. 360).

В языковых программах академий многое было наивно и утопично — например, вера в то, что языковые нормы можно определить "раз и навсегда" и что все будет именно так, как решит академия. Тем не менее филологические труды первых академий многое определили в характере нормативно-стилистических систем народных литературных языков. При этом спустя столетия плоды "просеивания", "защиты" или "устроения" языка нередко оказывались в чем-то неожиданными, непредвиденными.

Л. А. Булаховский так писал об отрицательных последствиях давней и чрезмерно строгой нормализации итальянского литературного языка: "Канонизация языка классиков XIII-XIV вв. (Данте, Петрарки, Боккаччо), сознательное запрещение, большей частью действительно осуществленное, выходить за границы грамматики и даже лексики великих флорентийских мастеров (...) или идеализация в качестве источников пополнения литературного языка чужих слов только определенного происхождения (галлицизмов и испанизмов) — все это в

* Не следует путать с Российской (Петербургской) Академией наук (основана в 1724 г.).

свое время сыграло негативную роль, сузив круг возможностей развития итальянского литературного языка, осудив его на большой отрыв от разговорного языка, приведя... к холодной аристократической ограниченности его стилей" (Булаховский [1941, 1946] 1975, 375).

Подобные расхождения между планами разумного "устройства" языка и фактическими результатами нормирования вполне обычны. Например, в истории чешского языка такими непредвиденными последствиями оказались искусственно реставрированная архаичность возрожденного литературного языка, его обособленность от обиходно-разговорной речи; в истории сербскохорватского литературного языка — некоторая суженность его стилистических возможностей (см. с. 45 — 47); в истории норвежского языка — раскол и хаос в языке, где необдуманное реформирование привело к конкуренции шести вариантов нормы, два из которых официально признаны литературными норвежскими языками.

Вот как описывает тупик в нормализации норвежского языка М.И.Стеблин-Каменский: "Приходилось обучать в школе двум "норвежским языкам"; переводить учебники, словари, официальные документы и т.д. на второй "норвежский язык"; переводить классическую норвежскую литературу с одного "норвежского языка" на другой, тем самым превращая национальную литературу в переводную; пытаться упорядочить орфографию, фактически приводя ее не к национальному единству, а к все большему хаосу; стремиться преодолеть национальный языковой раскол, в то же время фактически его усугубляя; все время искать выхода из создавшегося трагического положения и бесконечно обсуждать его устно и в печати, в частном порядке и в государственных комиссиях, тратя на споры, в сущности, совершенно бесплодные, ту энергию, которая могла бы быть затрачена на создание национальных культурных ценностей" (Стеблин-Каменский 1974, 94).

Периоды наибольшей активности общества по отношению к языку обычно совпадают с периодами своеобразного распутия в истории языковой нормы. Прежняя норма уже не отвечает новым тенденциям в употреблении языка, однако и новая норма еще не сложилась, и дальнейшее языковое развитие может пойти по одному из нескольких направлений. В истории русского литературного языка одно из таких распутий — это конец XVIII — начало XIX в.: борьба двух направлений (шишковистов и карамзинистов) — и третий, пушкинский, синтезирующий путь (см. с. 44 — 45). В истории сербскохорватского литературного языка — это первые десятилетия XIX в., когда его развитие могло пойти и по книжно-литературному пути Обрадовича и Негоша, и по фольклористическому пути Караджича (см. с. 45 — 47). В истории немецкого языка одно из таких распутий — это XVIII в.: конкуренция верхнесаксонских (майсенских) и прусских (позже берлинских) норм в процессе сложения национального литературного языка.

Вслед за критическими, поворотными моментами наступает период упрочения победившей модели нормализации. Борьба конкурировавших литературно-языковых школ и направлений

затихает. Сознательное воздействие общества на язык принимает более спокойный и частный характер: это, скорее, работа по внедрению принятых норм в языковую практику говорящих, т. е. борьба за культуру речи. Возможности общества здесь достаточно велики. Это, во-первых, ряд государственных учреждений, которые в состоянии прямо воздействовать на языковую практику говорящих, — прежде всего школа и затем средства массовой коммуникации, издательства, киностудии, театры и т. п. Ключевые фигуры такого практического воздействия на язык — учитель и редактор. Владение литературным языком является частью их профессиональной подготовки. Их речь, те тексты, которые они строят или санкционируют, служат речевыми нормативами для говорящих. Исправляя и порицая отступающих от нормы, т. е. в сущности в м е ш и в а я с ь в стихийную языковую практику говорящих, учитель и редактор защищают нормы литературного языка.

Во-вторых, воздействие общества на языковую практику может носить опосредованный характер: компетентные органы (например, такие, как Академия Российскойская под президентством Е. Р. Дашковой, или школьное министерство, или исследовательский институт родного языка и т. п.) проводят кодификацию языковых норм: составляют нормативные словари, грамматики, всевозможные справочники и руководства, а также создают консультативные службы по вопросам языка и культуры речи. Это своего рода "законодательные органы" языковой политики, в то время как школа, печать, массовая коммуникация — это ее, так сказать, исполнительные и местные органы.

Любые нормы, в том числе и языковые, по своей сути консервативны: они узаконивают сложившееся и признают этот порядок обязательным в будущем. Вместе с тем любые нормы не могут не меняться: неподвижные, окаменевшие нормы безнадежно отстали бы и оторвались от той меняющейся жизни, которую они призваны регламентировать. В современной теории культуры речи, восходящей к классическим работам Г. О. Винокура, Л. В. Щербы, языковедам Пражского лингвистического кружка, признано, что детальная и жесткая кодификация норм литературного языка и невозможна и нежелательна. Чрезмерный консерватизм нормы приводил бы ко все большему разрыву между литературным языком, прежде всего его письменными стилями, и живой разговорной речью. Это, с одной стороны, сковало бы развитие письменной речи, а с другой — было бы равносильно признанию, что все, что происходит в разговорной речи, — это беззаконие и хаос. В противовес ригористическим требованиям "исторической чистоты" языка в Пражском лингвистическом кружке был выдвинут принцип "г и б к о й" стабильности литературной нормы. Гибкая кодификация предполагает, во-первых, замену однозначных и жестких оценок речи (по принципу "правильно" — "неправильно") более тонкими, с учетом ф у н к -

циональной целесообразности тех или иных языковых средств в разных условиях общения. Во-вторых, гибкая, жизнеспособная кодификация внимательна не только к языку классиков, но и к живому современному языку, к тому новому, что возникает в нем сегодня. Это означает, что разумная кодификация не претендует на свою окончательность. (О развитии идей Пражской школы применительно к регулятивным аспектам культуры речи см.: Новое в зарубежной лингвистике 1988.)

Пределы сознательной активности общества по отношению к языку. По-видимому, самые значительные результаты такой активности связаны с национально-языковой политикой, т. е. с регулированием взаимоотношений между языками в многоязычной и полиэтнической ситуации (см. с. 115 — 131). Закономерности такой практики, безусловно, сложнее и масштабнее, чем активность людей по отношению к языку в одноязычных ситуациях. Однако обсуждение соответствующих "более простых" фактов (относящихся к одноязычной ситуации) помогает понять сами принципы и элементарные механизмы этих процессов.

Таким образом, если иметь в виду одноязычные ситуации, то легко видеть, что основными объектами сознательного воздействия общества на язык являются: 1) графика и орфография; 2) терминология; 3) нормативно-стилистическая система языка. Между этими объектами есть известная общность.

Во-первых, письмо, терминология и стилистика — это те языковые области, которые в самом своем зарождении наиболее прямо связаны с сознательно-культурным и искусственным началом в языке. Поэтому и в дальнейшем именно эти области оказались наиболее открытыми для сознательного воздействия людей.

Во-вторых, речемыслительные процессы, связанные с письмом, использованием терминологии и нормативно-стилистическим выбором, находятся ближе всего к тем сферам психического, которые в школе И. А. Бодуэна де Куртенэ называли "светлым полем сознания". Будучи наименее автоматизированными, протекая под большим контролем разума, они способны относительно легко перестраиваться в соответствии с новыми требованиями, продиктованными обществом.

В-третьих, прослеживается известное сходство в "местоположении" письма, терминологии и нормативно-стилистических "добавок" к языковым значениям: это периферия языка. В самом деле, письмо — это вторичная надстройка над природной звуковой материей языка, периферия его формы; терминология представляет собой периферийные зоны словаря, специализированные и

потому обособленные друг от друга; наконец, нормативно-стилистическая система, в качестве семантической области, которая складывается из таких содержательных компонентов, как "правильное", "неправильное", "разговорное", "книжное", "канцелярское", "просторечное", "высокое", "низкое" и т. п. (см. с. 44), — это периферия языка по отношению к его семантическому ядру.

В-четвертых, характерна факультативность (необязательность) самого наличия в конкретном языке письма, терминологии или нормативно-стилистической обработанности: в большинстве существующих на Земле языков эти явления отсутствуют; в тех языках, где они имеются, они не изначальны.

Таким образом, наиболее глубокие языковые сущности — фонология, грамматика, основной словарный фонд — лежат вне досягаемости волевого воздействия на язык. Для тех областей языка, которые могут меняться под таким воздействием, характерны: а) наибольшая осознанность говорящими; б) периферийное, как бы поверхностное положение в языке, в) допустимость вариантов; г) известная факультативность.

Своеобразие этих сфер языка проявляется в парадоксальности, с одной стороны, их объективного места в языке, а с другой — "субъективного" отношения к ним говорящих. С точки зрения коммуникативной сущности языка они периферийны и необязательны; однако людьми они воспринимаются как центральные и наиболее существенные сферы языка. Нормативно-стилистические качества речи, орфография, а также в профессиональной среде терминология — это то в языке, на что люди обращают внимание в первую очередь, что может их остановить, задеть, взволновать, вызвать оценочную реакцию ("хорошо", "плохо", "красиво", "нелепо", "безграмотно", "безвкусно", "невежественно" и т.п.). Вот почему "покушение" на стилистический узуз в литературном манифесте или скромное подновление орфографии говорящие могут воспринять как события, меняющие весь язык (хотя в действительности такие реформы лишь слегка затрагивают периферию языка). В то же время наиболее глубокое и существенное в языке — его находящаяся вне стилистики и вариативности структура пребывает вне сферы действия реформ и вне людских оценок. Создатель кибернетики Норберт Винер, глубоко видевший разную коммуникативную ценность структуры языка и языковой нормы, писал: "Совершенно верно, что при утонченном исследовании языка нормативные вопросы играют свою роль и что они являются весьма щекотливыми. Тем не менее эти вопросы представляют последний прекрасный цветок проблемы общения, а не ее наиболее существенные ступени" (Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С.99).

Сознательная активность людей по отношению к языку наиболее ярко и значительно проявляется в периоды формирования литературных языков или смены одной нормативно-стилистической системы новой нормой. Это воздействие может заключаться в выборе диалектной базы литературного языка; в сознательном отборе определенного корпуса текстов в качестве эталонных, образцовых; в сознательном формировании определенных языковых идеалов, языковых вкусов и привычек говорящих.

Естественно, однако, что в процессе сложения нормативно-стилистической системы весьма значительно и стихийное начало.

В сравнении с реформами письма или упорядочением терминологии, формирование литературного языка — это принципиально менее управляемый процесс. В истории литературных языков есть драматизм и есть ирония. История показывает, что программы сознательного воздействия на язык не бывали до конца и вполне осуществлены. В каждой такой программе есть доля утопии. С другой стороны, результаты сознательных усилий во многом оказывались "незапланированными", неожиданными, потому что языковая действительность сложна, противоречива, стихийна и в конечном счете более могущественна, чем это представлялось "устроителям" литературных языков. При этом, чем сильнее и самобытнее письменная традиция, тем менее "управляем" литературный язык, тем органичнее и как бы незаметнее, меньше сознательное человеческое "вмешательство" в естественный ход вещей.

В сложившемся литературном языке кодификация в основном ретроспективна: словари и грамматики отражают естественно складывающийся и естественно (и достаточно медленно) меняющийся узус. Если это и можно назвать "регламентацией языка", то она напоминает того мудрого и потому полновластного короля из "Маленького принца", который, дождавшись рассчитанного заранее момента солнечного заката, решительно повелевал, чтобы солнце зашло.

Определяя в известной мере состав языковых средств, образующих норму языка, а также воспитывая языковые вкусы говорящих, общество тем самым воздействует на их языковую практику. В воздействии на речь индивидов заключены возможности опосредованного воздействия общества на структуру языка.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ

Своеобразие языка на разных ступенях социальной истории народа. Развитие языка зависимо от внеязыковой действительности — от социальной и культурной истории народа, от своеобразия его психического склада, образа жизни, видения мира. Влияние общества на язык глубоко и разнообразно. Именно здесь, в истории общества, сознания, культуры, скрыты первопричины развития языка. В конечном счете, язык развивается потому, что развивается общество: язык изменяется, отражая меняющийся мир; изменяется, отвечая новым типам и формам общения; изменяется, потому что развивается сознание и мышление человека.

Одно из проявлений связи между историей языка и историей общества состоит в том, что существуют особенности языка и языковых ситуаций, соответствующие определенным ступеням этносоциальной истории общества. Можно говорить о своеобразии языков общинно-первобытного (племенного) строя, языков феодальной поры, языков послефеодальных формаций.

Язык в первобытном обществе. Языки первобытно-общинных времен были языками вида *Homo sapiens*, т.е. они принадлежат тому же классу семиотических систем, что и любой современный язык. Вместе с тем в рамках этой общности языки первобытной поры отличаются удивительным своеобразием. Аналоги некоторым экзотическим чертам первобытных языков могут быть обнаружены в виде остаточных следов и следствий в языках позднейших формаций и в языках так называемых "архаических" социумов в современном мире.

1. Для языкового состояния первобытно-общинной поры характерны множественность и дробность языков в рамках языковой семьи при отсутствии четких границ между языками. На сравнительно небольших пространствах сосуществовало множество родственных языков и диалектов, образующих языковой континуум* (языковую непрерывность).

* *Континуум* (от лат. *continuum* — непрерывное, сплошное) — первоначально термин математики и физики; в общенаучном смысле континуум — это непрерывная, или связанная, совокупность объектов, различия между которыми носят градуальный (ступенчатый) характер и определяются местом объектов в данной совокупности.

Это такая ситуация, когда два соседних языка очень похожи, близки друг к другу; языки, отстоящие друг от друга через один, похожи менее; через два — еще менее и т. д. (см.: Степанов 1975, 173). Именно такой языковой ландшафт — диффузный и дробный — застал в 70 — 80-х гг. XIX в. Н. Н. Миклухо-Маклай в Новой Гвинее.

"Почти в каждой деревне Берега Маклая — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов. Жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовались два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы" (Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. М.-Л. 1940. Т. 1. С. 243). Переводчиками обычно бывали пожилые мужчины, специально пожившие в соседнем племени, чтобы узнать язык.

Близкая картина наблюдается в современной Африке, Австралии, Океании (см. с. 115 — 116). В условиях языкового континуума нередко трудно определить, чем являются два похожих соседствующих языковых образования: родственными языками или диалектами одного языка (см. с. 94 — 95).

2. Для первобытной поры характерно быстрое изменение языков вследствие постоянных и глубоких языковых контактов. В первобытном бесписьменном обществе языковая история протекала бурно. Время существования одного языка могло быть и бывало очень непродолжительным. Не закрепленные в письменной традиции, языки легко забывались, и это никого не беспокоило. Военная победа племени не всегда означала победу языка этого племени. Победители нередко усваивали язык побежденных; нередко возникал новый гибридный язык (см. с. 152 — 156, 169 — 170, 173 — 176).

3. Для языков первобытной поры характерно существование групповых подязыков — мужских, женских, а также юношеских и девичьих в период инициации (иногда в значительной мере тайных). Дело в том, что биологические различия людей по полу определяли общественное разделение труда в значительно большей мере, чем в последующей истории человечества. Мужские и женские языки различались прежде всего словарем. Охотничью или строительную лексику знали только мужчины, а лексику домоводства — женщины. Различия могли касаться также состава фонем: например, до сих пор в некоторых русских говорах только в женской речи наблюдается так называемое "сладкогласие" — произнесение вместо звука [p] звука [й]: *бйат*, *бейбза* (брат, береза).

С течением времени социальные функции мужчины и женщины медленно, но верно сближались, однако и позже различия между мужской и женской речью во многом сохраняются. Женская речь более консервативна (не случайно диалектологи стремятся наблюдать именно речь женщин, особенно изучая

синтаксис). В словаре женщин больше эмоционально-оценочных слов, прежде всего уменьшительно-ласкательных, больше эвфемизмов; в их речи чаще звучат слова с мягкими согласными; для женской фонетики характерно более выразительное участие губ (в сравнении с мужской артикуляцией тех же губных звуков)*. В стилистическом плане мужская речь более книжна, чем женская (естественно, при сопоставимости темы и условий общения), сложнее по синтаксису и более насыщена интеллектуально (однако не эмоционально).

4. В XIX — XX вв. исследователей архаических социумов поражало, как много в племенных языках названий для всего конкретного и единичного, что позволяло аборигенам в зримых, слышимых, осязаемых подробностях представлять в речи внешний мир, — и это при заметных лакунах в сфере общих родовых обозначений.

"У них [австралийских аборигенов. — Н. М.] нет общих слов, как дерево, рыба, птица и т. д., но исключительно специфические термины, которые применяются к каждой особой породе дерева, птицы и рыбы". "Австралийцы имеют отдельные имена почти для каждой мельчайшей части человеческого тела: так, например, вместо слова "рука" у них существует много отдельных слов, обозначающих верхнюю часть руки, ее переднюю часть, правую руку, левую руку и т. д." "В области Замбези каждое возвышение, каждый холм, каждая горка, каждая вершина в цепи имеет свое название, точно так же, как каждый ключ, каждая равнина, каждый луг, каждая часть и каждое место страны... обозначено специальным именем... Оказывается, география примитивного человека гораздо богаче нашей" (цит. по: Выготский, Лурия 1993, 96 — 97).

Характеризуя мыслительные возможности сознания, основанного на языках с изобилием слов конкретной семантики, но с ощутимой нехваткой (в сравнении с европейскими языками) слов с абстрактными и общими значениями, Л. С. Выготский писал: "Язык примитивного человека выражает образы предметов и передает их точно так, как они представляются глазам и ушам. Точное воспроизведение — идеал подобного языка... Такое пластическое, подробное описание представляет и большое преимущество, и большой недостаток примитивного языка. Большое преимущество — потому, что этот язык создает знак почти для каждого конкретного предмета и позволяет примитивному человеку с необычайной точностью иметь в своем распоряжении как бы двойники всех предметов, с которыми он имеет дело... Однако наряду с этим язык бесконечно загружает мышление деталями и подробностями, не перерабатывает данные опыты, воспроизводит их сокращенно, а в той полноте, как они были в действительности" (см. Выготский, Лурия 1993, 98, 100). Сознанию, которое опирается на язык минимально абстрагированный, еще не отвлеченный от наглядной и наивной картины мира язык, трудно вырабатывать обобщающие и абстрактные понятия (представления) и "связывать" их в суждения и умозаключения (см. также с. 166 — 168).

5. Существенная особенность первобытного общения состоит в том, что коммуникация на основе звукового языка включает в себя самое широкое использование языка жестов (к которому в филогенезе Homo sapiens и восходит звуковой язык). "Язык примитивного человека, в сущности говоря, есть двойной язык: с одной стороны, язык слов, с другой — язык жестов" (Выготский, Лурия 1993, 100).

* Недаром в русском языке возникли выражения губки бантиком держать, складывать губки сердечком — о манерной, кокетливой или утрированно женственной речи.

6. Для языков первобытной поры характерно широчайшее табуирование слов и выражений (о природе табу см. с. 24 — 26, 133 — 134). Существовали табу, связанные с охотой, рыболовством; со страхом перед болезнями, смертью; с верой в домовых, в "сглаз", порчу и т. п. Для разных половозрастных групп были свои запреты; свои табу были у девушек и у юношей до брака, у кормящих грудью, у жрецов и шаманов. Следствием табу было исключительно быстрое обновление словаря племенных языков. Вот как описывает эту динамику Дж. Фрэзер:

"Если имя покойного совпадает с названием какого-нибудь предмета общего обихода, например животного, растения, огня, воды, считается необходимым такое имя исключить из разговорного языка и заменить другим. Этот обычай, очевидно, является мощным фактором изменения словарного фонда языка; в зоне его распространения происходит постоянная замена устаревших слов новыми... Новые слова, по сообщению миссионера Добрицхоффера, ежегодно вырастали, как грибы после дождя, потому что все слова, имевшие сходство с именами умерших, особым объявлением исключались из языка и на их место придумывались новые. "Чеканка" новых слов находилась в ведении старейших женщин племени, так что слова, получившие их одобрение и пущенные ими в обращение, тут же без ропота принимались всеми абипонами [племени в Парагвае. — Н. М.] и, подобно языкам племени, распространялись по всем стоянкам и поселениям. Вас, возможно, удивит, добавляет тот же миссионер, покорность, с какой целый народ подчиняется решению какой-нибудь старой ведьмы, и та быстрота, с какой старые привычные слова полностью выходят из обращения и никогда, разве что в силу привычки или по забывчивости, более не произносятся. На протяжении семи лет, которые Добрицхоффер провел у абипонов, туземное слово "агуар" поменялось трижды; те же превращения, только в меньшей степени, претерпели слова, обозначающие крокодила, колючку, убой скота. Словари миссионеров, в силу этого обычая, буквально кишели исправлениями" (Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980. С. 287 — 289).

Отношение к языку как к средству магии (см. с. 24 — 26) характерно в первую очередь именно для первобытных и архаических социумов.

7. Д. С. Лихачев считал характерными для "языкового примитивизма", а также для "атавистической речи" такие черты речи уголовников, как семантическая расплывчатость, диффузность словоупотребления, "нестабилизованность семантики" (Лихачев 1935, 75)*.

"Например, слово "навернуть" не может быть иначе передано, как 'вообще что-то сделать', 'произвести'. Можно "навернуть скачок" — 'обокрасть со взломом', "навернуть малину" — 'достать тайную квартиру, тайное помещение', "навернуть фрайера" — 'обмануть кого-либо', "навернуть бабочек" — 'раздобыть денег' и т. д. Тот же характер несут такие слова, как "хурдачить", "зашататься", "жухнуть" (...), "зажурился", "стрёбать" и т. п. ...Смысл слова может быть только разгадан в фразе и в конкретной обстановке, в определенной внешней ситуации. Эта особенность воровской речи делает ее несомненно весьма близкой диффузности первобытной семантики" (с. 70 — 71).

* Эту работу Д. С. Лихачев написал по материалам, которые собирал, находясь в заключении в Соловецком лагере. Статья недавно перепечатана в издании: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992 С. 354 — 398).

Семантическая диффузность характеризует не только лексику, но и грамматику первобытного или атавистического языка: "Рассматривая деградацию существительного, глагола и междометия в воровском языке, стремящихся слиться друг с другом, мы приходим к предположению, что наиболее примитивным словом было слово, в котором диффузно сливались элементы междометия, существительного и повелительного наклонения, слово, устанавливающее в наличии известный факт и вместе с тем дающее приказание к известному действию. Одновременно это слово было магически и эмоционально заряжено" (с. 91).

В воровской речи Лихачев видел "болезнь языка", с диагнозом "инфантилизм языковых форм", "тенденция к языковому примитиву", "господство пралогического мышления" (с. 94, 93). Вот почему его замечательно глубокий очерк — это концепция не только воровского арг, но и первобытных языков.

Языки ранних государств. Языковые ситуации феодальной поры.

Первые государственные образования возникают примерно в то же время, когда у народа появляется письменность ("изобретается", создается или, что чаще, заимствуется и в той или иной мере приспосабливается к своей фонетике). Возникает частная собственность, углубляется общественное разделение труда, на смену обычному праву, суду старейшин приходят писанные законы и профессиональные институты власти. Эти глубочайшие процессы (а это именно длительные процессы, а не одномоментные "сдвиги", открывающие "новую эру") означали кардинальное изменение социокультурного бытия человека.

Естественно, что эти процессы воздействовали и на характер языковой коммуникации, и на сами языки. При этом различия рабовладельческой и феодальной формаций для истории языков представляются менее значимыми, чем их общие черты: все это ранние формы государственности, ранние века письменности, ручной труд в производстве (в том числе "рукописание" в сфере письменной культуры). Поэтому далее речь пойдет о языковом своеобразии феодальной поры. Вопрос о влиянии письма на языки будет рассмотрен на с. 152 — 158.

1. Для языковых ситуаций в средние века характерен особый вид культурного двуязычия, которое образуют, с одной стороны, надэтнический язык религий и книжно-письменной культуры (близкой к религиям), а с другой — местный (народный) язык, обслуживающий обиходное общение, в том числе отчасти и письменное. Эта черта языковых ситуаций связана с преобладанием в средние века религиозного мировоззрения, существованием мировых религий, с неконвенциональной трактовкой знака в религиях Писания (см. с. 72 — 76).

2. В истории языковых ситуаций феодальная эпоха — это пик диалектных различий, диалектной дробности и обособленности. Так отражается в языке феодальная раздробленность, слабость экономических связей в условиях натурального хозяйства, общая

оседлость жизни. Интенсивная миграция племен первобытной поры прекратилась; образовались государства с более прочными границами. При этом границы многочисленных диалектов в целом совпадали с границами феодальных земель. Вместе с тем в феодальную пору складываются и наддиалектные формы общения (койне, см. с. 30 — 33). Позже на основе койне формируются народные (этнические) литературные языки — такие, как хинди, французский, русский (в отличие от надэтнических культовых языков — таких, как санскрит, латынь, церковнославянский).

3. Для феодальной поры характерна сложная иерархичность и строгая регламентированность, своего рода церемониальность книжно-литературного общения. Таковы черты самого феодального общества — с его сложной и консервативной социальной структурированностью (четкое разделение общества на клир и мир; многоярусная церковная и светская иерархия; вассалитет — сюзеренитет феодалов; цехи и гильдии ремесленников и купцов; прикрепленность крестьян к земле); сложным этикетом отношений между людьми; сложной системой эстетических правил, условностей, приличий. Применительно к средневековому искусству слова Д. С. Лихачев писал, что "литературный этикет и выработанные им литературные каноны — наиболее типичная средневековая условнонормативная связь содержания с формой" (Лихачев 1971, 96).

"Из чего складывается этот литературный этикет средневекового писателя? Он складывается: 1) из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; 2) из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; и 3) из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения, этикет словесный. Все вместе сливается в единую нормативную систему, как бы предустановленную, стоящую над автором... Писатель выбирает, размышляет, озабочен общей "благообразностью" изложения. Самые литературные каноны варьируются им, меняются в зависимости от его представлений о "литературном приличии". Именно эти представления и являются главными в его творчестве... Литературный этикет вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д." (Лихачев 1971, 108 — 109).

4. В сравнении с современной культурой, для средних веков характерно более пристальное и пристрастное внимание к слову. Это черта культур, развившихся на основе религий Писания (см. с. 72 — 76). Книжные люди средневековья видели в слове ключ к познанию тайн бытия, записанных в священных текстах. В способности человека записать и прочесть текст виделась волнующая тайна, раскрывающая человеческую сущность. В звуковом составе слова, в особенностях начертания, во внутреннем смысле составляющих слово морфем искали отражения сущности вещей. Д. С. Лихачев писал о таком подходе к языку и миру (речь идет о Константине Костенечском, болгарском

книжнике XV в.): "Познание для него, как и для многих богословов средневековья, — это выражение мира средствами языка. Слово и сущность для него неразрывны... Между языком и письменностью, с одной стороны, и явлениями мира, с другой — существовала, по мнению Константина, органическая связь" (Лихачев 1973, 85 — 86).

Историк науки определяет культуру средних веков "как культуру текста, как комментаторскую культуру, в которой слово — ее начало и ее конец — все ее содержание" (Рабинович 1979, 269). Для средневекового мышления текст — это не только имя или Евангелие, но и ритуал, и храм, и небеса (С. С. Аверинцев: "небеса как текст, читаемый астрологом"). Вся средневековая наука — его "наука по поводу слова, единственного средства для схоластического экспериментирования" (Рабинович 1979, 262).

Говоря о различии в отношении к слову между средними веками и новым временем, С. С. Аверинцев пишет: "Карл Моор у Шиллера не может энергичнее выбрать свой век, как назвав его "чернильным" веком. Средние века и впрямь были — в одной из граней своей сути — "чернильными" веками. Это времена "писцов" как хранителей культуры и "Писания" как ориентира жизни, это времена трепетного преклонения перед святыней пергамента и букв" (Аверинцев 1977, 208).

Языковое существование в послефеодалное время. Развитие капитализма, углубляя общественное разделение труда, способствует всесторонней консолидации общества — экономической, политической, этноязыковой, информационной. Для языкового развития в послефеодалное время характерны следующие черты:

1. Прослеживается отчетливая тенденция к стиранию диалектных различий, к преодолению диалектной дробности. Однако этот процесс медлен и идет разными темпами: интенсивно там, где рано сложилась сильная центральная власть (как, например, в Англии, Франции), и сравнительно медленно — в странах, где долго сохранялась феодальная раздробленность и сильны традиции федерализма (например, в Италии, Германии).

Вместе с тем, в отличие от якобинского Конвента в революционной Франции, требовавшего искоренить диалекты и запретить региональные языки, в современном мире растет понимание культурно-психологической ценности диалектов. Как деревня или городок детства — это малая родина человека, так и материнский диалект — это его языковая малая родина. Для человека в родном диалекте сохраняется жизненно важный опыт его первого знакомства с миром. Поэтому, овладевая литературным языком, важно сберечь в языковом сознании мир родного диалекта.

В ряде высокоразвитых стран (Словения, Германия, Япония) диалекты или диалектно окрашенная речь сохраняются как семейно-бытовой язык. Словенская филологическая традиция, в том числе учебники для средних школ, воспитывает уважительное отношение к диалектам. Подчеркивается, что диалекты ограничены только территориально, но по социальному статусу и выразительности они вполне сопоставимы с наддиалектной разговорной речью.

В Японии, после планомерной выработки "общего языка" страны (языка массовой коммуникации, см. с. 134 — 136), "по-новому встал вопрос о диалектах", — пишет японский лингвист, — "Теперь уже стихия диалектов не опасна для общего языка, так как в значительной степени они преодолены в масштабах всей

страны. Теперь уже, напротив, стоит вопрос о сохранении прелести и аромата некоторых элементов диалектов, скорее как стилистического средства, и они охотно воспринимаются в Японии слушателем радио и зрителем телевидения в передачах типа "театр у микрофона", ими сознательно с большим успехом пользуются девушки-гиды в туристских автобусах. Диалект теперь — приправа к местному колориту" (цит. по изданию: Языковая политика 1977, 246).

2. Для языкового развития в послефеодальное время характерна тенденция к сложению литературного языка с большим разнообразием коммуникативных функций (чем у литературных языков феодальной поры). Литературные языки нового времени выходят за рамки письменного общения: в сферу образцового употребления включается и такая важная коммуникативная разновидность языка, как разговорная речь (см. с. 30 — 33, 37 — 39). Так социальная интеграция общества обуславливает растущее языковое единство этнического коллектива.

Что изменяют в языках революции? Революции, состоящие в "коренной ломке общественных отношений", не приводят к ломке, "взрыву" или "скачку" в истории языка. Тем не менее последствия таких крутых социальных сдвигов сказываются и на языке.

Самые заметные (но не самые значительные и глубокие) последствия — это переименования социально значимых профессий, должностей, институций (русск. *министр* > *народный комиссар*; *офицер* > *командир*; *солдат* > *боец* или *красноармеец*; *полиция* > *милиция*; *жалованье* > *зарплата* и т.д.). По своей природе переименования сродни табуистическим заменам: это отголоски магической функции речи, веры во взаимозависимость имени и вещи (см. с. 33 — 37).

Более серьезное воздействие революции на язык связано с перемещением и смещением огромных масс населения в территориальном и социальном пространстве. Носители разных территориальных и социальных диалектов попадают в новые языковые среды, их речь испытывает влияние чужой речи и сама влияет на речь других. Процессы такого рода ведут к ослаблению различий между разными формами существования языка, к преобразованию его нормативно-стилистического уклада. В частности, бурные события 1917-го и последующих годов ускорили движение русского литературного языка по пути демократизации. С одной стороны, утрачивались наиболее книжные формы интеллигентской речи (ср. сложный, развернутый синтаксис многих монологов в пьесах Чехова). С другой — нижние границы "правильной" (литературной) речи слились с повседневным полуинтеллигентским общением, вобравшим в себя множество языковых черт новых хозяев жизни.

А. М. Селищев в книге "Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 — 1926)" показал ряд общих черт в "революционном" русском языке и во французском языке времен революции конца XVIII в., связанных с крайней политизацией общества. В условиях ораторской активности и острой полемики стали продуктивны образования от имен лиц, причем и с положительной (*ленинизм, троцкист*), и с отрицательной коннотацией (*красовищина, махновщина*). В публицистике возродилась крайне патетическая фразеология и образность (*суровая рука революционной законности, рушится царство насилия* и т.п.), а наряду с этим стали обычными элементы просторечия, жаргонизмы (ср. в "Правде": *Бухарин, один из лучших теоретиков, наш дорогой Бухарчик; совдурак*). Как и в революционной Франции, широко распространилось тыканье. Селищев отмечает также сходство некоторых семантических процессов: франц. *travailler* — это 'обрабатывать' не только дерево, камни, железо, но и народ, толпу, публичное мнение, войска. Такая же сочетаемость появилась в революцию и у русск. *обрабатывать*. Типична также и противоположная направленность семантического процесса: *выколачивать марксизм*. Под французским влиянием в русскую революционную фразеологию вошли обороты *старый режим, порядок дня, объявить вне закона, декрет, экспроприация* и т. п. (Селищев 1928).

Таким образом, революционные потрясения отражаются сильнее всего на нормативно-стилистическом укладе языка.

Письмо и книгопечатание как факторы языковой эволюции.

Главное событие в истории коммуникации. Во введении к учебнику С. И. Соболевского "Древнегреческий язык" (М., 1948) есть такие слова: "История застаёт греков уже разделёнными на несколько племен, говоривших на разных наречиях или диалектах" (с. 5).

Что в этом контексте значит слово *история*?

Во-первых, это **п и с а н н а я** история и потому лучше известная, более достоверная; в ней люди, годы, события индивидуально-конкретны и неповторимы — благодаря письму. Во-вторых, история здесь — это еще и качественно иной этап культуры и цивилизации, настолько новый, что все предшествующее кажется предысторией — и это тоже благодаря письму.

В письме люди долго видели чудо, поэтому многие народы верили, что письмо создали боги. "У вавилонян письмо изобрел бог *Набу* — покровитель наук и писец богов... В китайских легендах изобретателем письма считался либо *Фу-си* — основоположник торговли, либо мудрец *Цан Цзе* с ликом четырехглазого дракона. По представлению древних евреев, у них, помимо более позднего "человеческого" письма (Исход 8, 1), некогда имелось более древнее "божественное" письмо (Исход 21, 18). По исламской традиции, сам Бог был создателем письма. С точки зрения индусов, им был *Брахма*; считалось, что именно он дал людям знание букв. Скандинавская сага приписывает изобретение рун *Одину*, а в ирландских легендах изобретателем письма является *Огме*" (Гельб 1982, 219 — 220).

В некоторых ближневосточных мистических учениях письмо, сам алфавит считались священными. Позднеиудейское "преклонение перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн" (Аверинцев 1977, 201) сказалоcь в мистических интерпретациях алфавита у каббалистов, лифаторейцев, гностиков, астрологов,

чернокожих. Общую направленность и стиль мышления таких интерпретаций можно почувствовать по одному старинному рассуждению о латинском алфавите: "Латинский Алфавит... является идеографическим отражением великих греческих мифов...; по этой причине он преподносит нам... удобное для пользования 'выражение' фундаментальных истин, содержащихся в человеке и во Вселенной, истин живых, 'Божеств', которые представляют собой манифестацию Единой Истины, созидательной и суверенной" (цит. по работе: Гельб 1982, 221).

Вместе с тем миф о божественном создателе письма — это часто последний миф, им завершаются мифопоэтические традиции. С созданием письма заканчивается мифологический и фольклорный этап развития народа — заканчивается "дошкольное", бесписьменное детство человечества, полное детской беспечности и детских страхов.

В истории человеческой коммуникации создание письма остается самым главным событием. Оно привело к огромным изменениям в характере языкового общения людей, а вслед и вследствие этого — к невиданному ускорению информационных, технологических и социальных преобразований.

Чтобы наглядно представить стремительный прогресс за последнее столетие информационных технологий (а ему соответствует и лавинообразное возрастание объемов информации, циркулирующей в обществе), американский специалист по теории коммуникации Ф. Уиллиамс сравнил историю *Homo sapiens* с двумя оборотами по кругу часовой стрелки, т.е. 36 тыс. лет представил как одни сутки, 24 часа. Тогда развитие информационных потребностей и возможностей людей выглядит так:

00-00	— 36 тыс. лет назад	—	появление вида <i>Homo sapiens</i> , коммуникация посредством звукового языка
08 ч 00 мин	— 14 тыс. лет назад	—	наскальная живопись
20 ч 00 мин	— 6 тыс. лет назад	—	пиктография и иероглифика
22 ч 00 мин	— 5 тыс. лет назад	—	буквенно-звуковое письмо
23 ч 38 мин	— 1453 г.	—	книгопечатание
23 ч 55 мин	— 1876 г.	—	телефон
23 ч 55 мин 47 с	— 1895 г.	—	кино, радио, телеграф
23 ч 57 мин 40 с	— 1942 г.	—	компьютер
23 ч 57 мин 52 с	— 1947 г.	—	транзистор
23 ч 58 мин 02 с	— 1951 г.	—	цветное телевидение
23 ч 59 мин 01 с	— 1978 г.	—	видеодиски*

Легко видеть, что началом цивилизации было создание письма. Воздействие письма на информационно-языковые процессы проявлялось в следующих тенденциях:

1. Резко возрастает количество и меняется качество информации, циркулирующей в обществе. Информация, которой обладало бесписьменное племя, содержалась в племенном фольклоре — в мифологии, в исторических преданиях, эпосе (былинах, сагах), в пословицах и приметах. В целом это знание не превышало информации, которую мог удерживать в памяти и передавать младшим соплеменникам главный хранитель и "транс-

* Williams Frederlok. The Communications Revolution. Revised edition. New York, 1983. — 256 p.

лятор" народного опыта (сказитель). Иная картина в обществе с продолжительной письменной традицией: циркулирующая в нем совокупная информация многократно превышает возможности памяти отдельного члена общества. Отчасти это достигалось благодаря профессиональному разделению "трудов" по хранению и передаче информации: плотники помнят и передают свое ремесло, кузнецы, как и знахари и травники, жрецы или священнослужители, писцы и законники, — свое. Однако главным средством сохранения и передачи информации становится письменность.

При этом дело не только в количествах информации. На заре письменной культуры, при переходе к письменной передаче информации, главный выигрыш заключался "не в передаваемых количествах информации, а в ее качестве... Письменность позволяет в принципе сохранить в памяти общества текст, резко отличающийся от всех, принятых в данном обществе, и в этом смысле характерный именно для его автора" (Иванов Вяч.Вс. 1978, 155). Если фольклор обращен ко всем членам небольшого племени и в основном известен всем, то ранние письменные тексты были доступны лишь узкой группе лиц. Вот почему появление письменности стимулировало информационно-интеллектуальную дифференциацию общества и развитие индивидуальных творческих возможностей отдельных его членов.

Письмо многократно расширяет пути и способы передачи информации: не только по элементарным цепочкам (от отца к сыну, от мастера к ученику), но также минуя соседствующие звенья временной или пространственной связи. Так, именно благодаря письму величайшее достижение Древнего Рима — римское право — спустя несколько столетий после гибели Рима было воспринято народами средневековой Европы и стало основой юридического мышления позднейших цивилизаций.

2. Письмо существенно разнообразит условия коммуникации. Передача и прием письменного сообщения обычно разделены во времени и/или пространстве; у письменного сообщения могут быть читатели, неизвестные автору; их число может быть большим или неопределенным. Пишущий не может помочь (себе и адресату) жестами, мимикой, интонацией. Читаящий не может спросить автора о неясном в тексте и получить ответ по ходу чтения. Поэтому создавать письменные тексты, которые были бы в такой же мере понятны, как устная речь, обращенная к знакомому собеседнику, значительно сложнее, чем говорить. Преодолевая трудности "заочной" письменной коммуникации, языки выработали разнообразные средства отчетливого выражения всех тех смыслов, которые в устном общении "сами собой разумелись".

Например, за столетия письменной культуры сформировались разнообразные синтаксические показатели подчинительной связи между предложениями. С их помощью говорящий может довольно тонко различать и определять те отношения, которые возможны между двумя событиями (действиями), т. е. отношения временной связи, пространственной, определительной, условной, причинно-след-

ственной, целевой, сопоставительной, уступительной и др. Ср. различия в характере временной связи двух событий в зависимости от того, какой союз времени (из ряда возможных) выбрал говорящий: *когда, пока, как, покамест, покуда, в то время как, после того как, с тех пор как, как только, лишь только, только что, только лишь, едва только, прежде чем, раньше чем, перед тем как*. Так же разнообразны возможности в представлении всех других видов отношений между событиями — причины, цели, условия и т. д.

3. Письменное общение способствует выработке сложных синтаксических форм языка и речи. Это прежде всего разные виды сложных предложений, затем средства различения "чужой" речи и речи "своей" (прямая речь, косвенная, разные виды "несобственно-прямой" речи и т. п.), а также специальные средства рубрикации текстов: систематизированные перечни, табличное представление текстового материала, специальные средства, демонстрирующие композицию текста (членение на абзацы, главы, разделы, параграфы; членение текста на основной текст и вспомогательный, который составляют комментарии, указатели и т. п.).

4. Письмо способствует обогащению лексического запаса языка. Если словарь бесписьменного племени не превышает 10 — 15 тыс. слов, то тезаурус языков с продолжительной письменной традицией насчитывает 400 — 500 тыс. слов (о понятии "тезаурус" см. с. 37 — 39).

5. С появлением письма обычно начинает складываться литературный (нормированный) язык в качестве такой формы существования языка, которая обладает наиболее широкими функциональными возможностями и в перспективе становится наиболее общим (наддиалектным и межсословным) средством коммуникации (см. с. 30 — 33, 37 — 39).

6. Письмо и со временем возникающая в письменной культуре нормативно-стилистическая регламентация языка существенно замедляют темпы языковых изменений. А. М. Пешковский сравнивал норму с плотиной, которая превращает языковой поток в стоячее озеро.

7. Письмо изменяет сам характер исторических процессов в языке. В бесписьменном языке новые явления (новые слова, обороты, синтаксические конструкции) вытесняют старые, заменяют их собой, поэтому даже за короткое время такие языки меняются до неузнаваемости. Например, "некоторые из индейских языков изменяются так быстро, что молодежи бывает трудно, если не невозможно, общаться с людьми на три или четыре поколения старше себя. Непрерывное изменение языков приводит к их превращению в новые языки и диалекты. Существование сотен языков и диалектов у индейцев Америки и у банту в Африке — прекрасный тому пример" (Гельб 1982, 213). Иная картина в языке письменном: здесь новые слова и обороты не вытесняют старые, а сосуществуют с ними. Идет не смена языковых возможностей, а их накопление, аккумуляция. Таким

образом, письмо способствует и созданию и сохранению богатства коммуникативных возможностей общества.

Итак, письменность стала основой внешней памяти человечества. Рост возможностей хранения и использования информации обусловил дальнейшее ускорение информационного и технологического прогресса.

История письменности состояла в возрастании объемов письменной коммуникации, в неуклонном расширении ее географического и социального пространства. Это вело к демократизации письменного общения и литературных языков.

"Гутенбергов пресс": первая предпосылка массовой коммуникации. Поскольку печати существовали задолго до нашей эры, то и мысль о возможности тиражировать (множить) написанное путем печатания (т. е. посредством оттиска краски на бумаге или ткани) тоже очень стара. Начиная с VII в. в Китае, Японии, Индии умели делать оттиски с деревянных или медных досок, на которые предварительно наносилось зеркальное изображение нужного текста (оно вырезалось, или вытрапливалось, или, как в лубочной гравюре, писалось краской). Однако подлинная эра книгопечатания началась в середине XV в., когда Иоганн Гутенберг, золотых дел мастер из Майнца, изобрел печать с н а б о р н о й формой, создаваемой из отдельных литер, а также печатный пресс и способ отливки стандартных литер шрифта.

Основным стимулом возникновения книгопечатания были потребности в одновременном, единообразном и быстром тиражировании книг. Потребности в массовой книжной продукции были связаны с широкими просветительскими запросами европейском общества в XV в., однако вскоре преимущества тиражирования оценила и церковная цензура.

"Гутенбергов пресс" (М. Цветаева) вызвал невиданное прежде увеличение объемов информации, циркулирующей в обществе, что означает резкое возрастание удельного веса языка и речевой деятельности в жизни людей. Можно также говорить об определенном специфическом воздействии книгопечатания на информационно-языковые процессы.

1. "Печатный знак относится к рукописному знаку почти так же, как рукописный знак к устному слову" (Рождественский 1979, 131 — 132). То влияние, которое оказывало на языки письмо ("рукописание"), было усилено "машинным писанием" — полиграфией (греч. *polygraphia* — буквально 'многописание' и развитием средств тиражирования). Шире становился круг потребителей информации. Если адресат некоторых рукописных текстов может быть один человек (например, в частной переписке), то адресат печатного текста — это всегда некоторое множество людей, причем часто незнакомых автору текста. Поэтому текст, предназначенный для печати, должен быть рассчитан на достаточно широкую аудиторию и на то, чтобы быть понятным вне

контекста, вне психологической "настроенности" собеседников друг на друга, обычной при устном общении (а также при письменном общении близких знакомых). Поэтому книгопечатание углубляет тенденции к формированию языковых возможностей максимально эксплицированного, открытого и потому максимально понятного текста (разумеется, "понятного" — в рамках темы текста, его жанра, профессиональной предназначенности и т. п.).

2. Если развитие письменности обычно приводит к созданию литературных (нормированных) языков, то книгопечатание способствует сравнительно быстрой стабилизации языковой нормы и ее распространению вширь, среди читающих слоев населения. Только типографский станок (а не рукописание) позволяет получить действительно тождественные по языку экземпляры (копии) текста. Только массовые тиражи, в сочетании с распространением школьного образования, внедряют языковые нормы в широкую речевую практику говорящих.

3. Книгопечатание способствовало демократизации письменного общения. Естественно, что массовая печатная продукция не может быть в той же мере престижной, в какой были на заре письменности иероглифические таблички, или папирусные свитки, или дорогостоящие пергаментные рукописные книги. Письменное общение стало повседневным, обиходным, часто заурядным делом. Люди перестают относиться к письменному тексту с большим доверием и уважением, чем к устному слову. Римляне говорили: *Verba volant, scripta manent* — Слова улетают, написанное остается; о том же и русская пословица: *Что написано пером, не вырубишь топором*. А в XX в. поэт сказал: *Мало ли что в книжке можно намолоть* (В. Маяковский). Параллельно с демократизацией письменного общения и вследствие этого происходит демократизация литературных языков.

4. В современном мире развитие письма и книгопечатания приводит к исключительному разнообразию речевых жанров. Десятки видов текстов создаются как принципиально письменные тексты, рассчитанные только на зрительное восприятие. Таковы своды законов, научно-исследовательские и конструкторские тексты, патенты, различного рода официально-деловая документация. Возникает информатика, т.е. разнообразные "тексты о текстах": рефераты, аннотации, библиографии, описи архивов, терминологические и номенклатурные стандарты, всевозможные указатели к текстам (например, указатель авторский, предметный, географический, хронологический, формульный, патентный, указатель заглавий и т. д.). Информатика систематизирует тексты, обеспечивает их распределение между людьми и "вводит" людей в понимание текстов (см.: Рождественский 1979, 179). Вместе с тем объем накопленной информации в наше время достиг критической величины, что резко затруднило поиск нужной информации. Преодолеть этот кризис призваны компьютеры.

Историко-биографические экскурсы: восточнославянские первопечатники Франтишек Скорина (до 1490 — ок.1541) и Иван Федоров (ок. 1510 — 1583) в языковых ситуациях своего времени.

При всей новизне в XVI в. "друкарского" станка, основные заботы восточнославянских первопечатников были не технические, а культурно-просветительские и филологические (текстологические, языковые). Это заботы исследователей-библеистов, переводчиков, редакторов, комментаторов. Поражает широта издательских программ Франтишка Скорины и Ивана Федорова. Они осуществили книжные "предприятия в е к а", причем предприятия отнюдь не коммерческие, но ориентированные на высокую классику своего времени, исполненные веры в пользу просвещения.

Сын полоцкого купца Франтишек Скорина прожил богатую событиями жизнь. Много закрыто от нас временем, но все же известно, что Краковский университет присудил ему степень бакалавра "свободных наук", а Падунский — степень доктора в "лекарских науках"*. Скорина вел торговые дела в Беларуси и Польше. Сохранились королевские охранные листы, выданные Скорине, но также и королевские указы против него. Скорина не раз судился, несколько месяцев сидел за долги в тюрьме. В Вильне он был секретарем и врачом виленского епископа. В Кёнигсберге недолгое время состоял на службе у прусского герцога Альбрехта. В Праге ему поручили устроить королевский ботанический сад. Один документ допускает чтение, согласно которому Скорина был секретарем датского короля. Согласно другому (однако не подтвержденному источнику), Скорина встречался в Виттенберге с Лютером и Меланхтоном, причем Лютер принял его за "интригана от дьявола". Судя по некоторым косвенным данным, Скорина привозил книги своей печати в Москву**.

В 1517 — 1519 гг. Скорина на деньги богатых белорусских купцов завел в Праге типографию, нанял печатников и граверов и издал 23 книги Ветхого Завета (начав с Псалтыри) под общим названием "Библия руска, выложена доктором Франциском Скориною из славнаго града Полоцка, Богу ко чти и людям посполитым к доброму научению", сопроводив каждую книгу объяснительным "предсловием" и кратким послесловием. В Вильне Скорина открыл типографию (первую на территории бывшего СССР). Здесь в 1522 г. он напечатал "Малую подорожную книжицу", в которую вошли Псалтырь, Часословец, Шестоднев, Пасхалия, и также несколько сочиненных им церковных песнопений; в 1525 г. издал "Деяния и послания апостольския" (Апостол).

Вероисповедная принадлежность Скорины неизвестна и неопределима по характеру его изданий (особенно пражских) — настолько его предисловия веротерпимы и, говоря современным языком, экуменически надконфессиональны.

В обращении Скорины к Ветхому Завету ярко сказался присущий европейскому Возрождению интерес к первоисточникам христианства, решительное предпочтение Св. Писания церковному преданию. Книги Ветхого Завета (за исключением Псалтыри, особенно у православных) не использовались в христианском богослужении; они не были так популярны, как жития или календари, и так повседневно необходимы в каждой церкви, как Евангелия. Ветхий Завет в начале XVII в. — это по-своему изысканное чтение европейской интеллектуальной элиты, и именно к такой классике стремился приобщить Скорина своих соотечественников.

* В университете в Падуде, в зале, где Скорина был признан доктором медицины, есть фреска (1942 г.) с его изображением.

** Подробно см. издания: Францыск Скарына: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Мінск, 1988. — 351 с.; Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік, Мінск, 1988. — 608 с.

Его виленские издания по составу текстов более традиционны (в церковном отношении), однако новаторским был сам замысел "Малой подорожной книжицы". Это почти карманное издание предназначалось для индивидуального, "приватного" обращения (хотя бы и в дороге) к вечным истинам христианства.

Вопрос о языке конфессиональных текстов Скорина решает в пользу церковнославянского — классического языка восточнославянской книжности, однако при этом стремится объяснить непонятное на народном языке. Это было продуманное решение, сформулированное в предисловии к первой изданной им книге — Псалтыри: "Повелел есми Псалтырю тиснути рускыми словами а словенским языком [т. е. русскими буквами и словенским языком]... Также положил есми на боцех [т. е. на полях] некоторые слова для людей простых не рушаючи самое Псалтыри ни в чем же... Иные слова которые суть в Псалтыри неразумны простым людем найдуть е на боцех руским языком что которое слово знаменует" (цит. по факсимильному воспроизведению памятника в издании: Францыск Скарына 1988, 24).

Реально язык скорининских книг в разной мере церковнославянский. Те книги, которые он печатал по церковнославянским рукописям (Псалтырь, Апостол), сохраняют церковнославянский язык в большей мере. Однако в переведенных Скориной библейских книгах (с латыни, с чешского), при сохранении церковнославянской основы, вполне ощутима белорусская языковая струя.

В изданиях Скорины кириллица впервые получает вид, близкий к современной "гражданской" азбуке: буквы стали округлые и легкие, прозрачные, некоторые дублетные буквы исключались. Скорина, таким образом, предугадал облик будущей "гражданки", почти на два века опередив реформу графики и алфавита Петра I 1710 г. (Впрочем, в православных церковнославянских изданиях канонических текстов подобный светский шрифт невозможен и до сих пор.)

Издания Скорины были достаточно известны как в Беларуси и на Украине, так и в Московской Руси. Еще в XVIII в. на авторитет Скорины ссылались старообрядцы. Однако белорусский и западнславянский "акцент" в церковнославянском языке Скорины, как и слишком светский тон его предисловий, по-видимому, затрудняли полное принятие его книг официальной православной традицией. Во всяком случае, издания Скорины не оказали такого влияния на языковую ситуацию, как книги Ивана Федорова.

Иван Федоров (или Федорович), по геральдическим данным, происходил из белорусского шляхетского рода Рогозов. Учился в Краковском университете (бакалавр "свободных наук"), в бытность в Москве — дьякон одной из церквей Кремля. Его первые издания увидели свет в Москве (Апостол 1564 г., Часовник 1565 г.). Из-за гонений вынужден был перебраться в Литовскую Русь. Здесь в Заблудове (сейчас местечко в восточной Польше) в 1569 — 1570 гг. в типографии великого гетмана литовского Григория Ходкевича Иван Федоров напечатал Учительное Евангелие и Псалтырь с Часословцем. Позже в собственной типографии во Львове он издает Апостол и первый у восточных славян печатный букварь (1574 г.), оказавший определяющее влияние на все последующие буквари допетровской Руси. С конца 70-х гг. Иван Федоров в Остроге (сейчас райцентр в Ровенской области на Украине). Здесь, в типографии православного магната князя Константина Острожского, он издает греческо-церковнославянский букварь (1578 г.), Новый Завет с Псалтырью и знаменитую Острожскую Библию (1581 г.). В ее основе лежит рукописный полный свод библейских книг, который в 1499 г. был подготовлен на "книжном дворе" новгородского архиепископа Геннадия (так

называемая Геннадиевская Библия) и спустя десятилетия с санкции Ивана IV передан Ивану Федорову для издания "типом".

Острожская Библия Ивана Федорова сыграла выдающуюся роль в утверждении церковнославянского языка в качестве основного языка книжно-письменной культуры восточного славянства до XVIII в. Она была переиздана в Москве в 1663 г., с ней считались последующие издатели церковнославянской Библии в России. Острожская Библия послужила источником языковых примеров и образцов в той кодификации церковно-славянского языка, которая представлена в знаменитой грамматике Мелетия Смотрицкого (Евье [близ Вильны], 1619; 2-е изд. — М., 1648; 3-е изд. — М., 1721). В Московской Руси XVII — начала XVIII в. грамматика Смотрицкого была главным нормативным руководством по церковнославянскому языку. Она утверждала и пропагандировала тот церковнославянский язык, который был ее камертоном и источником, — язык Острожской Библии Ивана Федорова.

Роль школы. С созданием письма в обществе возникают специальные институты, которые обеспечивают функционирование письменной речи и непрерывность письменной традиции. Это, во-первых, школа и, во-вторых, те или иные хранилища текстов — библиотека, архив, музей (см.: Рождественский 1979, 55). Школа является обязательным условием существования письменности: школа учит понимать написанное и создавать новые тексты.

Роль школы в истории языковой коммуникации состоит в том, что школа подготавливает подрастающее поколение к участию в сложных видах информационного обмена — с использованием письма, искусственных семиотических систем (например, символических языков математики, физики или таких семиотик, как географическая карта или чертеж), с использованием неродных (иностраных) языков. То, что входит в предмет общего образования, сразу становится традицией, классикой или азбучной истиной, начинает "само собой разуметься". Именно через школу новые семиотики и новые технические средства общения, становясь по-настоящему массовыми, внедрялись в жизнь. Особенно велика роль школы в распространении такого сложного и богатого "кода", как литературный язык. В отличие от знаков дорожного движения, литературному языку нельзя выучиться за две недели. Здесь нужны годы школьного учения, т.е. чтения классических произведений и просто правильных (т.е. отвечающих языковым нормам) текстов учебников, под руководством учителей, вполне владеющих литературной нормой и могущих научить правильной устной и письменной речи.

Роль школы в социальной истории языков особенно заметна в условиях двуязычия. Из всех факторов, способных упрочить позиции языка этнического меньшинства, самым действенным

является использование этого языка в качестве языка обучения в средней школе (в сравнении с такими факторами, как: 1) использование языка в массовой коммуникации; 2) использование в судопроизводстве и администрации; 3) придание языку престижного юридического статуса "государственного" или "официального"; 4) наличие литературной традиции на языке этнического меньшинства; см. с. 122 — 131). Первенствующая роль школы в сохранении языков меньшинств связана, во-первых, с тем, что школа, в отличие от семьи, передает подрастающему поколению язык функционально более богатый, чем язык семейно-бытовой. Язык базового образования имеет наибольшие шансы стать основным языком жизнедеятельности человека. Во-вторых, само существование средних школ с определенным языком обучения предполагает достаточно широкую инфраструктуру, которая "работает" на сохранение этого языка.

Начать с того, что нужны учителя для преподавания на языке всех предметов средней школы. Значит, в пединститутах должны быть, как минимум, группы или отделения, готовящие таких специалистов. Далее, нужны учебники, пластинки, учебные фильмы на языке меньшинства; нужна литература хотя бы для внеклассного чтения, а может быть, и для развлечения. Значит, нужны авторы, владеющие этим языком, а также переводчики, редакторы, корректоры, наборщики. Создаются органы, координирующие работу школы (средней и высшей) и издательского дела на языке. В таких условиях естественно возникает печать на своем языке, свои программы или каналы на радио и телевидении, свои клубы, свои любительские театры и т.д. Вполне вероятно, что дети тех, кто хотя бы в силу профессии связан с языком этнического меньшинства, пойдут в среднюю школу с этим языком обучения.

Историко-биографический экскурс: Федор Иванович Буслаев (1818 — 1897) о смысле преподавания отечественного языка.

Один из учеников Буслаева, член-корреспондент Петербургской Академии наук А. И. Кирпичников, свою мемуарную лекцию о Буслаеве назвал так: "Ф. И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов*". Буслаев был выдающимся ученым и "великим учителем", как впоследствии скажет о нем академик Шахматов. В историю науки Буслаев вошел как глава русской "мифологической школы" в фольклористике и литературоведении**, крупнейший знаток древнерусской письменности и изобразительного искусства, автор исследований и университетских курсов о скандинавском, испанском, французском эпосе, о творчестве Данте.

Современники вспоминают о Буслаеве не только как о "втором Ломоносове" (слова А. А. Дмитриевского), но и как об очень хорошем челове-

* Опубликована в кн.: Памяти Ф. И. Буслаева. М., 1898; перепечатана (к сожалению, с сокращениями) в изд.: Русское и славянское языкознание 1980, 142 — 152.

** Мифологическая школа — общеевропейское направление в исследовании ранних форм поэзии. Его зачинатели — немецкие филологи-романтики братья Гримм, братья Шлегели — видели в мифологии "естественную религию", "ядро и центр поэзии", первичный материал для всякого искусства".

ке — глубоко нравственном, добром и терпимом, живом (“живой как ртуть”), остроумном. “Он так просто и весело относится к своему знанию, к своему труду, что, видимо, они составляют одно целое с его личностью”. “Учитель нескольких поколений” (Е.Ф.Будде), “Буслаев был совершенно свободен от той слабости, которой страдают едва ли не поголовно даже лучшие из ученых — от страсти оказывать нравственное давление на младших, влиять больше, нежели это необходимо” (Русское и славянское языкознание 1980, 161, 146). В 1860 г. Буслаев прочел годичный курс истории русской словесности наследнику русского престола*.

Профессор Московского университета, академик Петербургской академии, Буслаев исключительно много сделал для качественного преподавания языка и словесности в начальной и средней школе. В молодости он несколько лет был домашним учителем в московских аристократических семьях. Не скованный стандартной программой и обязательными учебниками, начитанный в западноевропейской лингводидактике**, Буслаев искал максимально естественные и эффективные пути преподавания языка. Этот опыт лег в основу книги “О преподавании отечественного языка” (М., 1844), составившей эпоху в методических поисках русской школы***. Ее автору было 26 лет.

В том же 1844 г. Буслаев печатает две брошюры по методике начального преподавания языка: “Опыт начального обучения отечественному языку” и “О преподавании азбуки в приходских школах”. В 1858 г. он выпускает “Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей”. “Опыт” (под названием “Историческая грамматика русского языка”) переиздавался еще 6 раз: 6-е издание — в Москве (1959), 7-е (репринтное воспроизведение 4-го московского издания 1875 г.) — в Германии (Лейпциг, 1977). В 1861 г. Буслаев издает превосходную “Историческую хрестоматию церковнославянского и древнерусского языков”. В ней было представлено 135 произведений, из них 69 публиковались впервые (см.: Славяноведение 1979, 90). Замечательно, что эта книга составлялась для воспитанников “военно-учебных заведений” (т.е. для кадетов, или, говоря нынешним языком, для суворовцев), однако ее уровень сопоставим с современными пособиями для студентов-филологов. Поразительны комментарии к каждому памятнику: поясняется немного, очень кратко и точно. Сейчас такой комментарий можно адресовать профессионалу, но не подростку. В XIX в. внятность церковнославянского и древнерусского текстов для гимназиста или кадета была существенно выше, потому что общая культура была в большей мере гуманитарной. В 1869 г. Буслаев составил для средних учебных заведений “Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора”; его 10-е издание вышло в 1907 г. Сокращенная версия буслаевской “Хрестоматии” (под названием “Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем. Для средних учебных заведений”) выдержала 13 изданий, из них последнее — в 1917 г.

Вернемся к первой книге Буслаева — “О преподавании отечественного языка”. Она соединяла в себе теоретическую программу преподавания и

* В 1904 — 1907 гг. курс издан под заглавием “История русской литературы”. Пять лекций из него напечатаны в кн.: Ф. Буслаев о литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 416 — 447.

** Лингводидактика (от лат. *lingua* — язык и греч. *didaktikós* — поучающий) — психология и методика преподавания языков.

*** Книга была переиздана (с сокращениями) в 1867 г.; это 2-е издание перепечатано в Ленинграде в 1941 г.; 4-е издание (М., 1992) возвращается к полному (первому, 1844 г.) изданию и выходит в качестве учебного пособия для педагогических институтов.

историко-филологический обзор основных явлений языка и словесности: исторические экскурсы, межъязыковые сопоставления, выписки из памятников, диалектные данные. Исторический комментарий к фактам современного языка, по мысли Буслаева, необходим для подлинно научного преподавания родного языка.

В этой книге архаично только слово *дитѣ* да женский род слова *метѡда* в значении 'метод'. Суть же дела Буслаев видит глубоко и трезво.

1. Ребенок усваивает родной язык естественным путем — живя в мире родного языка, слыша обращенную к нему речь и отвечая на нее. Школа опирается на это практическое владение родным языком и развивает его.

2. Преподавание родного языка состоит в том, что ребенок теоретически о с о з н а е т ту систему языковых средств общения, которой практически владеет. Любые теоретические сведения о слове или форме могут быть сообщены ученику только после того, как он научится понимать эти явления языка в чужой речи и употреблять в своей.

3. Теоретическое осознание учеником форм (явлений) родного языка происходит путем их а н а л и з а (грамматического разбора разного вида). Исходным материалом анализа должны быть связные и понятные ученику высказывания.

4. Для совершенствования практического владения языком необходимы разнообразные упражнения по с и н т е з у (порождению) высказываний разных жанров и видов.

5. "На первой, низшей степени отечественная грамматика, в связи с практическими упражнениями, предполагает две цели: образование и развитие детских способностей (общая грамматика) и безошибочное употребление русского языка словесно и письменно (частная грамматика)" (Буслаев [1844] 1992, 67).

6. "На высшей ступени грамматика является наукою: здесь выступает сравнительное и историческое языкознание, в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы. Эта степень должна быть необходимым восхождением от предыдущей" (с. 67). История языка представляет, во-первых, самостоятельную научную ценность — как важная часть знаний о человеке; во-вторых, имеет прямое отношение "к наукам нравственным и преимущественно к истории" (с. 62)*.

Как сделать грамматику родного языка "наукою", Буслаев показал во второй, историко-филологической, части книги, названной им "Материалы для русской грамматики и стилистики". Позже из "Материалов" возникнет его "Историческая грамматика" и как дополнение к ним — "Историческая хрестоматия".

Благодаря глубине психологических принципов и богатству филологического содержания, лингводидактика Буслаева всегда была книгой "на вырост" — "программой-максимум", предполагающей самостоятельное творчество подготовленного учителя. И сейчас буслаевская программа — это не только не "пройденный этап" нашей школы, но едва ли достижимая перспектива.

Дело в том, что общее среднее образование, каким его строил Буслаев, было в большей мере гуманитарным и историко-филологическим (в сравнении с современной средней школой Европы и Америки). С эпохой

* Развивая мысль о связи "живого содержания в языке" с историей, Буслаев добавляет: "Это особенно важно для русских, ибо связывает филологию с изучением лучшего произведения нашей литературы, с "Историей государства Российского" Карамзина" (с. 62).

Просвещения, по мере ускорения технологического прогресса, гуманитарная составляющая в содержании общего образования обнаруживает тенденцию к снижению. В России революция 1917 г. ускорила этот процесс, к тому же вытесняя гуманитарное знание марксистской идеологией или подчиняя его идеологии. Общеобразовательная школа с минимизированным гуманитарным компонентом означает дегуманизацию общества. Это скучно и опасно. Противясь этому, люди тянутся к гуманитарному знанию, "как к травам от цыгги", и дело органов "духовного здравоохранения" помочь возрождению экологического равновесия культуры. Вот почему книга Буслаева "О преподавании отечественного языка" так актуальна сегодня.

Внутренние и внешние языковые изменения. Почему и как происходят изменения в социальном статусе языков? В истории языков различают изменения **внутренние** (или внутриязыковые), происходящие в самом языке, и **внешние**, связанные с изменениями в социальных функциях языка.

Вот примеры внутриязыковых изменений:

1) В фонетике: появление новых звуков (например, в раннем праславянском языке не было шипящих: [ж], [ч], [ш] — довольно поздние звуки во всех славянских языках, возникшие в результате смягчения звуков соответственно [г], [к], [х]); утрата каких-то звуков (например, два разных прежде звука перестают различаться: так, древнерусский звук, обозначавшийся старинной буквой Ъ, в русском и белорусском языках совпал со звуком [е], а в украинском — со звуком [і], ср. др.-рус. *сѣтъ*, рус., белорус. *снег*, укр. *сніг*).

2) В грамматике: утрата каких-то грамматических значений и форм (например, в праславянском языке все имена, местоимения и глаголы имели, кроме форм единственного и множественного числа, еще формы двойственного числа, употреблявшиеся, когда речь шла о двух предметах; позже категория двойственного числа утратилась во всех славянских языках, кроме словенского); примеры противоположного процесса: формирование (уже в письменной истории славянских языков) особой глагольной формы — деепричастия; разделение прежде единого имени на две части речи — существительные и прилагательные; формирование относительно новой в славянских языках части речи — числительного. Иногда грамматическая форма меняется без изменения значения: раньше говорили *города*, *снѣги*, а сейчас *города*, *снега*.

3) В лексике: многочисленные и исключительно разнообразные изменения в лексике, фразеологии и лексической семантике. Достаточно сказать, что в издании "Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой" (М., 1984. — 806 с.), включившем только наиболее заметные инновации десяти лет, около 5500 словарных статей.

Внешние языковые изменения — это изменения в судьбе языка: в характере его использования, в отношении людей к языку. Например, с течением времени могут расширяться или сузиться общественные функции языка и сферы его использования; измениться его юридический статус, его престиж дома и за рубежом. Язык может получить распространение как средство межнационального или межгосударственного общения или, напротив, утратить роль языка-посредника. Важными событиями социальной истории языка являются создание его письма и письменности,

сложение его литературной (нормированной) формы существования, появление литературной традиции и создание шедевров искусства слова.

В истории языков изменения внутренние и изменения в судьбе языка часто переплетены. Наиболее глубокие процессы социальной истории языка обычно или приводят к изменениям в структуре, или как-то отражаются в ней. Например, превращение диалекта в койне (наддиалектное средство общения) может сопровождаться отказом от узкоместных особенностей речи или заимствованием диалектных явлений более широкого ареала. Вытеснение одного языка другим может заключаться в постепенном разрушении его структуры. Именно так постепенно угасал в Германии XVII — начала XVIII в. славянский язык полабян. Внутренние изменения обычно происходят также и в ассимилирующем языке.

Едва ли не все типологически возможные события "внешней" истории были в сложной и яркой судьбе латыни. 1) Выход языка за пределы своего этноса: вначале (III — II вв. до н. э.) — распространение наречия древней Лации по всей Италии, позже (II в. до н. э. — V в. н. э.) — латинизация будущих романских народов: кельтских племен Галлии, племен иберов на Пиренейском полуострове, фракийских племен Дакии. 2) Формирование разнообразных общественных функций языка, расширение сфер его употребления: превращение латыни в универсальное средство общения древнеримского социума. 3) Формирование литературного языка, его нормативно-стилистическая обработка и регламентация (I в. до н. э. — III в. н. э.); расцвет древнеримской литературы: ее "золотой век", связанный с именами Цицерона, Катулла, Горация, Овидия, и более поздняя "серебряная латынь" (творчество Сенеки, Тацита, Апулея). 4) Отказ социума от использования языка: к этому привел разрыв между нормами классической латыни и развивающимися народно-разговорными вариантами латинского языка (III — VI вв.); в результате функционирование латыни как живого языка прекращается. 5) Использование языка в качестве межнационального средства общения: в VII — XIV вв. латынь становится письменным языком Западной и Центральной Европы, языком католической церкви, науки, права, отчасти литературы. При этом средневековая латынь ведет себя как живой язык: меняются нормы синтаксиса, бурно растет словарь. 6) Архаизирующее вторичное нормирование языка: недолгое возрождение (или реставрация) норм классической "золотой латыни" в эпоху гуманизма (XIV — XV вв.) — в сочинениях Томаса Мора, Джордано Бруно, Эразма Роттердамского, Томмазо Кампанеллы, Миколоая Коперника и др. На латыни написаны отдельные сочинения Данте, Петрарки, Боккаччо. Однако искусственно очищенная латынь гуманистов оказалась нежизненной и, главное, не могла противостоять расширению общественных функций народных языков. 7) Сужение сферы использования языка: начиная с XVI в. латынь постепенно вытесняется народными языками; раньше всего — из художественного словесного творчества (так, "Божественная комедия" Данте написана на итальянском, но его ученый трактат о народном языке — еще по-латыни). Дольше всего латынь держалась в науке: еще в XVI — XVIII вв. на латыни написаны сочинения Гассенди, Бэкона, Декарта, Спинозы, Ньютона, многие труды Ломоносова. Вплоть до XVIII в. латынь оставалась языком дипломатии. В XX в. латынь продолжает быть официальным языком католической церкви и актов Ватикана, а также отчасти — языком науки (в номенклатуре медицины, биологии, в интернациональном инвентаре терминологических элементов).

Эволюция психики человека и язык. Как отражается в языке возрастание абстрактности и логической связности мышления? Основные тенденции в развитии способности человека познавать мир состоят в возрастании абстрактности и логической связности мышления. Кроме того, изменяются некоторые параметрические (количественные) показатели: возрастает скорость интеллектуальных процессов; укрупняются семантические блоки, которыми оперирует мышление; увеличивается информационная емкость вычислительных единиц (высказываний).

В средние века начинали учиться грамоте не раньше 10 лет; читать по-церковнославянски, например, учились 2 года. Во времена Эразма Роттердамского читали только вслух, а если кто глазами опережал голос, то это казалось почти чудом. Эразм, при всем почтении гуманистов к римским классикам, считал, что Цицерон слишком многословен. Современному читателю многословным, медленным кажется не только Эразм, но и авторы прошлого века.

Для языков первобытной поры было характерно изобилие конкретных наименований, что позволяло с максимальной подробностью говорить о явлениях физического мира и труда, но затрудняло абстрактное мышление (см. с. 144 — 150). Одна из магистральных линий в истории лексики как раз и состояла в частичной постепенной утрате ("забывании") массы конкретных наименований и сложении лексических средств для передачи обобщающих и абстрактных понятий.

Письмо, позволив человеку хранить часть информации не в памяти, а в записи, со временем заметно ослабило возможности памяти, особенно механической. А творческая (левополушарная) память "не столько запоминает тексты, сколько создает их заново" (Иванов Вяч. Вс. 1978, 156).

Усиление абстрактности человеческого мышления приводит к укрупнению и растущей абстрактности грамматических категорий. В этом причина таких процессов, как: 1) постепенная утрата семантических оснований в разделении имен и глаголов на словоизменятельные классы (типы склонения и типы спряжения) в индоевропейских языках; 2) обобщение глагольных способов действия в категории вида в славянских языках; 3) обобщение счетных слов в грамматическом классе числительных; 4) преодоление конкретной множественности в категории числа (утрата в разных языках двойственного и тройственного чисел); 5) тенденция к замене многочисленных противопоставлений бинарными (двойными) в местоимениях. В частности, в праславянском и близком к нему старославянском языках система указанных местоимений состояла из пяти исходных слов: *СЪ*, *ТЪ*, *И(ЖЕ)*, *ОВЪ*, *ОНЪ*, противопоставленных по трем признакам: а) степень удаленности предмета от говорящего: *СЪ* — *ТЪ* — *ОНЪ*; б) преждеупомянутасть *И(ЖЕ)*; в) употребляемость при пере-

числених *ОВЪ, ОВЪ*. В современных славянских языках число активно используемых указательных местоимений сократилось и ведущим стало бинарное противопоставление по степени удаленности: русск. *тот — этот*, белорусск. *той — гэты*, укр. *той — цей*.

В фольклорных записях почти отсутствует подчинительная связь простых предложений в составе сложных. Бессоюзие и сочинительные союзы (*и, а, но, да, или*) могли выразить только самые простые и общие отношения между двумя предложениями (т.е. между двумя событиями, о которых сообщали предложения). Усиление связности, логической расчлененности и точности мышления, а также потребности точной письменной передачи информации привели к появлению многочисленных лексико-грамматических показателей этих отношений (см. с. 151 — 156). В этой связи можно указать также на поздние по времени появления узкоспециализированные предлоги в славянских языках. Например, русские предлоги *вследствие, благодаря, ввиду, в результате, в связи, по причине* и т. п., выражая общее значение причины, отнюдь не синонимичны. Стремление говорящих к максимально точному выражению мысли обусловило разнообразие и тонкую дифференцированность модальной лексики (ср. различия между *хочу, хочется, охотно, не прочь* и т. п.).

С интеллектуализацией общения, с расширением метаязыковой рефлексии (см. с. 20 — 21) связано развитие средств различения своей и чужой речи. Например, в старославянских текстах "чужое слово" передается преимущественно в форме "прямой речи"; конструкции "косвенной речи" еще не сложились, поэтому встречаются гибридные, контаминированные* конструкции, ср.: *РЕЧЕ БО ЯКО БОЖИИ СЫНЪ ЕСМЪ*, т.е. [Он] же сказал [о себе], что я Божий сын. Сейчас младшие школьники легко и правильно переведут конструкцию с прямой речью (*Он же сказал: "Я — сын Божий"*) в конструкцию с косвенной речью (*Он же сказал, что он — сын Божий*). В современных письменных языках развились не только четкие формы прямой и косвенной речи, но и средства, позволяющие в разных дозах, с различными экспрессивными целями соединять и различать авторское и "чужое слово" (несобственно-прямая, "полупрямая" речь, разные приемы цитирования и т.п.). Расширяются также средства метаязыкового комментирования речи (см. с. 20 — 21).

* *Контаминация* (от лат. *contaminatio* — соприкосновение, смешение, слияние) — построение слова, фразеологического оборота или предложения путем соединения частей двух слов (обороты или разных синтаксических конструкций); например, ненормативное выражение *играть значение* — результат контаминации оборотов *иметь значение* и *играть роль*. Многие оговорки — это тоже контаминации, ср. пародийно-шутливые: *"Нельзя ли у трамвала вокзал остановить?"* (С.Маршак), *заплетык языкается* и т. п. В текстологии контаминацией называют гипотетическую реконструкцию первоначального (утраченного) текста произведения путем соединения его разных редакций.

Однако естественные языки, по-видимому, не вполне справляются с потребностями человека оперировать массой абстрактно-логической информации (естественно-научной и в особенности технической). Отсюда — бурное развитие вспомогательных искусственных семиотик, таких, как математические знаки, химическая номенклатура и символика, знаки дорожного движения, международная библиотечно-библиографическая классификация УДК (Универсальная десятичная классификация), семиотические средства патентных описаний, карт, схем, чертежей, планов, а также многочисленные языки общения человека и компьютера.

ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ

Взаимовлияние языков как главный фактор языковой эволюции. Своеобразие конкретного языка обуславливают две группы факторов: 1) его происхождение, определяющее место языка в кругу родственных языков; 2) процесс его взаимодействия с родственными и неродственными языками, т. е. языковые контакты. Происхождение (генеалогия) языка и его контакты с "себе подобными" — это силы, как бы спорящие друг с другом, с противоположных сторон формирующие своеобразие конкретного языка. Генетическое наследство выступает как внутренняя структурная определенность языка и основа его саморазвития. Контакты языков состоят в их взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга. Контакты — это наиболее з а м е т н ы е события языковой истории; именно контакты сильнее всего изменяют языки.

Аналогию языковым процессам в данном случае можно видеть в том, как складывается своеобразие человеческой личности. С одной стороны, оно определяется генами и возрастом, т. е. наследственностью и пройденными ступенями индивидуального биологического развития (детство, отрочество, юность и т. д.). С другой же стороны, своеобразие личности зависит от социальной истории человека, от его опыта жизни в обществе. Мы не знаем пока, как и в какой пропорции соединяются в характере и судьбе человека эти слагаемые — генетика и воспитание, возраст и социальное положение. По-видимому, это соединение может происходить по-разному; можно представить полярные модели формирования личности: с одной стороны, в тесном кругу ближайших родственников (в итоге, например, мать и дочь могут отличаться преимущественно возрастом), а с другой — формирование личности вне семьи, в условиях постоянно меняющегося человеческого окружения, так что у отца и сына общим может оказаться лишь смутное физическое сходство. И все-таки, как знать, не "разрешено" ли было это отдаление генетически, не было ли это прежде всего с а м о р а з в и т и е м?

Изменения, обусловленные языковыми контактами, есть в истории каждого языка. Не существует генетически "чистых", "беспримесных" языков, которые бы в течение тысячелетий развивались без всякого влияния окружающей языковой среды, в полной обособленности от соседей. Любой современный язык — это с п л а в языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных, языков и диалектов. Ср., напри-

мер, только перечень тех слагаемых, из которых формировался "сплав" английского языка: 1) неиндоевропейские иберийские наречия первых известных науке поселений на Британских островах; 2) индоевропейские кельтские наречия бриттов и галлов; 3) латынь римских военных поселений в первые века нашей эры, ставших впоследствии городами Англии; 4) западногерманские наречия англов, саксов, фризов, ютов, завоевавших Британию в V — VI вв.; с тех пор Британия стала германоязычной, при этом, однако, множились различия между германским языком в Британии и на континенте; 5) северогерманские наречия скандинавских викингов, господствовавших в Англии в X в.; 6) мощное романское языковое влияние после покорения Британии в XI в. нормандскими феодалами; в свою очередь французский язык нормандцев представлял собой сплав кельтских (галльских), романских, западногерманских (франкских, бургундских, вестготских), северогерманских (скандинавских) компонентов.

Языковой контакт с точки зрения социолога, психолога и лингвиста. Чтобы понять, как и в каком направлении изменяются контактирующие языки, надо увидеть этот процесс на трех разных уровнях: 1) в социолингвистическом плане — как взаимодействие разноязычных социумов, т. е. как определенную языковую ситуацию (см. с. 101 — 105); 2) в психолингвистическом плане — как индивидуальное двуязычие (какой-то части говорящих); 3) на собственно лингвистическом уровне — как смешение, взаимопроникновение двух самостоятельных (самодостаточных) языковых систем.

Исход языкового взаимодействия зависит прежде всего от социальных условий контакта. А. Мартине писал в этой связи: "Язык одолевает своих соперников не в силу каких-то своих внутренних качеств, а потому, что его носители являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми" (Новое в лингвистике 1972, 81 — 82). Однако и в сходных, казалось бы, условиях контактов судьбы языков складываются по-разному. Далеко не всегда военная победа означала победу языковую. Не всегда побеждал язык более развитой культуры,

Например, римская экспансия привела к латинизации Галлии, Дакии, Греции, населения Пиренейского полуострова, однако нормандское завоевание не сделало язык Британии романским. Сказались различия в численности пришельцев, в интенсивности и глубине контактов с местным населением, а также различия в характере взаимоотношений пришельцев с прежней родиной. Римская колонизация, в сравнении с нормандским завоеванием, носила более широкий, массовый характер. При этом происходило смешение разноязычного населения; однако римские провинции включались в административную и отчасти культурную жизнь Римской империи, поэтому не прекращалась их языковая связь с метрополией.

В Англии после нормандского вторжения социально-языковая ситуация была иной. Англия не стала французской провинцией. Пришельцы образовали

немногочисленный правящий класс — феодальную аристократию и духовенство, но основное население оставалось германоязычным. Строгая иерархичность и инертность феодального общества препятствовали межсословным контактам и тем самым — смешению языков. Вместе с тем правящие классы в какой-то мере должны были знать язык большинства населения. "Вероятно, во втором поколении нормандцы уже могли пользоваться английским, хотя языком домашнего и придворного обихода был, вероятно, англо-нормандский. В дальнейшем нормандская знать все более англоизировалась; в течение какого-то периода, возможно, в течение нескольких веков, они были билингвами" (Иванова, Чахоян 1976, 19).

Психолингвистику в языковом контакте интересует, как живут (и как уживаются) два языка в одной голове — в сознании билингва (см. следующий подраздел). В сравнении с процессами смешения языков и образования языковых союзов (с. 173 — 178), на фоне геополитических изменений в динамике языковых ситуаций (с. 101 — 116) психолингвистический аспект — это "микроуровень" темы. Однако здесь становятся видны элементарные механизмы и исходные пункты "макропроцессов" в истории языковых контактов.

Психолингвистические механизмы смешения языков.

Интерференция и "ложные друзья перевода". Контакт двух языков протекает как речевое взаимодействие людей, говорящих на этих языках. Даже минимальное взаимопонимание невозможно до тех пор, пока обе стороны (или одна из сторон) не сделают хотя бы один шаг навстречу партнеру. Такой шаг состоит в усвоении хотя бы нескольких слов языка партнера. При продолжительных и интенсивных контактах разноязычного населения значительная часть говорящих в той или иной мере знает язык соседей. Таким образом, контактирование языков осуществляется через индивидуальное двуязычие (или билингвизм) какой-то части говорящих, что и создает ситуацию двуязычия (см. с. 103 — 105).

В зависимости от того, в какой мере билингв владеет двумя языками, индивидуальное двуязычие может быть симметричным (оба языка человек знает в равной мере) или асимметричным (один язык известен человеку в большем объеме, другой — в меньшем). Асимметричное двуязычие, конечно, — более распространенный случай (как и несбалансированные языковые ситуации, см. 101 — 103, 115 — 116).

В зависимости от того, как функционируют два языка в речевой деятельности билингва, различают двуязычие *автономное* и *совмещенное*. При автономном двуязычии билингв строит речь на каждом языке, используя языковые средства только соответствующего языка (рис. 1). При совмещенном двуязычии речь на том языке, который человек знает хуже, строится с использованием средств первого (основного) языка (рис. 2).

Автономное двуязычие

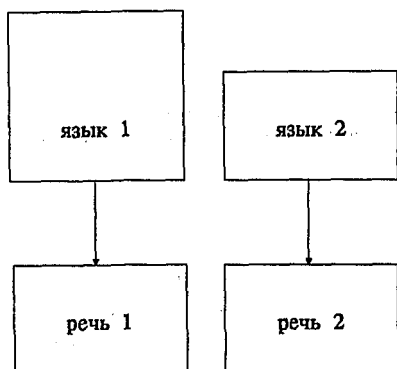

Рис. 1

Совмещенное двуязычие

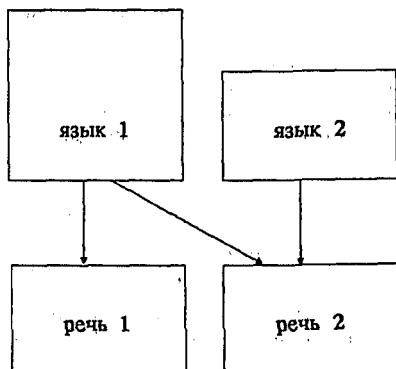

Рис. 2

Увеличение объема речевой деятельности на 2-м языке (допустим, в результате расширения контактов с теми, для кого этот язык является основным) повышает степень знания билингвом этого языка (как 2-го). Однако если двуязычие продолжает быть совмещенным, то расширяется и обращение билингва к средствам 1-го языка при разговоре на 2-м языке. Обе тенденции ведут к тому, что в индивидуальном сознании билингва его 2-й язык "достраивается" до коммуникативной силы 1-го языка; оба языка для него сближаются и в какой-то мере начинают отождествляться, причем на 2-м языке он уже в состоянии говорить так же (или почти так же) свободно, как на 1-м. Уже и в речи на 1-м языке такой билингв может обращаться к средствам 2-го языка. — по разным причинам (например, какое-то слово 2-го языка ему кажется более выразительным, или более понятным собеседнику, или просто по инерции речи на 2-м языке, или, наконец, потому, что в его сознании оба языка более или менее слились в один). Ср. две стадии симметричного совмещенного двуязычия — менее (рис. 3) и более продвинутую (рис. 4):

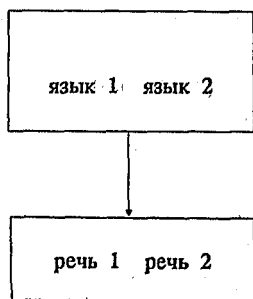

Рис. 3

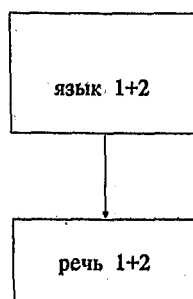

Рис. 4

Когда подобные процессы большего или меньшего сближения языков происходят в языковом сознании и речевой деятельности **м н о г и х** говорящих, то это означает, что процесс перестает быть индивидуально-речевым, но охватывает язык. Идет смешение языков. Таким образом, частичное отождествление и смешение разных языков в речи билингвов выступает как синхронная основа смещения языков в диахронии.

Ошибки в речи на 2-м языке, вызванные использованием средств 1-го языка, — это проявление **и н т е р ф е р е н - ц и и** (определение и примеры явления см. на с. 103 — 105). Общей предпосылкой интерференции является то, что человек, говоря на 2-м языке, всегда в той или иной мере использует навыки речи на родном (или основном) языке, например навык различения звонких и глухих согласных, или навык употребления существительного в функции сказуемого, или даже фонетическую и семантическую близость русского слова *team* и английского *theatre*. В одних случаях навыки речи на родном языке помогают в речи на чужом языке, но в других случаях приводят к ошибкам.

Так, несмотря на сходство между русскими звуками [т], [д] и английскими [t], [d], в каждом языке есть свои особенности их произнесения (в русском это зубные звуки, в английском — альвеолярные), и если эти особенности не усвоить, то произношение будет с "акцентом".

В лексике подобные явления, т.е. слова, похожие внешне, однако различные по значению, называют "ложные друзья переводчика" или, более строго, "межязыковые омонимы". Ср.: англ. *genial* значит 'веселый, добрый, сердечный; общительный', а русск. *гениальный* — 'исключительно даровитый'; англ. *decade* — '10 лет', а русск. *декада* — '10 дней' (см. Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика" / Под общим руководством В. В. Акуленко. — М., 1969). Впрочем, "неложных друзей" у переводчика не бывает: любые похожие два слова разных языков при ближайшем рассмотрении оказываются нетождественными и по объему значений, и по месту в своей лексической подсистеме.

Интерференция в синтаксисе преодолевается труднее всего, и особенно в тех случаях, когда она сказывается не в грубых ошибках (вроде предложения **Никто пришел*, построенного по английской модели *Nobody has come*), а в "неорганичности", искусственности фразы. На известной ступени занятий чужим языком это чувствуют и сами "учащие" язык. Показательны в этой связи насмешливые, якобы английские, диалоги (возникшие в школьном фольклоре), пародирующие примитивное калькирование с русского: *Which time? — Six watch. — Such much?* и т. п.

Понятно, что чем ближе два языка, тем в большей мере двуязычный индивид опирается на свой 1-й язык в речевой деятельности на 2-м языке. Поэтому родственные языки в общем учить легче, чем далекие, но и интерференция при такого рода билингвизме наблюдается чаще и преодолевается с большим трудом.

Векторы контактирования: дивергенция и конвергенция языков. Прошлое каждого языка представляет собой диалектическое единство двух разнонаправленных линий разви-

тия: 1) развития, усиливающего различия между языковыми образованиями, и 2) развития, сближающего языки или диалекты. В каждом направлении иногда различают по две фазы: а) дифференциация (лат. *differentia* — различие) как процесс распада праязыка на несколько самостоятельных языков-наследников и б) дивергенция (лат. *divergere* — обнаруживать расхождение) — дальнейшее расхождение, отдаление друг от друга родственных языков или диалектов. Углубление дивергенции может приводить к новому расщеплению прежде единого языка на самостоятельные отдельные языки.

В сближающем развитии аналогично: а) конвергенция (лат. *convergere* — приближаться, сходиться) — возникновение у нескольких языков (как родственных, так и неродственных) общих свойств, сближение этих языков вследствие длительных языковых контактов; б) интеграция (лат. *integer* — целый) — слияние языков в один язык (как завершающий этап их сближения и нивелирования различий). В этом смысле употребляют также термины *смещение* или *скрещивание* языков.

Процессы сближения и процессы расхождения языков находятся в диалектической взаимосвязи. Дробление праязыка и дивергенция родственных языков — это всегда следствие не только нарушения прежних контактов, но и установления новых контактов, новых отношений, т. е. результат сближения или смещения диалектных ответвлений праязыка с иными, в том числе и с неродственными языками и диалектами. При этом география языковых контактов, границы языков и диалектов в конечном счете определяются историей народов.

Как показано в работах Ф. П. Филина и Г. А. Хабургаева, границы современных восточнославянских языков не совпадают с древнерусскими диалектными зонами. Это значит, что к образованию русского, украинского и белорусского языков привело не просто углубление диалектных различий древнерусском языке. Их образование — результат формирования новых диалектно-этнографических общностей, обусловленных процессами социальной истории древнерусской народности в постмонгольское время. "Этноязыковая картина восточного славянства была бы иной, если бы не было грозных событий XIII — XV вв." (Филин 1972, 637).

Ареально-хронологические* модели смещения языков (субстрат, суперстрат, адстрат). Понятия "дивергенция" и "конвергенция" полезны для определения векторов языкового взаимодействия, однако при этом состав "сплава" (которым является любой язык) остается вне поля зрения исследователя. Результаты языковых контактов стали понимать

* *Ареал* (от лат. *area* — площадь, пространство) в природоведении — область распространения какого-либо явления, видов животных, растений, полезных ископаемых. *Ареальная лингвистика* (или лингвистическая география) изучает территориальное распространение языковых явлений в связи с межязыковым (междиалектным) взаимодействием.

лучше, когда в начале XIX в. были предложены понятия, с помощью которых в языковом "сплаве" стали выделять ареально-хронологические компоненты.

В результате смешения двух языков часто появляется не "третий" язык, но происходит ассимиляция одного из двух языков, он вытесняется из общения и утрачивается. Однако вытесненный язык никогда не исчезает бесследно: он как бы "растворяется" в выживающем языке и видоизменяет его "состав". Различают два рода таких следов вытесненного языка в сохранившемся: *субстрат* и *суперстрат* — в зависимости от того, принадлежали ли вытесненный язык местному населению или это был язык пришельцев. *Субстрат* (лат. *substratum* — буквально 'подостланное' от *sub* — под, *stratum* — слой, пласт) — это следы местного вытесненного языка в языке пришельцев (ставшем языком всего смешавшегося населения данного ареала). *Суперстрат* — это следы утраченного языка пришельцев (усвоивших местный язык, который стал, таким образом, языком и коренного и пришлого населения этой местности).

Так, субстратный характер носят следы исчезнувшего фракийского языка (индоевропейской семьи) древнейших жителей Балкан в новых балканских языках народов-пришельцев; особенно заметен фракийский субстрат в румынском и албанском. Примером вытесненного языка пришельцев (суперстрата), оказавшего влияние на сохранившийся местный язык, может быть тюркское наречие волжско-камских *булгар*, проникших в VII в. на Балканы и слившихся с местными племенами даков и фракийцев, а также с пришлыми (в начале VII в.) славянскими племенами. Таким образом, этноним южнославянского народа *болгары* — это одно из тюркских суперстратных явлений в болгарском языке.

Суперстратное происхождение также у этнонима *французы*. Германоязычное племя *франков*, жившее в III в. по Рейну, на рубеже V — VI вв. завоевало Галлию, образовав Франкское государство, однако при этом переняло местный галло-романский язык. Таким образом, самоназвание французов, как и топоним *France*, — явления германского суперстрата во французском языке.

В исследованиях языковых контактов иногда пишут также об *адстрате* (лат. *ad* — при, около). Это результаты влияния одного языка на другой в условиях длительных контактов соседних народов, при котором не происходит ассимиляции и растворения одного языка в другом. Примерами адстратных явлений могут быть скандинавское влияние на английский язык в IX — XI вв., белорусско-польское и белорусско-литовское взаимовлияние в пограничных ареалах.

Влияние вытесненного языка может быть разной силы. Иногда оно вполне ощутимо, как, например, суперстратные пласты нормандской лексики, главным образом книжной и отвлеченной, в английском языке. Чаще, однако, воздействие контактирующих языков выступает как глубинные, подводные силы, в союзе с другими факторами направляющие развитие языка. Так, к утрате склонения в английском языке вели разные причины, и прежде

всего внутренние: общегерманская тенденция к аналитизму*, рост численности предлогов, ослабление различительной силы гласных. Вместе с тем, по мнению О. Есперсена, утрате склонения способствовало также и скандинавское влияние IX — XI вв. — времен набегов викингов и Дanelага (господство англичан на северо-восточном побережье Англии). А. Мейе объяснял распадение индоевропейского праязыка различиями в субстрате отдельных районов Евразии, заселявшихся индоевропейцами. А. А. Шахматов видел угро-финский субстрат в смешении [ц] и [ч] в ряде севернорусских говоров. Конвергентное развитие языков Балканского языкового союза (см. ниже) во многом обусловлено общим для этих языков фракийским и иллирийским субстратом.

Вместе с тем картина ареального взаимодействия языков далеко не исчерпывается теорией субстрата, в которой схематично представлены лишь предельные случаи смешения языков, когда один из языков гибнет, подчиняясь другому. Языковые контакты многообразнее и часто носят более "мирный" характер. Так, постоянно взаимодействуют соседние языки. Они взаимно влияют друг на друга, в разной мере меняются, но не сливаются в один язык.

Языковые союзы. Сближение языков может происходить не только в парах языков, но и в группах соседствующих языков. Например, на Балканском полуострове постепенно складывается новая, не генетическая, общность языков — Балканский языковой союз. Его образуют языки, генеалогически весьма далекие друг от друга, — славянские (болгарский, македонский, сербский, хорватский), румынский, греческий, албанский.

О крупных ареальных общностях неродственных языков писал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ. Термин *языковой союз* укрепился после классической работы Н. С. Трубецкого "Вавилонская башня и смешение языков" (1923; к столетию автора статья перепечатана в доступном издании, см.: Трубецкой 1990).

Языковые союзы складываются в условиях длительного, массового и равнопрестижного многоязычия. Говоря об индивидуально-психологической основе сближения языков Балканского союза, Богуслав Гавранек писал: "С точки зрения языковой психологии было бы трудно понять, как эти простые люди (причем не в единичных случаях, а как правило) действительно смогли бы овладеть многими языками, если бы эти языки не имели общих черт. Можно предполагать, что для говорящих структуры языков хотя бы частично совпали, став в большей или меньшей степени одной и той же структурой" (Новое в лингвистике 1972, 100).

* Об аналитическом строе языков см. на с. 179 — 183.

Общность языков Балканского языкового союза проявляется в упрощении падежной системы, в развитии определенного артикля (причем постпозитивного, т. е. следующего за именем), в утрате инфинитива и замене его придаточными предложениями, в общих моделях некоторых будущих и прошедших времен, в сходстве моделей образования числительных от 11 до 19 и в ряде других грамматических черт, а также в большом количестве общей лексики.

Кроме Балканского языкового союза, выделяют еще несколько крупных ареальных общностей неродственных языков: 1) Поволжский (Волго-Камский) союз, в который входят финно-угорские языки (марийский, удмуртский) и тюркские (башкирский, татарский, чувашский); 2) Центрально-Азиатский (Гималайский) союз, объединяющий языки Центральной Азии различных семей и групп: иранской, индоарийской, дравидийской, тибетско-китайской (см. статью В. П. Нерознака "Языковой союз" в ЛЭС 1990).

Относительно некоторых языковых общностей пока неясно, какие факторы — генетические или конвергентные — создали их близость. Таковы, например, палеоазиатские языки (включающие чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские, енисейские, юкагиро-чуванские языки и нивхский язык); нило-сахарские языки в Африке; языки Океании.

Иногда языковые союзы трактуют очень широко — как ареальные объединения языков, характеризующиеся некоторыми общими чертами хотя бы на одном уровне — на фонологическом или грамматическом. Так, Б. Гавранек "общей средневропейской чертой" считал стабилизацию ударения на определенном слоге (в чешском, польском, немецком, венгерском, французском, английском). У. Вайнрайх видел конвергенцию в возникновении в греческом, в романских, германских языках новых прошедших времен, образованных по модели "иметь + причастие прошедшего времени". Е. Д. Поливанов указывал на конвергентное происхождение такой существенной фонологической черты, как различение твердых и мягких согласных (ср. русск. *мал* и *мьял*, *юла* и *Юля*, *хор* и *хорь* и т. п.), которая распространилась на огромной территории: "... от польского и ревельского говора эстонского языка на западе через русский и восточнофинские вплоть до дунганского в качестве крайнего юго-восточного представителя этого района" (Поливанов 1968, 116). Р. О. Якобсон, принимая во внимание некоторые фонологические черты языков, писал о "евразийском языковом союзе".

Влияние одного языка на другой иногда принимает особые формы. Например, отношение говорящих к языку, к его стилям, диалектам, к просторечию, т. е., говоря шире, языковые идеалы и вкусы говорящих могут формироваться под влиянием такого рода представлений в другом социуме. Эта зависимость проявляется в типологическом сходстве нормативно-стилистических систем соответствующих языков (см. с. 39 — 48). Так складывалась близость римских стилистических традиций к древнегреческим (эпохи эллинизма); церковнославянских к византийским; русских (карамзинско-пушкинской поры) к французским. При этом условием стилистического влияния оказывается не географическое соседство и даже не сосуществование во времени (ср. древнегреческий и латынь), но культурно-идеологическая близость двух социумов.

В современном мире возрастает взаимодействие языков без непосредственных территориальных контактов — в условиях так называемого "культурного двуязычия". Массовые заимствования проникают в языки "сверху": через переводчиков, журналистов-международников и вообще всяких других людей, владеющих престижным чужим языком, в результате международных культурных, научно-технических, спортивных, туристских контактов. Широкими каналами межъязыковых влияний служат информационные агентства ранга "Ассошиэйтед Пресс", "Франс Пресс", "Пренса Латина", "Рейтер"; пресс-центры при крупных конференциях, фестивалях, спортивных соревнованиях, ярмарках и т. п., поставляющие информацию и "полуфабрикаты" различных жанров для органов массовой коммуникации во многие страны.

Таким образом, языковой контакт — это предельно широкий класс языковых процессов, обусловленных разного рода взаимодействием языков.

ИЗМЕНЕНИЕ ИЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ? (ОБ ОЦЕНКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ)

О "регрессе" и "прогрессе" в истории языков. Античность, средние века, эпоха Возрождения не знали исторического подхода к языку. Зримые изменения оценивались как "порча" языка, нежелательное отклонение от образцов.

Сравнительно-историческое языкознание* впервые показало, что язык есть вечный процесс, и поэтому изменения в языке — это не аномалии, а способ его существования. Концепции истории языка, созданные в первой трети XIX в. старшими компаративистами (братья Август и Фридрих Шлегели, Вильгельм Гумбольдт, Август Шлейхер), опиравшиеся на естественно-научные представления о развитии и целостности организма, настоянные на немецкой классической философии и романтической идеологии, отличает теоретическая устремленность, глубина и яркость мысли.

Никогда позже за исключением, может быть, концепции Н. Я. Марра, не создавались столь смелые теории, в которых было стремление найти единый закон в истории разных языков. Вместе с тем никогда исторический процесс в языке и различия между языками не трактовались так субъективно-метафорически и резко.

Никогда позже в языкознании исторические исследования не были так тесно связаны с лингвистической типологией — ее фундамент заложили именно компаративисты "первого призыва".

Создавая морфологическую типологию, они стремились к ее исторической интерпретации, т. е. к тому, чтобы представить типы языков как с т а д и и единого исторического процесса формирования языков мира (этот процесс иногда называют *глоттогонией* или *глоттогоническим* процессом, от греч. *glóttá* — язык и *gonos* — рождение).

Терминологический экскурс: основные понятия типологии языков.

Лингвистическая типология изучает т и п ы (разновидности) строения языков безотносительно к их родственным связям и ареальным контактам. В морфологической типологии (а это хронологически первая и наиболее

* Сравнительно-историческое языкознание, или компаративистика (от лат. *comparativus* — сравнительный), — область языкознания, изучающая развитие родственных языков из их общего языка-источника — *праязыка*.

разработанная из типологических классификаций) принимаются во внимание, во-первых, способы выражения грамматических значений и, во-вторых, характер соединения в слове его значимых частей (морфем).

В языках мира существуют две основные группы способов выражения грамматических значений: 1) синтетические способы и 2) аналитические. Для синтетических способов характерно соединение грамматического показателя с самим словом (в этом мотивированность термина *синтетический**); таким показателем, вносящим грамматическое значение "внутрь слова", может быть окончание, суффикс, приставка, чередование звуков (*теку — течет — поток*), изменение ударения (*но́ги — но́гий*) и некоторые другие средства. Общей чертой аналитических способов является выражение грамматического значения за пределами слова, отдельно от него — например, с помощью предлогов, союзов, артиклей, вспомогательных глаголов и других служебных слов, а также с помощью порядка слов и общей интонации высказывания**.

В большинстве языков есть и аналитические и синтетические средства выражения грамматических значений, однако их удельный вес бывает разным. Например, в русском языке синтаксическая функция существительного выражается прежде всего падежными окончаниями (т. е. синтетически), поэтому порядок слов относительно свободный, ср.: *Ваня встретил Машу и Машу встретил Ваня*. Однако иногда, сравнительно редко, окончания разных падежей совпадают, и тогда используется аналитическое средство — порядок слов. Например, в предложении *Бытие определяет сознание* только порядок слов указывает, что *бытие* — это подлежащее, а *сознание* — дополнение; при изменении порядка слов изменятся синтаксические роли существительных, а значит, и смысл всего предложения, ср.: *Сознание определяет бытие*. Рассмотренный случай демонстрирует достаточно обычную для русского языка пропорцию синтетических и аналитических средств грамматики: синтетические способы используются чаще, однако есть и аналитические возможности.

К языкам синтетического строя принадлежат все славянские языки (кроме болгарского), санскрит, древнегреческий, латынь, литовский, якутский, немецкий, арабский, суахили и многие другие. Языки с развитым словоизменением, которое сопровождается чередованиями (*речь, изрекать, пророчать, пророк*), иногда называют *флективными****.

К языкам аналитического строя относятся все романские языки, болгарский, английский, датский, новогреческий, новоперсидский и многие другие. Аналитические способы в этих языках преобладают, однако в той или иной мере используются и синтетические грамматические средства. Языки, в которых почти отсутствуют возможности синтетического выражения грамматических значений (как в китайском, вьетнамском), в XIX в. называли *аморфными* (бесформенными), т. е. как бы лишенными формы.

Есть языки, в которых корень слова, напротив, оказывается настолько "переобремененным" разными служебными и зависимыми корневыми морфемами, что такое слово превращается по смыслу в предложение, но при этом остается оформленным как слово. Такое устройство "слова-предложе-

* *Синтетический* (от греч. *synthesis* — сочетание, составление, объединение) — основанный на синтезе, объединенный.

** *Аналитический* (от греч. *analysis* — разъединение, разложение, расчленение) — разъединяющий, разлагающий на составные части; связанный с анализом.

*** *Флексия* (от лат. *flexio* — сгибание, изгиб, переход) в узком смысле — окончание слова; расширительно — все возможные видоизменения слова, сопутствующие образованию его грамматических форм.

ния" называют инкорпорацией (лат. *incorporatio* — включение в свой состав, от лат. *in* — в и *corpus* — тело, единое целое), а соответствующие языки — *инкорпорирующие*, или *полисинтетические* (некоторые индейские языки, чукотский, корякский и др.).

В типологии языков различают два основных типа морфемного устройства слова: *фузию* (от лат. *fusio* — сплавление) и *агглютинацию* (лат. *agglutinatio* — приклеивание, склеивание). В фузионном слове границы между морфемами неотчетливы, они как бы сплывались: иногда они проходят внутри звука (например, в слове *стричь* в звуке [ч] слились последний звук корня *стригу* и первый согласный инфинитивного показателя *-ти*), иногда некоторые части морфем вообще не просматриваются (*принять*, *взять*). Для фузионного слова характерно то, что служебные морфемы одновременно выражают несколько грамматических значений (например, в слове *стена* флексия *-а* имеет три значения: женский род, именительный падеж, единственное число). Среди фузионных языков есть как синтетические (древнегреческий, латынь, славянские, немецкий), так и аналитические (английский, французский и др.).

В агглютинативном слове границы между морфемами вполне отчетливы, при этом каждая служебная морфема имеет только одно грамматическое значение и каждое значение выражается всегда одной морфемой. Структура агглютинативного слова представляется прозрачной и достаточно рациональной, не случайно в эсперанто слова устроены именно агглютинативно (см. с. 113 — 115). Агглютинативных языков на Земле много: это все языки тюркской семьи, некоторые финно-угорские, грузинский, японский, корейский, суахили и др.

Таковы основные понятия морфологической типологии языков. Подробно см.: Реформатский 1967, 263 — 317, 450 — 464; Маслов 1987, 230 — 237.

Теперь вернемся к опытам исторической и оценочной интерпретации типов грамматического устройства языков.

Компаративисты старшего поколения видели в морфологических типах языков ступени единого процесса языкового развития. Наиболее древним они считали аморфный строй языков, где фраза состояла из односложных слов-корней, лишенных всяких служебных морфем, как бы не оформленных. Затем агглютинация и последовавшие фузионные процессы привели к появлению флексии, звуковых чередований. Флективная морфология, следовательно, здесь рассматривалась как высший этап грамматического развития, а утрата флексии — как упадок языка.

Романтическая идеализация далеких времен и увлечение биологическими аналогиями между языком и живым организмом привели А. Шлейхера к мысли о деградации языка. Вместе с флексией, писал он, языки утрачивают богатство форм и способность к развитию; "историческое время" (т. е. после начала письма) — это период распада языка, "история — враг языка".

В. Гумбольдт, веря в преимущества флективного строя, не сводил, однако, достоинства языка к достоинствам грамматики. В истории языков он видел процесс непрерывного совершенствования языка как "органа внутреннего бытия" народа. Прогресс в

языке, таким образом, Гумбольдт связывает с поступательным движением общества, с духовным совершенствованием народа.

Младограмматики (последняя треть XIX в.) отказались от многих идей ранней компаративистики: от теории единого глоттогонического процесса и исключительности флексии, от романтического противопоставления доисторического расцвета языков и их последующей деградации. Вместе с тем позитивисты-младограмматики отказались и от попыток о ц е н и в а т ь историю языков, видеть в ней прогресс или регресс.

XX век в основном сохраняет осторожность в оценках и общих построениях. Одной из "неосторожных", не доказанных и в целом не принятых глобальных гипотез было учение Н.Я.Марра о едином глоттогоническом процессе. По Марру, языки в своем развитии проходят следующие стадии: 1) аморфную, 2) аморфно-синтетическую, 3) агглютинативную, 4) флективную. Стадии соответствуют определенным общественно-экономическим формациям. Подобно революционной смене одного типа общества другим, учил Марр, переход из одной стадии в другую происходит скачкообразно, как коренная качественная ломка языка. (О Марре и его "новом учении о языке", ставшем официальной "марксистской" концепцией советского языкознания до 1950 г., см. Алпатов 1991.)

В работах И. И. Мещанинова 30 — 40-х гг., создававшихся в русле марровской стадияльной типологии, складывалась теория единого синтаксического развития языков мира: от древнейшего синкретизма слова и предложения через инкорпорацию к посессивному, эргативному и, наконец, номинативному строю предложения. Однако позже И. И. Мещанинов отказался от трактовки синтаксических типов языков в качестве стадий языкового развития.

Становится все более очевидным, что прогресс в языке, его совершенствование нельзя связывать с тем или иным типом грамматического устройства. Воздерживаются от оценочных суждений крупнейшие типологи мира Э. Сепир, Ж. Вандриес. Не принята теория О. Есперсена, который считал развитие аналитизма прогрессом в языке. Скорее скептическим было отношение к гипотезе "спиралеобразного" развития языков Х. Габеленца. В. Скаличка, в 30-х гг. изучавший возможность связи определенного типа языка с ускоренным культурным развитием, впоследствии отказался от этих попыток. Вместе с тем В. Скаличка писал: "Мы не утверждаем, что подобных связей вообще не существует, а констатируем только, что они пока неизвестны" (Новое в лингвистике 1963, 25).

Итак, в истории языков не удастся обнаружить единого направления грамматического развития и, таким образом, представить историю языков как движение к определенному типу грамматического устройства. Констатируя, например, усиление аналитических тенденций в современных славянских языках, следует помнить, что в целом аналитические способы древнее

флексии, что в истории языков известна не только смена синтетического строя аналитическим, но и обратное движение (например, в китайском, тибетском языках). Нет оснований также считать универсальной тенденцию к агглютинативному сцеплению морфем. Если сомнительно существование единых путей грамматического развития, то еще меньше оснований связывать изменения в типологических чертах языка с его прогрессом или регрессом. Все это именно изменения, а не совершенствование языка.

В чем совершенство языка? Тем не менее прогресс в развитии языка существует, однако он не связан со сдвигами в "технике" языка, т.е. в его грамматике и в звуковом строе. Совершенствование языка заключается в развитии возможностей выразить новое содержание. Эти возможности определяются, во-первых, богатством словаря, во-вторых, стилистической специализацией языковых средств и видов речи, в-третьих, семантической дифференциацией синонимов.

Не случайно совершенствование языка связано в первую очередь с развитием лексики и стилистики. Лексика в сравнении с фонологией и грамматикой и стилистическая система в сравнении со структурой языка — это внешние, поверхностные области в языке. Поэтому словарь и стилистика наиболее прямо связаны с внеязыковой реальностью, с историей и культурой народа. Отзываясь на изменения во внешних условиях существования языка, они интенсивно и сравнительно быстро меняются и при этом приводят к изменениям в более глубоких, внутренних системах, в том числе к изменениям в языковой "технике" — в типологических чертах языкового строя.

Подобно тому как на современной Земле род Номо представлен единственно видом *Nomo sapiens*, так и все языки находятся на одной ступени эволюции коммуникативных систем человечества. Не существует языков, которые сохранили бы черты предшествующего этапа эволюции, например языка питекантропов или неандертальцев. В устройстве разных языков нет ничего такого, что обрекало бы их на застой или замедленное развитие, как нет и "оптимальных" грамматических типов, которые предопределяли бы преимущества и совершенства соответствующих языков. Все языки обладают равными возможностями выполнять коммуникативные функции, развиваться и совершенствоваться. Однако эти принципиально равные возможности всестороннего развития, в силу социальных причин, оказываются в разной степени реализованными.

Историк культуры, восстанавливая родословную понятия "время", имел основания сказать о языке первых славянских переводов: "философски сырой язык" (Мурьянов 1978, 65). На заре славянской письменности это было действительно так. Зрелость и совершенство пришли позже — вместе с духовным

развитием народа, в процессе этого развития. И уже первые переводы, созданные славянскими просветителями, были серьезным и смелым шагом от "философски сырого языка" к совершенному.

Совершенствование языка идет по многим направлениям. В совершенном языке есть имя для всего. Он — как поэт, о котором Блок сказал: *"...сочинитель, человек, называющий все по имени..."* Совершенный словарь — это не просто большой словарь. Это разнообразный словарь. В нем есть слова обобщающие и слова уточняющие; есть слова, передающие чисто рациональное содержание, и слова, выражающие чувства; есть названия совокупностей, собирательные слова и названия для единичного, отдельного; в нем есть названия для невидимого, неслышимого, неосязаемого...

Дело, однако, не только в лексическом богатстве. Совершенство языка предполагает тонкую стилистическую дифференциацию языковых средств. Стилистическая неоднородность языка позволяет самим в ы б о р о м слов, форм, конструкций сигнализировать тип общения, характер контакта говорящих, жанр речи, создать атмосферу официальности или непринужденности, ласки или презрения...

Далее, совершенный язык — это способность средствами г р а м м а т и к и передать весь спектр модальных отношений, выразить разнообразные временные и пространственные значения, передать градации качества и количества, тонко дифференцировать причинно-следственные связи, сигнализировать взаимоотношения участников диалога.

Все то, в чем заключается совершенство языка — богатство словаря, функционально-стилистическая специализация языковых средств, углубленная семантическая дифференциация грамматических форм, — не зависит от типологических характеристик языка, но создается в течение веков народом, говорящим на языке. Иными словами, язык совершенствуется в общении. Неразвитый язык — это язык, который мало, узко, ограничено использовался и потому не выявил свои возможности. Чем продолжительнее и богаче событиями социальная и культурная история народа, чем сильнее и ярче непрерывная литературная традиция, чем интенсивней и многообразней индивидуальная, частная жизнь людей, тем совершеннее язык народа. Н. Г. Чернышевский писал: "Не в том главное дело, каковы формы языка, а в том, каково умственное состояние народа, говорящего языком... Прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития" (Полн. собр. соч. М., 1951. С. 848).

УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ

Закономерности изменений в языках: истоки общности, факторы различий. С точки зрения типологии и лингвистики универсалий четыре тысячи языков Земли, несмотря на различия национальных оболочек, сходны в своих самых существенных чертах и в этом смысле представляют собой единый под всеми широтами и флагами Язык людей. По-видимому, правомерно говорить и о единой Истории языков. Будущая лингвистика диахронических универсалий откроет и объяснит то общее, что объединяет неповторимые в своих конкретных чертах истории отдельных языков. Универсальное в истории языков сильнее всего проявляется в глубинных, фундаментальных закономерностях исторических процессов, подобно тому как структуры языков сходны в главном — в самих принципах устройства языка.

В истории языков есть два рода универсалий: во-первых, в самих принципах и механизмах языковых изменений и, во-вторых, в содержании изменений, т. е. в тенденциях, направлениях развития разных языков.

Универсалии первого рода связаны с ответом на вопрос, почему и как изменяются языки. История каждого конкретного языка уникальна — прежде всего потому, что она осуществляется в своем, неповторимом языковом материале, однако "механизмы" истории едины. Универсальна сама способность и готовность каждого языка изменяться "в ответ" на изменения в потребностях общения и познания. Универсальна вероятностная природа языковых закономерностей, а также соотношение случайности и детерминированности в языковых процессах. Эти наиболее общие универсальные принципы реализуются в более частных закономерностях, носящих, однако, также универсальный характер, — например, закономерности перерастания речевых изменений в языковые; неравномерность изменений разных языков; медленность изменений грамматики в сравнении с изменениями в словаре и т. п.

Общие закономерности, относящиеся к содержанию изменений, связаны с ответом на вопрос о том, куда, в каком направлении развиваются языки. Мы видели, что не существует

единой структурной "цели" развития языков — некоего самого совершенного, оптимального типа языковой структуры. Ни аналитизм, ни флексия, ни агглютинация, ни номинативный строй предложения не могут рассматриваться в качестве всеобщего предела языковой эволюции. И все же известная общность в направлении языковых изменений есть. Эта общность — в эволюции отношения человечества к языку, в развитии возможностей использования языка. Таким образом, общее в направлении языковых изменений носит социолингвистический характер.

Основные направления социальной эволюции языков.

1. Языковые изменения в конечном счете представляют собой процесс непрерывного совершенствования языка как средства общения и познания. Прогресс языка обусловлен поступательным движением общества, развитием его материальной и духовной культуры. Иными словами, эволюционные процессы в языке представляют собой "самонастройку" языка в ответ на изменения во внешнем мире, т. е. форму связи языка и внеязыковой реальности. Совершенствование сложодинамических систем, к которым относится язык, заключается в углублении адаптации системы к среде, что достигается усложнением ее строения (структуры). Усложнение структуры выражается в увеличении числа элементов, в количественном росте и специализации функций элементов, в формировании новых уровней и подсистем. При этом адаптации подвергаются в первую очередь более высокие ("внешние", "поверхностные") уровни организации системы, что обеспечивает устойчивость внутренних уровней и определенную независимость системы от колебаний внешней среды.

2. В языке возникает и углубляется функциональная (стилистическая) дифференциация языковых средств и складываются функциональные варианты речи. В феномене стилистики значимы два следствия: культурно-историческое и структурно-информационное. Культурно-исторический смысл стилистической дифференциации состоит в коллективном осмыслении языка говорящими (см. с. 44 — 45). С точки зрения теории информации стилистическая дифференциация соответствует наиболее принципиальным направлениям в эволюции сложодинамических и самонастраивающихся (адаптивных) систем: она означает дифференциацию вероятностей элементов кода и видов текстов. Дифференциация вероятностей является средством колоссального накопления информации в системе и, следовательно, уменьшения энтропии (неупорядоченности, дезорганизованности), достигаемого, однако, без изменения субстанциональных и структурных характеристик системы. Увеличение количества

информации в системе усиливает ее отражательные свойства, что способствует углублению адаптации системы к среде. Одновременно накопление информации увеличивает устойчивость системы к воздействиям среды, поскольку дифференциация вероятностей элементов создает возможность точных, локальных реакций и тем самым делает механизм связи гибким, экономным и оперативным.

3. Закономерностью развития языка является формирование вторичной системы плана выражения — письма, что приводит к резкому увеличению коммуникативных возможностей языка и существенно меняет характер использования языка в обществе. Формируется новый тип речи — письменная речь, с присущими ей особенностями порождения и восприятия текста, высокой информативной емкостью и значительно большей эксплицированностью (выраженностью) информации. Становится возможным "молчаливое" общение, при котором коммуниканты разделены в пространстве и/или во времени. Возрастает жанровое разнообразие речи. Традиции письменной речи (конкретного языка) во многом определяют характер его стилистической дифференциации. При этом история письменности в различных социумах состоит в расширении функций и сфер использования письма, в преодолении исключительности письменной речи, типичной для ранних этапов ее существования.

4. История взаимоотношений языка и общества характеризуется возрастанием роли языка в жизни общества. Это обусловлено некоторыми общими тенденциями развития человеческого общества, такими, как интеллектуализация производства, усложнение социальной организации общества, удлинение сроков обучения, развитие каналов коммуникации, углубление личностного своеобразия каждого человека. В результате расширяются сферы использования и объем функций языка. Удлиняется "языковое существование" каждого человека: растут те ежедневные часы, в которые человек говорит, слушает, читает, пишет, размышляет.

По мере возрастания роли языка в жизни людей расширяются возможности социума регулировать языковые аспекты коммуникации.

Возрастание роли языка в жизни общества представляет собой частный случай некоторых более общих закономерностей в эволюции систем.

Современная наука признает решающую роль кодовых связей при переходе от неживых систем к живым и в процессе последующей биологической эволюции. Место некоторой системы в эволюционном ряду предбиологических и биологических систем определяется ее способностью различать в любом воздействии внешней среды две группы свойств: параметрические, относящиеся только к количеству и материальной природе воздействия (количество массы определенного вещества; количество энергии определенного вида и т. п.), и кодовые свойства, которые относятся к организации данного воздействия как сообщения (например, временные, пространственные характеристики воздействия). "Любые организованные системы в какой-то мере разделяют кодовую часть воздействия и параметрическую... Появление жизни есть выражение этой тенденции,

доведенной до крайней известной степени... Мост между живым и неживым состоит из динамических организаций, в которых коды управляют параметрическими процессами... Эволюция от простейших к сложным формам жизни есть постепенное развертывание кодовых механизмов" (Николаев Л. А. Основы физической химии биологических процессов. М., 1976. С. 102 — 103).

В человеческом обществе мы находим дальнейшее развитие эволюционных тенденций к усилению кодового взаимодействия системы и внешней среды. Роль коммуникативных систем в обществе аналогична функциям нервной системы в организме: все это средства связи с внешней средой и саморегуляции. Поэтому уровень развития коммуникативных систем и каналов связи, интенсивность информационных процессов можно рассматривать как меру социальной организации общества. Естественно, что общественному прогрессу соответствует возрастание роли важнейшего средства общения — языка.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Попытка резюме и приглашение к диалогу)

Если книга нуждается в резюме, значит, в ней избыток воды. Оправдываясь, автор может сказать, что он хотел быть понятным и доказательным.

Читателю, прочитавшему или частично читавшему эту книгу, автор, вместо чтения резюме, предлагает заняться следующим:

— Назовите три тезиса (идеи, суждения, утверждения и т. п.), содержащиеся в "Социальной лингвистике", которые, по вашему мнению, были для автора самыми важными (порядок их следования значим). Это будет ответ на вопрос: *Чему учит эта книга?*

— Назовите три тезиса, относящиеся к проблеме "Язык и общество", которые, вне зависимости от этой книги, Вам, читателю, представляются самыми важными (порядок следования значим). Это будет ответом на вопрос: *Чему надо учить в "Социальной лингвистике"?*

— Сопоставьте сформулированные вами тезисы с теми, которые автор считает в этой книге главными. А это следующие утверждения:

1) язык есть основа коммуникации и сознания, связующая и объединяющая разные способы общения и разные формы общественного сознания; поэтому в языке аккумулированы фундаментальные культурно-исторические ценности человечества;

2) человек не находится в плену у языка. Язык — для человека и общества, а не общество и человек для языка. Язык — это только средство общения, а не его содержание. Не язык, а народ создает культуру;

3) в истории человечества роль языка в жизни общества возрастает. Объем циркулирующей в обществе информации (в расчете на душу населения) может быть показателем уровня развития общества.

Это ответ на вопрос: *Чему хотел учить автор этой книги?*

Если в составе или приоритетности трех групп утверждений есть различия, то автор предлагает их обсудить (устно или письменно).

Всего доброго!

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкицев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. — 320 с.
- Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. — 256 с.
- Алпатов В. И. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. — 240 с.
- * Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. — 608 с.
- Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. М., 1978. — 200 с.
- ** Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. — 544 с.
- Белл Р. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980. — 320 с.
- Бланар В. О внутренне обусловленных семантических изменениях // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 3 — 13.
- Бодуэн де Куртене И. А. Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1913. — V, 84 с.
- Бодуэн де Куртене И. А. Возможно ли мирное сожительство разных народностей в России? // Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос. Пг., 1916. С. 19 — 31.
- ** Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. — 384 с.; Т. 2. — 391 с.
- * Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. — 830 с.
- Будагов Р. И. Человек и его язык. М., 1974. — 263 с.
- ** Булаховский Л. А. Визникнення і розвиток літературних мов // Булаховський Л. А. Вибрані праці: В 5 томах. Т. I: Загальне мовознавство. Київ, 1975. С. 321 — 470.
- ** Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М., [1844] 1992. — 512 с.
- Великобритания: Лингвострановедческий словарь. М., 1978. — 480 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1976. — 248 с.
- Виноградов В. А., Коваль А. Н., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М., 1984. — 128 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. — 279 с.
- ** Выготский Л. С. Мышление и речь [1934] // Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982. С. 5 — 361.
- ** Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1992. — 224 с.
- Гак В. Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 104 — 133.

Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5 — 8.

Ганди К. Л. Языковая политика в современной Индии. М., 1982. — 184 с.

Гаспаров Б. М. Введение в социограмматику // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 425. Тр. по рус. и славян. филологии. Серия лингвистическая. Т. 29 // Проблемы языковой системы и ее функционирования. 1977. С. 24 — 45.

Гаспаров Б. М. Система языковых ареалов и ее значение для типологии культуры // Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 463. Тр. по знаковым системам. Вып. 10 // Семиотика культуры. 1978. С. 34 — 64.

Гаспаров Б. М. Структура русского языка с типологической точки зрения (Введение в социограмматику). Статья вторая. Морфология имени // Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 486. Тр. по рус. и славян. филологии. Серия лингвистическая. Т. 30. 1979. С. 23 — 44.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982. — 367 с.

Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971. — 272 с.

* Горбачевич К. С. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник. Л., 1973. — 519 с.

Горфункель А. Х. Гуманизм — Реформация — контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 7 — 19.

** Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [1830-1835] // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37 — 298.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. — 312 с.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Таллин, 1981. — 324 с.

Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967. Т. 1. — 372 с.

* Звегинцев В. А. История языкознания XIX — XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. 1. — 466 с.; 1965. Ч. 2. — 496 с.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. 8). Л., 1929. — 151 с.

** Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. — 304 с.

** Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978. — 185 с.

* Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. Л., 1976. — 320 с.

Исаев М. И. Язык эсперанто. М., 1981. — 88 с.

История лингвистических учений: Средневековая Европа. М., 1985. — 288 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Ч. III. — 416 с.

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк. М., 1977. — 262 с.

Культура речи в технической документации: На материале ГОСТов и специальной литературы. М., 1982. — 216 с.

Леонтьев А. А. Проблема глоттогенеза в современной науке // Энгельс и языкознание. М., 1972. С. 135 — 157.

- ** Лихачев Д. С.** Черты первобытного примитивизма в воровской речи // *Язык и мышление*. Вып. 3-4. М.; Л., 1935. С. 47 — 100.
- ** Лихачев Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. — 415 с.
- ** Лихачев Д. С.** Развитие русской литературы X — XVII веков. Л., 1973. — 254 с.
- Логачев К. И.** Основные итоги развития новогреческого литературного языка на конец 1970-х годов // *Славянское и балканское языкознание: История литературных языков и письменность*. М., 1979. С. 264 — 270.
- * ЛЭС 1990:** Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. — 686 с.
- Маркиш С. П.** Знакомство с Еразмом из Роттердама. М., 1971. — 224 с.
- * Маслов Ю. С.** Введение в языкознание. М., 1987. — 272 с.
- Мечковская Н. Б.** Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. — 160 с.
- Мишкuroв Э. Н.** О литературно-разговорной форме речевого общения в арабоязычном ареале // *Военный Краснознаменный институт. Сборник статей № 17. Юридические науки. Иностранные языки*. М., 1981. С. 141 — 148.
- Мурьянов М. Ф.** Время (понятие и слово) // *Вопросы языкознания*. 1978. № 2. С. 52 — 66.
- Нарумов Б. П.** Региональные романские языки в Западной Европе // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 51. 1992. № 5. С. 29 — 40.
- Научно-техническая революция и функционирование языков мира**. М., 1977. — 270 с.
- Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков**. М., 1978. — 356 с.
- Национально-культурная специфика речевого поведения**. М., 1977. — 352 с.
- Новое в зарубежной лингвистике**. Вып. 20. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988. — 320 с.
- Новое в лингвистике**. Вып. 3. М., 1963. — 568 с.
- Новое в лингвистике**. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. — 535 с.
- О языках, фольклоре и литературе Океании**. М., 1978. — 122 с.
- * Общее языкознание / Под общей редакцией А.Е.Супруна**. Минск, 1983. — 456 с.
- * Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка**. М., 1970. — 604 с.
- ** Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. — 512 с.
- ** Поливанов Е. Д.** Статьи по общему языкознанию. М., 1968. — 376 с.
- ** Потебня А. А.** Эстетика и поэтика. М., 1976. — 614 с.
- ** Пражский лингвистический кружок**. М., 1967. — 558 с.
- Проблемы ареальных контактов и социолингвистики**. Л., 1978. — 166 с.
- Проблемы интерлингвистики: Типология и эволюция международных искусственных языков**. М., 1976. — 158 с.
- Проблемы международного вспомогательного языка**. М., 1991. — 204 с.
- Проблемы языковой политики в странах Тропической Африки**. М., 1977. — 198 с.
- Рабинович В. С.** Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. — 392 с.

Реформатский А. А. Что такое термин и терминология / Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961. С. 46 — 54.

* Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. — 544 с.

* Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979. — 224 с.

* Русское и славянское языкознание в России середины XVIII — XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников) // Учебное пособие. Л., 1980. — 213 с.

* Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. — 430 с.

Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1976. — 350 с.

Софронов М. В. Китайский язык и китайское общество. М., 1979. — 312 с.

Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974. — 142 с.

Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976. — 224 с.

* Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965. — 356 с.

Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971. — 146 с.

* Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. — 272 с.

Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. 4; 1881. Т. 6; 1885. Т. 7.

Супрун А. Е. Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе. Минск, 1974. — 144 с.

Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970. — 311 с.

Толстой Н. И. Роль Кирилло-Мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности // Краткие сообщения Института славяноведения и балканистики АН СССР. Вып. 39. Исторические связи славянских народов. М., 1963. С. 27 — 38.

Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41. 1982. № 5. С. 397 — 405.

** Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. — 240 с.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 250 — 264.

** Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 49. 1990. № 2. С. 152 — 160.

** Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 123 — 139; № 3. С. 114 — 134.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. // Studia Slavica Hungarica. 29. 1983. С. 33 — 69.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. — 216 с.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972. — 655 с.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. — 601 с. [Имеется ряд репринтных изданий].

Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1988. — 608 с.

Фрумкина Р. М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике) // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 183 — 216.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. — 259 с.

Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972[а]. — 122 с.

Шлюбскі Ал. Адносіны расійскага ураду да беларускае мовы ў XIX ст. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 2. Працы класы філёлёгіі. Т. 1. Менск, 1928. С. 303 — 337.

** Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. — 428 с.

* Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание) / Составитель М. В. Панов. М., 1984. — 352 с.

Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словаря. Предварительные материалы. М., 1984. — 172 с.

Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Исследования по русскому языку. СПб, 1885 — 1895. Т. 1. С. 289 — 1070.

** Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. — 961 с.

Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. — 463 с.

Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977. — 320 с.

** Jakobson Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против": Сборник статей. М., 1975. С. 193 — 230.

** Jakobson Р. Мозг и язык // Jakobson Р. Избранные работы. М., 1985. С. 270 — 286.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ*

- агглютинативные языки — 181
агглютинация — 181
адресант сообщения — 14
адресат сообщения — 14
академическое издание литературного произведения — 81
аналитические грамматические средства — 180
аналитический грамматический строй — 180
аморфные языки — 180
ареал — 174
ареальная лингвистика — 174
аутентичный текст — 83
- билингв — 105
- внутренняя форма слова — 55
- генеалогическая классификация языков — 89
герменевтика — 79
глосса — 79
глоссарий — 79
глоттогонический процесс — 179
- двуязычие культурное — 76
двуязычие функциональное — 76
денотат — 18, 53
денотативный компонент значения — 18, 53
детерминизм лингвистический — 64
диахрония — 8
- иллокуция — 17
имплицитный — 44
инкорпорация — 181

* Цифра отсылает к странице, на которой дано определение соответствующего термина; указатель не включает термины, входящие в заглавие параграфов.

инкорпорирующие языки — 181
интерференция — 104
канонические тексты (в религиях Писания) — 73
код — 14
кодификация (языковых норм) — 38
кодифицированный литературный язык — 39
койне — 30
компаративистика — 179
коннотат — 18, 53
коннотативный компонент значения — 53
коннотация — 18
контаминация — 167
континуум языковой — 144
критика текста — 81
критическое издание литературного произведения — 81
лакуны (в лексике) — 53
лингводидактика — 162
лингвоним — 92
литературный язык — 31
ложные друзья переводчика — 54, 171
локуция — 17
маркированность языкового знака — 44
метаязык — 20
метаязыковая функция речи — 20
мифологическая школа (в литературоведении) — 161
модальные значения — 18
оберег — 25
окказиональное значение — 34
перлокуция — 17
полиглотта — 80
полисинтетические языки — 181
праязык — 179
релевантность — 10
релятивный — 59
референция — 14
сакральные тексты (в религиях Писания) — 72
семантика — 10
семиотика — 9
синтетические грамматические средства — 180
синтетический грамматический строй — 181

синхрония — 8
Slavia Orthodoxa — 85
сообщение — 14
сравнительно-историческое языкознание — 179

табу — 133
тезаурус — 46
текстология — 81
типология лингвистическая — 39
транслитерация — 80

фатическая функция речи — 19
флексия — 180
флексивные языки — 181
фузионные языки — 181
фузия — 181

узуальное значение — 34
узус — 34
универсалии лингвистические — 21

эвфемизм — 133
экзегеза — 79
эксплицитный — 44
этимология — 56
этноним — 92

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аверинцев С.С. — 55, 80, 150, 152,
190

Авраамий — 74

Агеева Р.А. — 92, 190

Акуленко В.В. — 173

Александр Македонский — 93

Алексарх — 113

Алпатов В.М. — 182, 190

Альбрехт — 158

Апресян Ю.Д. — 64

Апулей — 165

Арий — 74

Аристотель — 81

Арутюнова Н.Д. — 17

Ахманова О.С. — 190

Барбюс А. — 115

Баткин Л.М. — 80, 190

Бахтин М.М. — 26, 190

Белич Я. — 46

Белл Р. — 100, 112, 190

Бернал Дж. — 115

Бланар В. — 54, 190

Блок А.А. — 184

Богусевич Ф. — 43, 70

Бодуэн де Куртене Я. (И.А.) — 62,
93, 121, 125, 127, 128, 129,
141, 176, 190

Боккаччо Д. — 43, 138, 165

Брайль Л. — 11

Бродский И.А. — 28

Брук С.И. — 70, 96, 98, 103, 190

Бруно Дж. — 165

Будагов Р.А. — 138, 190

Будде Е.Ф. — 162

Булаховский Л.А. — 138, 190

Булич С.К. — 114

Буслаев Ф.И. — 161—164, 190

Бухарин Н.И. — 152

Бэкон Ф. — 114, 132, 165

Вавилов В.Н. — 96

Вайнрайх (Вейнрейх) У. — 177

Вандриес Ж. — 182

Василий III — 84

Велеславин Д. — 46

Верещагин Е.М. — 52, 53, 190

Винер Н. — 142

Виноградов В.А. 24, 30, 96, 190

Винокур Г.О. — 140

Витгенштейн Л. — 25

Вознесенский А.А. — 55

Вольф Е.М. — 51

Выготский Л.С. — 11—12, 146, 190

Габеленц Х. — 182

Гавранек Б. — 104, 176, 177

Гаврилов А.К. — 23

Гак В.Г. — 100, 121, 123, 190

Гален К. — 113

Гамкрелидзе Т.В. — 50, 190

Ганди К.Л. — 122, 127, 190

Гаспаров Б.М. — 66, 190

Гассенди П. — 165

Гельб И.Е. — 152, 153, 155, 190

Геннадий — 160

Гораций — 165

Горбачев М.С. — 122

Горбачевич К.С. — 36—37, 191

Горфункель А.Х. — 80, 191

Горький М. — 115

Граудина Л.К. — 35

Гримм В. — 161

Гримм Я. — 161

- Грин Дж. — 65
 Гумбольдт А. — 61
 Гумбольдт В. — 25, 61—62, 179, 181, 182, 191
 Гумилев Л.Н. — 93
 Гусовский М. — 107
 Гутенберг И. — 156
- Даниич Дж. — 47
 Данте А. — 43, 138, 161, 165
 Дарвин Ч. — 7
 Дашкова Е.Р. — 138, 140
 Дейк Т.А. ван — 18, 191
 Декарт Р. — 114, 132, 165
 Державин Г.Р. — 117
 Дмитриевский А.А. — 161
 Добрицхоффер — 147
 Добровский Й. — 46
 Дорошевский В. — 128
 Дуличенко А.Д. — 99, 191
 Дунин-Марцинкевич В. — 43, 70
- Евгеньева А.П. — 42
 Евфимий Тырновский — 84
 Есперсен О. — 176, 182
- Жельвис В.И. — 53
 Журавский А.И. — 123, 191
 Жуховицкий Л.А. — 35
- Зализняк А.А. — 36
 Заменгоф Л. — 114
 Заратуштра — 25
 Звегинцев В.А. — 34, 191
 Зеленин Д.К. — 133, 191
 Зизаний Л. — 87
- Иван IV (Грозный) — 160
 Иванов Вяч.Вс. — 23, 89, 154, 166, 191
 Иванова И.П. — 171, 191
 Иероним — 81
 Исаев М.И. — 113, 114, 191
 Исаченко А.В. — 108
 Ицкович В.А. — 35
- Каранец К. — 70
 Кампанелла Т. — 113, 165
 Караджич В.С. — 47—48, 77, 139
- Карамзин Н.М. — 163
 Карл I — 46
 Катлинская Л.П. — 35
 Катулл Г.В. — 165
 Киприан — 84
 Кирилл (Константин) Философ — 76, 77, 85
 Кирилл Транквилион Ставровецкий — 87
 Кирпичников А.И. — 161
 Клышко М.К. — 42
 Ключевский В.О. — 73, 74, 191
 Коваль А.И. — 24, 96, 191
 Колас Я. — 117
 Коменский Я.А. — 46, 113
 Константин Костенечский — 149
 Конфуций — 70
 Коперник М. — 165
 Корнель П. — 43
 Костомаров В.Г. — 52, 53, 191
 Костомаров Н.И. — 86
 Котелова Н.З. — 164
 Котошихин Г.К. — 74
 Коул М. — 65, 191
 Кравчук Л.М. — 85
 Крижанич Ю. — 113, 114
 Купала Я. — 70
- Лазарь — 85
 Лейбниц Г. — 114, 132
 Леонтьев А.А. — 11, 191
 Лермонтов М.Ю. — 36
 Лихачев Д.С. — 26, 81, 147, 148, 149, 191
 Логачев К.И. — 109, 191
 Ломоносов М.В. — 161, 165
 Лотте Д.С. — 137
 Луначарский А.В. — 135
 Лурья А.Р. — 146, 147, 191
 Лучина Я. — 70
 Люллий Р. — 113
 Лютер М. — 77, 86, 158
- Макарий — 86
 Максим Грек — 84
 Маркиш С.П. — 81, 191
 Мартине А. — 12, 104, 170
 Марр Н.Я. — 179, 182
 Маршак С.Я. — 167

Mathews М.М. — 53
 Маслов Ю.С. — 181, 191
 Маяковский В.В. — 157
 Медоварцев М. — 84
 Мейе А. — 176
 Меланхтон Ф. — 158
 Мефодий — 76, 77, 85
 Мечковская Н.Б. — 74, 109, 191
 Мещанинов И.И. — 182
 Миклухо-Маклай Н.Н. — 97, 145
 Мишкурин Э.Н. — 109, 192
 Могила П. — 87
 Мольер Ж.Б. — 43
 Мор Т. — 113, 165
 Морзе С.Ф.Б. — 11
 Мохиэдин — 113
 Мукаржовский Я. — 23
 Мур Дж. — 25
 Мурьянов М.Ф. — 183, 192

 Набоков В.В. — 43, 44
 Нарумов Б.П. — 99, 192
 Негош П.П. — 139
 Нерознак В.П. — 172
 Николаев Л.А. — 188
 Никон — 74, 84
 Ньютон И. — 114, 165

 Обладович Д. — 47, 139
 Овидий — 165
 Огден Ч. — 115
 Ориген — 80, 81
 Острожский К.К. — 159
 Павский Г.П. — 86
 Папп Ф. — 54
 Пашкевич К. — 107
 Петрарка Ф. — 43, 138, 165
 Пешковский А.М. — 33, 35, 42,
 155, 192
 Поливанов Е.Д. — 177, 192
 Попов Вс. — 38
 Порхоновский В.Я. — 24, 96
 Потебня А.А. — 25, 56—58, 61—64,
 192
 Потебня Андрей А. — 62
 Пришвин М.М. — 58
 Пулатов Т. — 55
 Путрамент Е. — 92
 Пушкирев Л.Н. — 114

Пушкин А.С. — 36, 43—44,
 45—46, 135

 Рабинович В.С. — 150, 192
 Расин Ж. — 43
 Реформатский А.А. — 39, 89, 133,
 136, 181, 182
 Рождественский Ю.В. — 156, 157,
 160, 192

 Сакович К. — 87
 Селищев А.М. — 152
 Сенека Л.А. — 81, 165
 Сепир Э. — 25, 63—66, 182
 Скаличка Вл. — 182
 Скорина Ф. — 87, 107, 117, 158,
 159, 192
 Скрибнер С. — 65
 Слобин Д. — 65, 66
 Смотрицкий М. — 87, 107, 160
 Соболевский С.И. — 152
 Софронов М.В. — 136, 192
 Спиноза Б. — 165
 Станиславский К.С. — 18
 Станкевич А. — 70
 Стеблин-Каменский М.И. — 139, 192
 Степанов Г.В. — 24, 32, 192
 Степанов Ю.С. — 27, 53, 145, 192
 Субботин Н.И. — 74, 85, 192
 Супрун А.Е. — 108, 192
 Сухомлинов М.И. — 138
 Сырокомля Вл. — 70

 Тацит — 165
 Теренций — 81
 Терпигорев А.М. — 137
 Тих Н.А. — 11, 192
 Тихонравов Н.С. — 25
 Толстая С.М. — 52, 193
 Толстой Л.Н. — 22, 60, 115
 Толстой Н.И. — 47, 52, 78, 84, 193
 Томсен В. — 61
 Тредиаковский В.К. — 45
 Троцкий Л.Д. — 115
 Трубаев О.Н. — 56
 Трубецкой Н.С. — 76, 176, 193
 Тури Дж. — 121
 Тынянов Ю.Н. — 23
 Тяпинский В. — 85

Уиллиамс Ф. (Williams) — 153
Уорф Б. — 25, 63—66
Успенский Б.А. — 26, 45, 108, 193
Ухмылина Е.В. — 35

Фасмер М. — 56
Федор — 74
Федоров Иван — 158, 159, 160
Федотов Г.П. — 77
Фергюссон Ч. — 108
Филин Ф.П. — 174, 193
Фирсов А. — 85
Фишман Дж. — 108
Флекснер С.Б. — 54
Флоровский Г.В. — 77, 193
Франко Б. — 123
Фрезер Дж. — 147
Фрумкина Р.М. — 65, 193

Хабургаев Г.А. — 174
Хайдеггер М. — 26, 100
Хаймс Д. — 24
Хауген Э. — 104
Хлебников В. — 21
Ходкевич Г. — 160
Хомский Н. — 50, 51, 193

Цветаева М.И. — 156
Циолковский К.Э. — 115
Цицерон М.Т. — 165
Чахоян Л.П. — 171, 193

Чернышевский Н.Г. — 184
Чехов А.П. — 22, 42
Чуковский К.И. — 25

Шахматов А.А. — 161, 176
Шекспир В. — 43
Шеннон К. — 14
Шиллер И.Ф. — 150
Шишков А.С. — 117
Шкловский В.Б. — 127
Шлегель А.В. — 161, 179
Шлегель Ф. — 161, 179
Шлейхер А. — 179, 181
Шлюбски А. — 124, 193
Шпет Г.Г. — 77
Шерба Л.В. — 16, 37, 62, 127,
140, 193

Эзоп — 46, 81
Эйзенштейн С.М. — 23
Эразм Роттердамский — 80, 81,
110, 165, 166

Юнгман Й. — 46

Ягич В. (И.В.) — 62, 82, 84, 193
Якобсон Р.О. — 14, 17, 18, 19, 21,
24, 25, 50, 177, 193
Ян из Вислицы — 107
Ярошенко В. — 134

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА. ФУНКЦИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ (с. 7 – 29)

Языковое общение в эволюции человека	7
Общение людей и общение животных: основные различия	9
Структура коммуникативного акта и иерархия функций языка	14
Аспекты коммуникативной функции: адресаты сообщений, типы информации	15
Познавательная функция: язык как орган мышления и как "библиотека значений"	15
Регулятивная функция языка и теория речевых актов	17
Языковые средства эмоционально-экспрессивной функции речи	18
Фатическая (контактоустанавливающая) функция	19
Речевой комментарий речи (метаязыковая функция)	20
"Праздничная" разновидность языковой способности человека (эстетическая функция речи)	21
Этническая функция; язык как фактор объединения и единства народа	24
Магическая ("заклинательная") функция речи	24
Язык и биологические семиотики: различия в функциональных возможностях	26
Своеобразие языка как общественного явления	27

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА (с. 30 – 48)

Территориальная и социальная дифференциация и формы существования общенародного языка	30
Природа языковых норм	33
Литературный язык как высшая форма существования языка	37
Типологические различия литературных языков	39
Различия в социальных функциях	40
Барьеры норм, открытые границы и переходные зоны (о разных дистанциях между литературной и нелитературной речью)	40

О разном внимании к нюансам и оттенкам	41
Факторы национально-исторического своеобразия	
литературных языков	42
О языках — "гениальных юношах" и языках —	
"маститых гениях"	43
Культурно-психологический смысл стилистики	44
О "традиционных" литературных языках и прерванных	
традициях	44
Различия в идеологиях национального возрождения	45
Художественные стили эпохи и литературные языки	47

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА (с. 49 – 67)

Культурное и природное в языке	49
Общечеловеческий культурный компонент в языковой	
семантике	51
Безэквивалентная лексика и лакуны	52
Денотативные различия лексических соответствий	53
Коннотативное своеобразие переводных эквивалентов	54
Национально-культурные особенности внутренней	
формы слова	55
Своеобразие нормативно-стилистического уклада	
разных языков	58
Национально-культурная специфика речевого поведения	59
Воздействует ли язык на культуру? Идеи В. Гумбольдта	
и А. А. Потебни	61
Историко-биографический экскурс.	
Вильгельм фон Гумбольдт (1767 — 1835):	
философия языка и культура	61
Историко-биографический экскурс.	
А. А. Потебня (1835 — 1891):	
о "нравственной болезни" денационализации	62
Гипотеза "лингвистической относительности" Э. Сепира	
и Б. Уорфа	63
Экспериментальные проверки лингвистического	
детерминизма	64
В поисках лингвокультурных соответствий	66

ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ (с. 68 – 88)

Народы и религии на карте мира в прошлом и настоящем	68
Надэтнический характер религиозного сознания	71
Язык, религия и народный менталитет	71
Неконвенциональная трактовка знака в религиях Писания	72
Функциональное двуязычие культового и народного языков	75
Конфессиональные факторы в социальной истории языков	76

Религиозные предпосылки первых функционально-стилистических оппозиций	77
Иерархия конфессиональных жанров и ее влияние на письменную культуру	78
Конфессиональные потребности как первоисточник филологии	79
Историко-биографический экскурс: Эразм Роттердамский (1469 — 1536) как филолог	81
Религиозные истоки первых концепций языка	82
Коллизии исторического бытования сакральных текстов	82
"Исправление книжное" в истории православия	84
Народные языки в библейских переводах и литургии	85
Православные славяне	85
Католики	86
Протестанты	86
Униаты	87

НАРОДЫ МИРА И ЯЗЫКИ (с. 89 — 100)

Расы, этносы, языки	89
Является ли язык обязательным признаком этноса?	90
Определяющий признак этноса — этническое самосознание	91
Как отличить язык от диалекта?	94
Надэтнические многоязычные общности: консолидация и добрососедство или "мины замедленного действия"?	95
"Право на различие": этноязыковая самобытность против стандартизации и глобализма	98

ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ. МНОГОЯЗЫЧИЕ И ЯЗЫКИ-ПОСРЕДНИКИ (с. 101 — 116)

Дифференциальные признаки языковых ситуаций	101
Почему сбалансированные (равновесные) языковые ситуации редки?	103
Пример сложной языковой ситуации: языки на белорусской этнической территории в Великом княжестве Литовском	105
Подводные рифы близкородственного двуязычия	107
Диглоссия как особый вид несбалансированного двуязычия	108
Языки межэтническом общения: лингва франка, койне, пиджины	110
Креолизация пиджинов и креольские языки	111
Международные и мировые языки	112
Искусственные языки-посредники и интерлингвистика	113
Почему в мире становится больше двуязычных ситуаций?	115

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА (с. 117 – 131)

Определения, смежные понятия, компоненты	117
Программно-теоретический компонент	120
Аспекты юридической регламентации и границы действия законов о языке	121
Правовой статус языков	122
Юридический спектр подходов к языкам: от наибольшего благоприятствования до запрещения	122
Законы о языке и права человека	124
Административная практика	125
Финансово-экономические рычаги	126
Историко-биографический экскурс: Ян Игнацы Нецислав (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ (1845 – 1929) о принципах национально-языковой политики	127

О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗНАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА НА РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА (с. 132 – 143)

Что люди обычно хотят изменить в языке?	132
Можно ли считать табу "сознательным воздействием на язык"?	133
Реформы письменности	134
Создание терминологий	136
Сознательное начало в истории литературных языков	138
Пределы сознательной активности общества по отношению к языку	141

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ (с. 144 – 168)

Своеобразие языка на разных ступенях социальной истории народа	144
Язык в первобытном обществе	144
Языки ранних государств. Языковые ситуации феодальной поры	148
Языковое существование в послефеодальное время	150
Что изменяют в языках революции?	151
Письмо и книгопечатание как факторы языковой эволюции	152
Главное событие в истории коммуникации	152
"Тутенбергов пресс": первая предпосылка массовой коммуникации	156
Историко-биографические экскурсии: восточнославянские первопечатники Франтишек Скорина (до 1490 – ок. 1541) и Иван Федоров (ок. 1510 – 1583) в языковых ситуациях своего времени	158

Роль школы	160
Историко-биографический экскурс: Ф. И. Буслаев (1818 — 1897) о смысле преподавания отечественного языка	161
Внутренние и внешние языковые изменения. Почему и как происходят изменения в социальном статусе языков	164
Эволюция психики человека и язык. Как отражается в языке возрастание абстрактности и логической связности мышления?	166

ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ (с. 169 — 178)

Взаимовлияние языков как главный фактор языковой эволюции	169
Языковой контакт с точки зрения социолога, психолога и лингвиста	170
Психолингвистические механизмы смещения языков. Интерференция и "ложные друзья переводчика"	171
Векторы контактирования: дивергенция и конвергенция языков	173
Ареально-хронологические модели смещения языков (субстрат, суперстрат, адстрат)	174
Языковые союзы	176

ИЗМЕНЕНИЕ ИЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ?

(ОБ ОЦЕНКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ) (с. 179 — 184)

О "регрессе" и "прогрессе" в истории языков	179
Терминологический экскурс: основные понятия типологии языков	179
В чем совершенство языка?	183

УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ (с. 185 — 188)

Закономерности изменений в языках: истоки общности, факторы различий	185
Основные направления социальной эволюции языков	186

Послесловие (Попытка резюме и приглашение к диалогу)	189
--	-----

ЛИТЕРАТУРА (с. 190 — 194)

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ (с. 195 — 197) ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (с. 198 — 201)

Учебное издание

Мечковская Нина Борисовна

СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Пособие для студентов гуманитарных вузов
и учащихся лицеев

Ведущий редактор **Л.Н. Белая**
Редактор **Н.В. Евстигнеева**

ЛР № 090102 от 14.10.94

Подписано к печати 17.01.96. Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13. Тираж 5000 экз.
Заказ № 80.

Аспект Пресс
111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.
Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате
Комитета Российской Федерации по печати.
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.